P1
1942
10

Основная библіотека
Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ.
Шкафъ Общій № 5014
Отдѣлъ Ja
№ отд. 577589
47 1/1
35825
читальня

PV
1773

Т 922-4 III-73.

СОЧИНЕНІЯ

и

ПЕРЕВОДЫ

С. Тучкова.

Проверка 1946 г.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

124104

ПРОВ. 1938 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Іос. Іоаннесова.
1816 года.

ОТДЕЛ РЕДКОЙ КНИГИ

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи наукъ. Санктпетербургъ, Января 25 дня, 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Гр. Блинковъ.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
206846

ФЕДРА

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Содержаніе Трагедіи сей взято изъ Еврипида; хотя я нѣсколько перемѣнилъ дѣйствіе оной, не оставилъ однакожъ обогатить сочиненіе мое всемъ, что показалось мнѣ наилучшимъ въ его твореніи. Еслибъ и былъ я долженъ ему только однимъ характеромъ Федры, то и тутъ могу сказать, что обязанъ разумнѣйшимъ произведеніемъ для Ѳеатра. Я не удивляюсь, что характеръ сей имѣлъ толь щастливой успѣхъ во времена Еврипидовы и что еще такъ хорошо принятъ въ нашемъ вѣкѣ потому, что онъ имѣетъ всѣ тѣ свойства, которыхъ требуетъ Аристотель въ Трагическихъ герояхъ и которыя сильны возбуждать состраданіе и ужасъ. Въ самомъ дѣлѣ Федра есть не во все преступна и не совсемъ невинна; она во влечена судьбою и гнѣвомъ боговъ въ противузаконную страсть, къ которой чувствуя первая весь ужасъ отвращенія, собираетъ всѣ свои силы, чтобъ превозмочь оную и лучше соглашается умереть, нежели кому либо въ ней открыться; когда же становится на то вынужденною, тогда говоритъ съ смущеніемъ показывающимъ ясно, что

преступленіе ея есть больше гнѣвъ боговъ, нежели дѣйствіе собственной ея воли.

Я старался представить ее меньше достойной ненависти, нежели каковою изображена она въ древнихъ Трагедіяхъ, въ коихъ сама собою рѣшается она на обвиненіе Гипполита. Я подумалъ, что клевета не достойна быть вмѣщена въ уста царицы имѣющей въ прочемъ величественныя и добродѣтельныя свойства. Низкость сія показалась мнѣ приличнѣйшей для кормилицы, которой раболѣпныя чувства свойственнѣе, къ тому жъ и она предпринимаетъ ложное сіе обвиненіе не для чего инаго, какъ только для сохраненія жизни и чести своей властительницы. — Федра соглашается съ нею единственно потому, что она внѣ себя отъ возмущеній душевныхъ, и скоро потомъ приходитъ въ намѣреніи открыть истину и оправдать невинность.

Еврипидъ и Сенека въ трагедіяхъ своихъ въ самомъ дѣлѣ обвиняютъ Гипполита въ насильствѣ его мачихи: Vim corpus tulit. Но здѣсь обвиняется онъ только въ одномъ намѣреніи. Я хотѣлъ избавить Тезея отъ возмущенія которое учинило бы его не столь пріятнымъ для зрителей; Что принадлежитъ до Гипполита я при-

мѣтилъ, что древніе укоряютъ Евритида за то, что онъ представляетъ его Философомъ чуждымъ всякаго несовершенства и сіе дѣлаетъ, что смерть его возбуждаетъ больше неудовольствія, нежели сожаленія. Я вздумалъ дать ему нѣкоторую слабость обвиняющую его отчасти въ глазахъ его отца, не отъемля тѣмъ нисколько великодушія его, съ которымъ щадитъ онъ честь Федры, позволяя угнѣтать себя безвинно. Я называю слабостію, страсть чувствуемую имъ противъ воли его къ Арисіи дочери и сестрѣ ненавистнѣйшихъ враговъ отца его.

Арисія не есть лице мною вымышленное. — Виргиліи говоритъ, что Гипполитъ послѣ того какъ Эскулапъ его воскресилъ, былъ на ней женатъ и имѣлъ сына. Мнѣ случилось также читать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что Гипполитъ увезъ съ собою въ Италію одну молодую Аѳинянку знатнаго рода, которая называлась Арисіей и дала потомъ имя свое небольшому городу земли сей. Утвержденія сіи приводятся мною для того, что я вездѣ въ точности придерживался баснословія и повѣсти о Тезеѣ, въ томъ видѣ какъ она оставлена Плутархамъ.

Въ сей то повѣсти нашелъ я, что подало случай думать яко бы Тезей ходилъ

во адъ, дабы похитить Прозерпину и что сіе было нечто иное, какъ путешествіе его въ Епиръ на рѣку Ахеронъ, къ нѣкоторому царю у котораго другъ его Пиритой хотѣлъ похитить супругу; но Тезей по неудачѣ былъ тамо заключенъ въ темницу, а Пиритой умерщвленъ. — Итакъ, потщился я сохранить Историческія вѣроподобія, не теряя нисколько красоты баснословія, толико нужнаго для стихотворства. Слухъ о смерти Тезеевой основанной на баснословномъ его путешествіи подаетъ случай Федрѣ открыться въ своей любви становящейся главною причиною всѣхъ ея нещастіи; чегобъ она никогда не сдѣлала еслибъ знала, что супругъ ея находится въ живыхъ. Впрочемъ не смѣю я увѣрять, чтобъ Трагедія сія была лучшая изъ всѣхъ мною сочиненныхъ; я предоставляю читателямъ и времени рѣшить о настоящемъ ея достоинствѣ; но въ томъ только могу увѣрить; что добродѣтель ни въ одной столь ясно не изображена какъ въ сей. — Въ ней малѣйшія погрѣшности строго наказываются: одна мысль о преступленіи видима съ толикимъ же ужасомъ какъ самое преступленіе. — Слабости любовныя представлены истинными слабостями; являемыя страсти, показываютъ весь безпорядокъ

ими причиняемой; а порокъ начертанъ вездѣ съ приличнымъ ему безобразіемъ.

Вотъ истинная цѣль, которую должны предполагать себѣ всѣ трудящіеся для общества, и которую перьвые трагическіе стихотворцы имѣли за всегда въ виду. Ѳеатръ былъ школою добродѣтели, въ которой не меньше она была преподаваема какъ во всѣхъ философскихъ училищахъ. — И потому то Аристотель издалъ правила Драмматической поемы; а Сократъ мудрѣйшій изъ философовъ не пренебрегалъ Трагедіями Еврипида. Желательно бы было чтобъ сочиненія наши были столько же наполнены полезными наставленіями, какъ творенія сихъ древнихъ стихотворцовъ. Можетъ быть послужило бы сіе средствомъ къ примиренію Трагедіи съ многими знаменитыми благочестіемъ и ученостію своею особами, которые охуждаютъ оную въ наши времяна, и которые конечно судили бы благосклоннѣе, естьли бы сочинители старались столько же наставлять, сколько забавлять своихъ зрителей и слѣдовали бы тѣмъ настоящему предположенію Трагедіи.

ФЕДРА

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. Расина.

Преложенная

въ Россійскіе стихи въ 1814 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ТЕЗЕЙ, сынъ Егея, Царь Аѳинскій.
ФЕДРА, супруга Тезеева, дочь Миноса и Пазифаи
ГИППОЛИТЪ, сынъ Тезея и Антіопы царицы Амазонской.
АРИСІЯ, Княжна происходящая отъ прежнихъ Царей Аѳинскихъ.
ЕНОНА, кормилица и наперстница Федры.
ТЕРАМЕНЪ, наставникъ Гипполитовъ.
ИСМЕНА, наперстница Арисіи.
ПАНОПА, одна изъ женъ находящихся при Федрѣ.
СТРАЖА.

Дѣйствіе въ Трезенахъ, городѣ Пелопоннискомъ.

ФЕДРА

ТРАГЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ГИППОЛИТЪ, ТЕРАМЕНЪ.

ГИППОЛИТЪ.

Итакъ рѣшился я, любезной Тераменъ
Оставить здѣшній край, пріятности Трезенъ.
Въ тоскѣ, подверженъ бывъ печальному случаю,
Я праздности моей стыдится начинаю. —
Шесть мѣсяцовъ не зря отца я моего,
Не знаю ничего объ участи его,
Не знаю, гдѣ онъ скрытъ противною судьбою?

ТЕРАМЕНЪ.

Куда же мы пойдемъ искать его съ тобою?
Тебѣ покорствуя, твое смущенье зря,
Уже я переплылъ Коринѳскія моря. —
Тезея на брегахъ искалъ отъ насъ тѣхъ дальнихъ,
Гдѣ кончитъ Ахеронъ свой путь въ странахъ печальныхъ;
Элладу посѣтилъ и мрачной зрѣлъ Тенаръ,
Зрѣлъ море гдѣ погибъ нещастливый Икаръ.
Какой надеждою, въ какихъ странахъ щастливыхъ
Возможно путь открыть слѣдовъ его правдивыхъ?
Кто знаетъ, можетъ быть отецъ твой, царь Тезей
Съ намѣреньемъ себя скрываетъ отъ очей
И между тѣмъ, какъ страхъ о немъ насъ возмущаетъ,
Любовью новою себя онъ утѣшаетъ;
Быть можетъ духъ его красой какой прельщенъ...

ГИППОЛИТЪ.

Постой, и чти его ты больше Тераменъ
Онъ младости своей оставилъ заблужденья,
Любовь не можетъ быть причиной удаленья. —

Непостоянну страсть въ немъ Федра из-
треба,
Не зритъ ужъ болѣе соперницъ для себя. —
Но какъ бы нибыло; я долгъ свой ис-
полняю,
И удаляюсь мѣстъ зрѣть коихъ не дерзаю.

ТЕРАМЕНЪ.

Давноль ты государь страшиться началъ сей
Страны, пріятной толь для юности твоей?
Гдѣ тихія тебѣ и рощи, и долины
Любезнѣй зрѣлися, чемъ гордыя Аѳины —
Какая грусть тебя стремитъ теперь отъ
нихъ?

ГИППОЛИТЪ.

Изчезли времена пріятностей драгихъ
Съ тѣхъ поръ, какъ щастію противные
случаи
Послали дщерь сюда Миноса, Пазифаи.

ТЕРАМЕНЪ.

Я знаю, мнѣ твоихъ извѣстенъ мыслей
видъ,
И Федра здѣсь тебя собою тяготитъ.
Неправа мачиха, едва тебя познала,
Какъ ссылкою твоей власть гнѣвну оказа-
ла. —
Но мню что пламень сей противъ тебя по-
гасъ,

Или слабѣющимъ мнѣ зрится всякой часъ. —
И можноль, чтобъ тебя такъ ненависть страшила
Жены, что смерти ждетъ, и коей жизнь постыла?
Она скрывая скорьбь и стонъ несносной свой,
Давно уже сама наскучила собой. —
Чего страшиться сей и слабой, и нещастной?

ГИППОЛИТЪ.

Мнѣ страшнымъ никогда сей не былъ гнѣвъ напрасной;
Но удаляяся отъ мѣстъ сихъ Гипполитъ
Опаснѣй чемъ она, себѣ врага бѣжитъ. —
Стремитъ меня отсель младая Арисія.

ТЕРАМЕНЪ.

Въ тебѣ ль я ожидалъ зрѣть чувства таковая?
Хоть отъ Палланидовъ она произошла;
Но братій злу своихъ причастна не была,
И ты ли, гнать ее возможешъ устремляться?

ГИППОЛИТЪ.

Когдабъ я гналъ ее, несталъ бы удаляться.

ТЕРАМЕНЪ.

Возможноли сказать, что такъ тебя страшитъ?

Уже ли сталъ не тотъ ты гордый Гипполитъ,
Что игу завсегда сердецъ тому смѣялся,
Которому Тезей не разъ повиновался?
Ужель Венера всѣхъ отрадъ и скорбей мать,
Тезея наконецъ возмнила оправдать? —
И чувства покоря несклонны и упрямы,
Тебѣ боготворить свои велѣла храмы?
Ужели любишъ ты?..

ГИППОЛИТЪ.

Мой другъ! что ты сказалъ?
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ мое ты сердце зналъ.
Въ тѣхъ чувствахъ, къ коимъ я питалъ негодованье,
Возможноль сдѣлать мнѣ постыдное признанье?
Отъ Амазонки я рожденъ Тезеемъ въ свѣтъ,
Ту гордость получилъ, и ей стремился въ слѣдъ. —
Когда же возраста достигнулъ совершенна,
Хвалился зря страстьми себя непобѣжденна. —
Ты дружбой бывъ ко мнѣ привязанъ за всегда,
Тезеевы дѣла вѣщалъ мнѣ иногда,
И зрѣлъ какъ подвиговъ я славою прельщался,
Внимая какъ имъ духъ мой юный воспалялся.-

Когда ты представлялъ какъ храбрый сей герой
Алкида замѣнялъ въ отсутствіи собой,
Какъ славно поражалъ чудовищъ и злодѣевъ,
Синнисовъ, Скириновъ, Керкиновъ, Прокрустеевъ. —
Какъ Эпидаврскій былъ разтерзанъ Исполинъ,
Какъ Минотавра онъ во тмѣ сразилъ одинъ.—
Но какъ ты мнѣ являлъ, въ немъ пламень тотъ премѣнной,
Вѣщалъ о вѣрности толь многимъ посвященной,
Елену въ Спартѣ какъ похитилъ, обольстилъ,
Какъ Перибею онъ въ страданья погрузилъ;
О множествѣ другихъ любьви къ нему чрезмѣрной,
Которыхъ обманулъ онъ пламень легковѣрной;
Объ Аріадниныхъ мученіяхъ толь злыхъ,
О Федрѣ наконецъ щастливѣйшей другихъ;
Ты знаешъ какъ являлъ къ тому я отвращенье,
И часто прерывалъ сихъ словъ твоихъ теченье.
Щастливъ коль позабыть могу его ту страсть,

Прекрасной повѣсти толь недостойну часть....
Пристойноль слабостямъ его мнѣ предаваться,
Иль боги до того противъ меня стремятся,
Чтобъ только жизнь моя извѣстна тѣмъ была,
Въ Тезеѣ кроютъ, что великіе дѣла?
Еще молчащая о мнѣ повсюду слава
Къ подобнымъ слабостямъ мнѣ дать не можетъ права.
Но еслибъ рокъ хотѣлъ меня имъ покорить,
Мнѣль Арисіиной красѣ подвластну быть?
Возмогутъ ли забыть то чувства заблужденны,
Какія къ сей любьви препоны положенны?
Родительскую власть, законъ жестокой сей,
Что братій родъ ея изчезнуть долженъ съ ней?
Тезей страшится зрѣть ихъ отрасль предъ собою,
И хочетъ, чтобъ та кровь погибла съ ихъ сестрою,
Чтобъ родъ ихъ въ ней ему навѣкъ былъ покоренъ,
Чтобъ не былъ пламянникъ для брака ей возженъ.
Мнѣль можно пренебречь сіи постановленья?

Мнѣль показать собой примѣры дерзновенья,
И безразсудною себѣ любовью льстить?

ТЕРАМЕНЪ.

Что небо хочетъ намъ на свѣтѣ учредить,
Въ томъ воли никогда отъ насъ не вопрошаетъ.
Желанья строгостью Тезей въ тебѣ питаетъ. —
Служащій гнѣвъ его препоною сердцамъ,
Блескъ новый придаетъ Арисіи красамъ.
Почто страшишся ты любови сей невинной,
И жизни въ вѣрности пріятностью обильной?
Всегдаль Венеры власть ты будешъ презирать?
Возможноль послѣдамъ Алкида заблуждать?
Чего не можетъ власть великія богини?
Чемъ ты бы нынѣ былъ, когдабы героини
Она не вздумала жестоку грудь пронзить,
И Антіопу тѣмъ Тезею покорить?
Но что о томъ плодить напрасное сужденье?
Признайся, что въ тебѣ мы видимъ премѣненье.
Дней нѣсколько какъ зримъ въ тебѣ мы нѣкій страхъ,

Являясь рѣдко ты въ ристаньѣ набре-
гахъ,
Не видимъ мы тебя Нептуномъ наученна
Смиряюща въ поляхъ коня разгоряченна,
Не повторяютъ крикъ охотниковъ лѣса,
И тайный огнь тягчитъ собой твои глаза,
Ты страждешъ отъ тоски, которую скры-
ваешъ,
Сомнѣнья нѣтъ, что ты любовію пылаешъ,
Скажи, моглаль она твой духъ поколебать?

ГИППОЛИТЪ.

Я ѣду Тераменъ, родителя искать.

ТЕРАМЕНЪ.

Но хочешъ ли узрѣть ты Федру отъѣзжая?

ГИППОЛИТЪ.

Намѣренъ. — Ты представь ей важность
всю случая. —
Узрю ее, мнѣ то обязанность велитъ;
Но что за грусть теперь Енону тяго-
титъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИППОЛИТЪ, ТЕРАМЕНЪ, ЕНОНА.

ЕНОНА.

Что можетъ превзойти мои страданья люты?
Царица зритъ уже послѣднія минуты.
Я тщетно день и ночь ей помощь подаю,
Кончая жизнь она, скрываетъ скорьбь свою.
Разстройство страшное, страданіе въ ней множа
Въ смущеніи теперь исторгнуло изъ ложа,
Желаетъ видить свѣтъ, но въ горести своей
Страшится встрѣтить здѣсь присудствіе людей.
Она идетъ!...

ГИППОЛИТЪ.

Пойдемъ. — Уже она вступаетъ,
Сокроемъ видъ кой ей противность умножаетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ФЕДРА, ЕНОНА.

ФЕДРА.

Нѣтъ, далѣе нейди, Енона здѣсь пребудь. —
Я силъ лишаюся, тѣснится страшно грудь,
Отягощаетъ свѣтъ глаза мои собою,
Трепещутъ въ слабости колѣна подо мною,
Увы!

Садится.

ЕНОНА.

Иль токи слезъ васъ боги не смягчатъ!

ФЕДРА.

О! Какъ меня сіи наряды тяготятъ!
Кто мнѣ ихъ завязать потщился такъ узлами?
На что чело мое покрыли мнѣ власами?
Все съединяется для мукъ и для вреда!

ЕНОНА.

О какъ! желанья въ ней противятся всегда.
Сама ты устремя правдивые укоры,
Велѣла принести, надѣть сіи уборы;

Сама воспомня ты пріятность прежнихъ
лѣтъ,
Оставя грусть, узрѣть хотѣла дневный
свѣтъ. —
Ты зришъ его; но ахъ! готовясь ужъ
сокрыться,
Хотѣла что, того стремишся удалиться.

ФЕДРА.

Блистающе съ высотъ въ сіяніи лучей,
О Солнце! — матери моей виновникъ дней,
Краснѣюще, что я отъ ней къ бѣдамъ ро-
дилась,
Въ послѣдніе увы! я зрѣть тебя рѣшилась!

ЕНОНА.

Что слышу? — Ты никакъ не хочешъ пере-
стать
Кончины дней своихъ съ усиліемъ желать
И смерти льстишь себѣ жестокостью из-
вѣстной!

ФЕДРА.

Почто я не могу сидѣть въ тѣни древе-
сной? —
О Боги, и когда я сквозь почтенный прахъ
Бѣгъ колесницы сей, узрю въ моихъ очахъ!

ЕНОНА.

Царица! Что?...

ФЕДРА.

Гдѣ я? — и что? — Ахъ! что вѣщаю!
Въ какихъ желаніяхъ мой разумъ заблуждаю?..
Лишалась я его!... и вижу гнѣвъ боговъ! —
Енона! Я стыжусь и мнѣнія и словъ.
Сказала много я смущаема бѣдами.
Увы! глаза мои наполнились слезами!

ЕНОНА.

Стыдиться коль должно, стыдися тайны сей,
Стыдись молчанія и горести своей. —
Пренебрегая всѣ совѣты, попеченья,
Иль хочешь кончить дни свои безъ сожалѣнья?
Что ихъ прервать тебѣ велитъ въ срединѣ лѣтъ?
Какой жестокой ядъ снѣдаетъ въ корнѣ цвѣтъ?
Трикратно небеса мрачились тмой нощною,
Какъ сонъ не дѣйствовалъ ни сколько надъ тобою;
Трикратъ являлся день, мракъ нощи истребя,

Безъ пищи какъ въ тоскѣ ты злой томишъ себя.
Какая страшна мысль въ душѣ твоей таится?
Кто право далъ тебѣ на жизнь твою стремиться?
Ты гнѣвъ влечешъ боговъ, родясь отъ ихъ крови,
Ты измѣняешъ тѣмъ супругу и любьви;
Ты долгъ къ дѣтямъ своимъ и нѣжность забываешъ,
Которыхъ страшному ты игу подвергаешъ!
Подумай, день кой ихъ на вѣкъ тебя лишитъ,
Всю сыну странницы надежду возвратитъ.
Подвергнутся врагу сему твои потомки,
Рожденну въ Греціи отъ крови Амазонки,
И Гипполитъ...

ФЕДРА.

О рокъ!...

ЕНОНА.

Не должноль то смущать?

ФЕДРА.

Нещастная! — кого дерзнула ты назвать?

ЕНОНА.

Такъ, праведно къ нему твой лютый гнѣвъ пылаетъ,

Пріятно мнѣ то зрѣть, что духъ твой изъявляетъ.
Живи, храни себя, зря множество причинъ,
Живи, не потерпи, чтобъ звѣрской Скиѳки сынъ
Обременялъ дѣтей твоихъ неправой властью
И кровь боговъ тѣснилъ несносною напастью. —
Но время не теряй къ намѣреньямъ такимъ
Ты силамъ крѣпость дай и чувствіямъ своимъ;
Межъ тѣмъ, хоть жизнь твоя въ опасности и зрится;
Но пламянникъ ея возможетъ воспалиться.

ФЕДРА.

Довольно уже я преступну жизнь брегла!

ЕНОНА.

Въ чемъ совѣсть упрекать тебя такъ возмогла?
Какой ужасной грѣхъ сіи раждаетъ муки?
Невинныхъ кровь твои не обагряла руки.

ФЕДРА.

Не руки, но когдабъ явили боги мнѣ,
Чтобъ сердце чисто такъ могло быть какъ онѣ!

ЕНОНА.

Какая жъ страшна мысль въ душѣ твоей таится,
Что сердце такъ твое трепещетъ и страшится?

ФЕДРА.

Сказала много я, щади остатокъ сей,
Окончить должно жизнь, чтобъ не открыться въ ней.

ЕНОНА.

Итакъ, умри свое упорство сохраняя. —
Но да сомкнетъ тебѣ глаза рука иная.
Хотя я зрю въ тебѣ послѣдній жизни свѣтъ,
Моя душа скорѣй тебя во адъ сойдетъ. —
Всегда открыты тьмы путей земли въ утробу,
Ближайшій мнѣ изъ всѣхъ явитъ печаль ко гробу.
Подумай, кто тебя въ рожденьѣ воспріялъ?
Съ которыхъ поръ твой духъ мою всю вѣрность зналъ?
Страну мою и чадъ я для тебя забыла,
Сіюль награду мнѣ за вѣрность ты хранила?

ФЕДРА.

Чемъ льстишъ себѣ, какимъ отъ просьбы сей плодомъ?

Челябинская центральная библиотека
№ 44404 35 8 ст

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Содрогнешся когда тебѣ откроюсь въ томъ

ЕНОНА.

Чтобъ нисказала ты, что можетъ съ тѣмъ сравниться,
О боги! — коль узрю, что вѣкъ твой прекратится?

ФЕДРА.

Когда узнаешъ ты, чемъ грудь отягчена,
Не меньше я умру, но болѣе винна.

ЕНОНА.

Для слезъ царица сихъ, которы проливаю...
Ахъ! сжалься, зри, какъ я у ногъ твоихъ страдаю!
Престань разсудокъ мой невѣденьемъ терзать.

ФЕДРА.

Ты хочешъ? — Встань.

ЕНОНА.

Скажи: готова все внимать.

ФЕДРА.

О небо! — Ахъ! съ чего начать въ тоскѣ, незнаю?

124144
3395
БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕНОНА.

Почто въ тебѣ, почто напрасный страхъ
встрѣчаю?

ФЕДРА.

Доколѣ будешъ ты Венеры гнѣвъ пылать?
Чему, чему любовь мою подвергла мать!

ЕНОНА.

Забудь царица то, пусть вѣчное молчанье
Для будущихъ временъ сокроетъ вспоминанье.

ФЕДРА.

Ты Аріадна мнѣ любезной бывъ сестрой,
Какъ люто кончила любовь, вѣкъ слезный
твой!

ЕНОНА.

Скажи царица, что въ тоскѣ воображаешъ?
Почто всѣ бѣдствія родства напоминаешъ?

ФЕДРА.

Венера хочетъ, чтобъ родясь отъ ихъ
крови
Послѣдняя въ бѣдахъ я окончала дни!

ЕНОНА.

Не ужель любишъ ты?...

ФЕДРА.

Горю!... любьви подвластна!

ЕНОНА.

Къ комужъ?...

ФЕДРА.

Содрогнися отъ бѣдствія ужасна!
Люблю!.. Трепещетъ духъ... О строга
власть судьбинъ!
Люблю!...

ЕНОНА.

Кого?

ФЕДРА.

Увы! сей Амазонки сынъ
Извѣстенъ ли тебѣ?... кого я утѣсняла!

ЕНОНА.

О боги Гипполитъ!

ФЕДРА.

Ахъ! Ты его назвала.

ЕНОНА.

Что слышу? небеса! хладѣетъ въ сердцѣ кровь.
О родъ нещастнѣйшій! проступокъ! о любовь!
О полный бѣдства путь! брега, брега, опасны!
По что на нихъ ты насъ привелъ, о рокъ ужасный?

ФЕДРА.

Давно я стражду имъ, и только что Тезей
Въ супружней вѣрности далъ клятву мнѣ своей,
Какъ льстилась я узрѣть щастливы дни судьбины,
Явили гордаго врага сего Аѳины!
Увидѣла его — смутился весь мой духъ;
Премѣна страшная во мнѣ явилась вдругъ!
Глаза любьви огнемъ и чувства воспылали,
Несмѣла говорить, всѣ члены трепетали!
Тутъ я познала всю Венеры сильну власть,
Что роду моему готовить злу напасть.
Гнѣвъ строгій умягчить обѣтами возмнила
И храмъ прекрасной ей, тогда же соруудила,
Гдѣ жертвы вознося предъ ней своей рукой
Во внутренности ихъ искала свой покой....

Лѣкарства тщетныя неизлѣчимой раны!
Вотще курилися предъ нею фиміамы. —
Хоть обращалась къ ней съ моленіемъ мо-
имъ;
Но въ сердцѣ Гипполитъ лишъ былъ бого-
творимъ,
Средь пламя олтарей, его въ разсудкѣ зрѣла,
И Богу жертвуя назвать его не смѣла;
Скрывалась отъ него. — О бѣдство! лю-
тый страхъ...
Встрѣчала образъ тотъ отца его въ чер-
тахъ.
Я въ сихъ смущеніяхъ противъ себя воз-
стала,
И противъ воли гнать моей его искала. —
Чтобы не зрѣть его, спокойство погубя,
Подъ гнѣвомъ мачихи скрывала я себя.
Всегдашнихъ наконецъ моихъ стѣнаній сила,
Отеческихъ его объятій лишила.
Изчезли, мнила я, мученія сіи,
Текли въ невинности спокойнѣй дни мои
Супругу бывъ вѣрна, скрывая тяжки стоны,
Старалась соблюдать я брачные законы,—
Но тщетно разумъ нашъ противится судь-
бамъ.
Привезъ меня Тезей, привезъ въ Трезены
самъ
Узрѣла я его, и съ тою же любовью
Сердечна рана вдругъ наполнилася кровью!

Не жаръ одной любьви, не жаръ во мнѣ горитъ,
Венера то сама весь гнѣвъ ко мнѣ стремитъ;
Я весь проступокъ мой ужасный толь познала,
Несносенъ сталъ сей огнь, и жизнь противна стала;
Рѣшилась честь сберечь я смертію моей,
Чтобъ въ мракѣ вѣчности сокрылся пламень сей —
Но тронувшись тоской и мукою твоею,
Во всемъ открылася; однакожъ не жалѣю,
Лишъ толькобъ видя ты, что кончу жизнь стеня,
Не оскорбляла бы упреками меня,
И тщетно сохранять престала чтобъ трудиться
Оставшей жизни свѣтъ готовой прекратиться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФЕДРА, ЕНОНА, ПАНОПА.

ПАНОПА.

Желалабъ предъ тобой нещастіе сокрыть;
Но долгъ царица то, велитъ мнѣ объявить.
Не побѣдимаго супруга дни судьбина
Пресѣкла, и о томъ незнаешъ ты едина.

ЕНОНА.

Панопа! что за вѣсть?

ПАНОПА.

Во градѣ слухъ идетъ,
Царица что сюда супруга тщетно ждетъ,
И что отъ кораблей, которы здѣсь пристали
Услышалъ Гипполитъ о томъ въ своей печали.

ФЕДРА.

О небо!

ПАНОПА.

Ужъ народъ смутился тѣмъ Аѳинъ.
Одни хотятъ, чтобы владѣлъ царицы сынъ,
Другіе жъ, позабывъ отечества законы,

Чтутъ сына странницы достойнымъ быть
короны,
А третьихъ дерзское собраніе гласитъ,
Что Аресіи власть сія принадлежитъ.
Опасность близкая бѣды предвозвѣщаетъ,
Къ отъѣзду Гипполитъ себя приготовляетъ;
Страшатся, если онъ при новой бурѣ сей
Явится, то узритъ подъ властью все своей.

ЕНОНА.

Довольно. — Ужъ о всемъ царица разумѣетъ,
И мѣры взять къ тому свои не укоснѣетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ФЕДРА, ЕНОНА.

ЕНОНА.

Я не противлюся желанью твоему,
Готова за тобой идти во смертну тму.—
Нѣтъ силъ во мнѣ пресѣчь намѣренье такое;
Однакожъ новыя бѣды велятъ иное.
Царь кончилъ вѣкъ, дѣла перемѣнили видъ,
На мѣстѣ быть его судьба тебѣ велитъ.
Остался сынъ тебѣ, онъ будетъ, то свершится

Рабомъ коль ты умрешъ, царемъ коль жизнь
продлится.
Какую безъ тебя подпору онъ найдетъ?
Кто слезы горести ему тогда отретъ?
Невинной вопль его, внимаемой богами,
Возбудитъ предковъ всѣхъ явя тебѣ вра-
гами.
Что можетъ упрекать теперь тебя? —
живи,
Не вреденъ болѣе сей огнь твоей любьви.—
Тезей окончивъ вѣкъ, пресѣкъ сіи законы,
Что пламени сему поставили препоны.
Нестрашенъ Гипполитъ для сердца твоего
Безъ преступленія ты можешъ зрѣть его.
Но онъ увѣренъ бывъ, что не терпимъ то-
бою,
Начальника вражды готовъ явить собою.
Прерви невѣденье, и сей разсторгни
ковъ. —
Трезены часть его, онъ здѣшнихъ царь
бреговъ;
А сыну твоему законъ вручаетъ стѣны,
Что были въ древности Минервой возве-
денны.
Соединися съ нимъ, чтобъ отвратить на-
пасть,
И Арисіи тамъ неправу свергнуть власть.

ФЕДРА.

Всю истинну сихъ словъ я чувствую не-
ложно. —
Потщимся жизнь продлить, коль жить еще
возможно
И къ сыну коль любовь въ мученіяхъ толь
злыхъ,
Сильна возстановить остатокъ дней моихъ

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АРИСІЯ, ИСМЕНА.

АРИСІЯ.

Какоюбъ то могло содѣлаться судьбою,
Что хочетъ Гипполитъ проститься здѣсь со мною?
Исмена, можноли повѣрить вѣсти сей?

ИСМЕНА.

Тому причиной то, что кончилъ вѣкъ Тезей.
Готовся зрѣть сердца подвластны Арисія,
Что гнали отъ тебя досель случаи злые;
Свободна ты теперь, смягчился жребій строгъ,
И скоро Грецію увидишъ всю у ногъ.

АРІСІЯ.

И такъ, Исмена льстишь я тѣмъ себѣ ужъ смѣю,
Что я не плѣнница, враговъ что неимѣю?

ИСМЕНА.

Такъ, боги наконецъ явили кроткій зракъ,
И къ братіямъ твоимъ Тезей снисшелъ во мракъ.

АРИСІЯ.

Скажи какъ умеръ онъ, ужель о томъ всѣ знаютъ?

ИСМЕНА.

Не вѣроятное о смерти сей вѣщаютъ:
Иные говорятъ, что новою красой
Плѣнясь, и съ ней бѣжа, въ волнахъ вѣкъ кончилъ свой;
Другіежъ, и о томъ молва сильнѣй средь града,
Что съ Пиритоемъ онъ снисшелъ во мрачность ада,
Зрѣлъ темные брега, Коцитъ покрытый мглой,
И къ адскимъ божествамъ явился тамъ живой;
Но что не могъ оттоль изторгнуться обратно,
И водъ прейти, что всѣ преходятъ не возвратно.

АРИСІЯ.

Могуль повѣрить я, чтобъ смертной въ жизни сей
Свой жребій не сверша, достигъ во мракъ тѣней?
Волшебство ли могло подать къ тому стремленья?

ИСМЕНА.

Тезей окончилъ жизнь, и нѣту въ томъ сомнѣнья.
Аѳины сѣтуютъ, Трезенскій край гласитъ
Что признанъ всѣми здѣсь на тронѣ Гипполитъ;
А Федра о своемъ страшась въ печали сынѣ,
Совѣту ждетъ друзей о томъ, что дѣлать нынѣ?

АРИСІЯ.

Иль мнишъ, что Гипполитъ бывъ склоннѣй чемъ отецъ,
Захочетъ положить бѣдамъ моимъ конецъ?
Что будетъ сожалѣть?...

ИСМЕНА.

Я то воображаю.

АРИСІЯ.

Нѣтъ, нечувствительность я Гипполита знаю,
Возможноль, чтобъ его поколебалъ мой стонъ

Чтобъ чтилъ во мнѣ одной полъ, кой не-
терпитъ онъ?
Ты зришъ, что онъ отъ насъ повсюду убѣ-
гаетъ,
Что ищетъ мѣстъ меня увидѣть гдѣ не-
чаетъ

ИСМЕНА.

Я знаю, что о сей холодности гласятъ,
И зря передъ тобой его въ перьвыя взглядъ,
Наслышась сколько въ немъ суровость та
надменна,
Была желаніемъ познать его влеченна,
Но былъ ли справедливъ о немъ слухъ многій
сей?
Родилъ смущенье въ немъ твой первый
взоръ очей. —
Вотще глаза его сокрыть сіе хотѣли,
Блистала нѣжность въ нихъ, и къ преле-
стямъ летѣли.
Быть можетъ влюблену себѣ онъ ставитъ
въ стыдъ
Но взоръ, слова и все въ немъ страстный
кажетъ видъ

АРИСІЯ.

Съ какою жадностью любезная Исмена,
Внимаю я сіе, тщетой бывъ ослѣпленна?
О ты, которой мой давно извѣстенъ нравъ,
Повѣришъ ли сему, что всѣ бѣды познавъ,
И бывъ всегдашнею терзаема тоскою,

Могла еще любовь лишать меня покою?
Остаткомъ бывъ царей землей, что рож-
дены,
Одна спаслася я отъ лютыя войны. —
Шесть братій потерявъ, въ прекрасномъ
жизни цвѣтѣ,
Какая мнѣ могла надежда льстить на
свѣтѣ?
Война причиною ихъ гибели была,
Земля съ прискорбіемъ кровь чадь своихъ
пила!
И знаешъ ты, потомъ сколь строгіе зако-
ны
Любьви моей на вѣкъ поставили препоны.
Страшатся, что сестры преступная лю-
бовь,
Возможетъ оживить собою братій кровь.
Но вѣдаешъ и то, какъ я пренебрегала
Всѣ попеченья тѣ и какъ нанихъ взирала;
Я сердце отъ любьви храня всегда мое,
Признательна была Тезею за сіе. —
Пріятна мнѣ была, та строгая судьбина.
Но ахъ! тогда еще его не знала сына.
Не пламянныхъ очей плѣнилась я лучемъ,
Не красотой его, что всѣ возносятъ въ
немъ;
Даръ, коимъ толь его природа украшаетъ.
Что презираетъ онъ, иль кажется незна-
етъ.

Отцову доблесть въ немъ любила я всегда
Не зрящу слабостей его въ себѣ вреда. —
Въ немъ добродѣтель та мнѣ стала драго-
цѣнна,
Что силою любьви еще не побѣжденна.
Пусть къ Федрѣ страсть свою питаетъ
въ вѣкъ Тезей,
Пренебрегаю я побѣдой легкой сей.
Не лестно вѣрность взять, толь многимъ
посвященну,
И узы возложить къ оковамъ приученну;
Но гордость такову чрезмѣрну поко-
рить.
Толь сердце твердое любьви поработить,
Чтобъ цѣпи зря свои, мой плѣнникъ имъ
дивился,
Любезно бремя, чтобъ напрасно свергнуть
тщился,
Вотъ, что желаю я. — Великій самъ Ал-
кидъ
Былъ легче побѣжденъ, чемъ гордый Гип-
политъ.
Кто былъ не разъ плѣненъ, того не твер-
ды нравы,
Побѣда такова явить не можетъ славы.
Но Ахъ! Исмена, что мой духъ вообра-
зилъ?
Преодолѣть его, моихъ нестанетъ силъ!
Ты можетъ быть узришъ, что тщетно
покорюся

Сама я страсти сей, которой толь горжуся.
Онъ будетъ мной пылать — какъ вѣрить
симъ мечтамъ?
Чтобы плѣниться могъ?....

ИСМЕНА.

Но се, идетъ онъ самъ. —
Спѣшитъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИППОЛИТЪ, АРИСІЯ, ИСМЕНА.

ГИППОЛИТЪ.

Имѣвъ къ отъѣзду я причину,
Счелъ нужнымъ объявить тебѣ твою
судьбину.
Отецъ скончался мой, нещастіе сіе
Предвозвѣстило мнѣ смущеніе мое;
Едина смерть его пресѣкшая побѣды
Могла отъ насъ таить его толь долго
слѣды.
Такъ, скрыли Парки въ тмѣ Тезея славный
духъ,
Окончилъ дни свои Алкида спутникъ, другъ
Я мню, тѣ имена душа твоя признаетъ,

И доблесть, кою въ немъ вселенна прославляетъ.
Одно печаль мою лишъ сильно умягчить,
Что я могу тебя изъ плѣна свободить,
И право свергнуть, что тѣснитъ тебя собою. —
Ты можешъ властвовать теперь своей судьбою.
Въ Трезенахъ сихъ, что мнѣ достался въ удѣлъ,
Гдѣ предокъ мой Пиѳей наслѣдственно владѣлъ,
Гдѣ власть законную надъ всѣми получаю,
Свободнѣй чемъ себя, тебя я оставляю.

АРИСІЯ.

Умѣрь щедротъ своихъ, умѣрь обильный токъ.
Великодушно толь почтить нещастный рокъ,
Есть подвергать меня, и больше чемъ ты чаешъ
Жестокости тѣхъ правъ, отъ коихъ свобождаешъ.

ГИППОЛИТЪ.

Межъ сыномъ Федры, мной, а вмѣстѣ и тобой,
Кого на Тронъ возвѣсть Аѳины спорятъ свой?

АРИСІЯ.

Межъ мною государь!...

ГИППОЛИТЪ.

Хоть строгіе законы
Могли поставить мнѣ предъ симъ къ тому
препоны,
Что Скиѳкой я рожденъ, въ порокъ вмѣ-
нить хотятъ;
Но еслибъ только былъ соперникомъ мнѣ
братъ,
Открылъ бы право я, обрѣсть владѣнье
трона,
И строгость низложить противнаго зако-
на. —
Но справедливое препятство зря себѣ,
Я возвращаю, что принадлежитъ тебѣ;
Твои чемъ предки всѣ въ Аѳинахъ обладали,
Отъ славныхъ чадъ земли они, что воспрі-
яли,
Усыновленіемъ, что получилъ Егей. —
Аѳины жъ, щедрость зря, что имъ явилъ
Тезей,
Въ избраніи царемъ его согласны были,
Нещастныхъ братіевъ твоихъ тогда за
были.
Теперь зоветъ къ себѣ тебя сія страна;
Довольно принесла ей бѣдствія война,
Довольно ваша кровь въ поляхъ ея дыми-
лась

Родивша ту земля, довольно ей багрилась.
Трезены мой удѣлъ, а Критскія страны
Царицы сыну быть должны утверждены;
Но Аттика тебѣ принадлежитъ безгласно,
Я ѣду, прекратить въ ней преніе напрасно.

АРИСІЯ.

Все то, что слышу я, смущаетъ разумъ мой —
Не ослѣпляюсь ли я тщетною мечтой?
Не сонъ ли то? — Могуль, прельщаться мыслью сею?
Какой владѣетъ богъ теперь душей твоею?
Не ложны о тебѣ хвалы гремять средь насъ;
Но доблесть и дѣла сильнѣй чемъ славы гласъ.
Ты измѣнить себѣ, въ угодность мнѣ желаешъ?
Не многоль и того, чтобъ гнѣва не являешъ,
И можешъ долго толь, ты сердце защищать
Отъ ненависти сей?..

ГИППОЛИТЪ.

Мнѣ мщеніе питать!...

Кто мысли далъ тебѣ о семъ неправомъ
гнѣвѣ?
Не ужель Фурія меня носила въ чревѣ?
Какой жестокой нравъ, закоренѣлой, злой
Не можетъ быть смягченъ толикой кра-
сотой?
Могуль не чувствовать — имѣть толь
сердце строго?

АРИСІЯ.

Что государь?...

ГИППОЛИТЪ.

Увы! сказалъ тебѣ я много.
Но если покоренъ разсудокъ страсти
сталъ,
Когда ужъ я о ней молчаніе прервалъ,
Я долженъ продолжать. — Неможетъ грудь
стѣсненна
Ту тайну сокрывать, что въ сердцѣ зак-
люченна
Достойна зри меня ты жалости твоей,
Познай паденіе всей гордости моей. —
Я, кой противъ любьви толико воружался,
И тягости оковъ ея всегда смѣялся;
Нещастье зря другихъ среди морскихъ ва-
ловъ,
На бури мнилъ взирать жалѣя съ береговъ.
Подвластенъ нынѣ ставъ всеобщему уставу

Дивлюсь смущенію, дивлюсь премѣнѣ нраву!
Одна минута все успѣла побѣдить,
И душу гордую тебѣ поработить.
Шесть мѣсяцовъ какъ грусть простер-
шись за предѣлы
Стремитъ горящія любьви внутрь сердца
стрѣлы.
Противъ тебя, противъ себя я возстаю,
Бѣжа очей твоихъ, вездѣ зрю тѣнь твою. —
Она въ поляхъ, въ лѣсахъ, послѣдуетъ за
мною,
Тебя мнѣ кажетъ день и нощи мракъ со-
бою. —
Все прелестей твоихъ изображаетъ видъ,
Все тщится, чтобъ тобой былъ страстенъ
Гипполитъ.
Напрасно на себя всѣ мысли обращаю,
Ищу себя; но Ахъ! уже не обрѣтаю!
Мнѣ колесница, мечь, и лукъ мой сталъ по-
стылъ,
Я наставленія Нептуна позабылъ,
Лѣса вздыханія лишъ только повторяютъ,
И кони въ праздности мой гласъ позабы-
ваютъ.
Внимая всѣ слова любьви къ тебѣ моей,
Побѣды можетъ быть стыдишся ты своей.
Какое звѣрское открытье сердца страстна?
Я ига такова достоинъ ли прекрасна?

Но жертвы только въ томъ единомъ цѣну
зрю,
Что въ жизни о любви въ первыя говорю.
Прости слова мои, и не отринь желанья
Любви, что безъ тебя невѣдалъ я пы-
ланья

ЯВЛЕНІЕ III.

ГИППОЛИТЪ, АРИСІЯ, ТЕРАМЕНЪ, ИСМЕНА.

ТЕРАМЕНЪ.

Царица государь въ мѣста сіи спѣшитъ,
Тебя узрѣть.

ГИППОЛИТЪ.

Меня!

ТЕРАМЕНЪ.

Не вѣдаю, что мнитъ,
И что она теперь еще предпринимаетъ;
Но говорить съ тобой, предъ выѣздомъ же-
лаетъ,

ГИППОЛИТЪ.

Что можетъ ждать она, и что мнѣ ей ска-
зать?

АРИСІЯ.

Не можно государь ей въ ономъ отказать,
Хотя ты зналъ ея всегдашнее гоненье;
Но къ горести явить обязанъ сожалѣнье.

ГИППОЛИТЪ.

Я ѣду не познавъ... Межъ тѣмъ уходишъ ты,
Не оскорбилъ ли я драгія красоты?
Что сердцу ждать, тебѣ которое подвластно?

АРИСІЯ.

Спѣши свершить свое намѣренье прекрасно,
Аѳины утверди, подъ властію моей,
Любезенъ всякой даръ мнѣ отъ руки твоей,
И сей, хотя принять съ усердьемъ желаю;
Но драгоцѣннѣйшимъ его не почитаю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГИППОЛИТЪ, ТЕРАМЕНЪ.

ГИППОЛИТЪ.

Мой другъ, готоволь все, но Федра къ намъ
идетъ. —
Ступай, спѣши и знай, что время насъ
не ждетъ.
Подай къ отъѣзду знакъ, приди суда
обратно,
И прекрати сіе свиданье непріятно.

ЯВЛЕНІЕ V.

ФЕДРА, ГИППОЛИТЪ, ЕНОНА.

ФЕДРА *къ Енонѣ въ концѣ Ѳеатра.*

То онъ! Стремится кровь вся къ сердцу
моему.
Увы! Забыла, что хочу сказать ему!

ЕНОНА.

Ахъ! помни о своемъ царица бѣдномъ сынѣ.

ФЕДРА.

Узнавъ, что ты спѣшишъ своимъ отъѣздомъ нынѣ,
Пришла мой стонъ къ твоимъ слезамъ соединить,
Смущеніе мое о сынѣ изъяснить!...
Онъ потерялъ отца, и день тотъ близко зрится,
Въ которой долженъ онъ и матери лишиться.
Въ младенчествѣ ему грозятъ тьмы страшныхъ бѣдъ,
Безъ помощи твоей, ни въ чемъ надежды нѣтъ.
Но тайное меня смущаетъ угрызенье;
Мню, что къ нему твое пресѣкла сожалѣнье,
Страшусь правдиваго я гнѣва твоего,
Чтобъ не былъ пагубой онъ вѣчной для него!

ГИППОЛИТЪ.

Я низкихъ чувствъ такихъ царица не имѣю.

ФЕДРА.

Отмщай, я о себѣ нисколько не жалѣю.
Всегда гнала тебя, ты былъ ужасенъ мнѣ;
Но крыла истинну я сердца въ глубинѣ. —
Вражду противъ тебя въ себѣ я возбуждала,

Изгнала отъ бреговъ, на коихъ обитала,
Всегда вредить тебѣ была устремлена,
Хотѣла моремъ быть съ тобой раздѣлена,
Поставила законъ, къ сердечному покою,
Тебя, чтобъ вспоминать не смѣлъ ни кто предъ мною.
Но естьли ненависть, съ мученьями сравнить,
Хоть злость моя твой гнѣвъ успѣла возбудить —
Повѣрь, что меньше всѣхъ была я тѣмъ спокойна,
И меньше всѣхъ ко мнѣ вражды твоей достойна.

ГИППОЛИТЪ.

Ревнующая мать дѣтей своихъ правамъ,
Другой супруги мстить старается дѣтямъ. —
Царица знаю я, вражда и подозрѣнье,
Другаго брака есть всегда произведенье.
Отъ всякой можно зрѣть сей непріязни видъ,
И можетъ отъ другой, я большебъ несъ обидъ

ФЕДРА.

Клянуся небомъ въ томъ, сколь духъ мой ни пылаетъ,
Что общей сей законъ меня не заключаетъ;
Другая мучитъ страсть спокойствіе губя!

ГИППОЛИТЪ.

Не время еще такъ тебѣ смущать себя.
Быть можетъ живъ Тезей, зря небо токи слезны,
Потщится путь открыть въ страны ему любезны.
Нептунъ хранитъ его, онъ помощь можетъ дать,
И царь его вотще не будетъ призывать.

ФЕДРА.

Два раза зрѣть нельзя владѣнья Прозерпины,
Коль видилъ ужъ Тезей, тѣ мрачныя долины,
Небудетъ возвращенъ сюда богами онъ,
Не отдаетъ корысть завистный Ахеронъ.
Но что я говорю? — Онъ живъ въ тебѣ дыхая,
Супруга зрю въ тебѣ черты его встрѣчая!...
Я вижу! — Говорю! — Смущаюсь!... О напасть!...
Является моя противъ желанья страсть.

ГИППОЛИТЪ.

Зрю пламень твой къ нему любьви твоей безъмѣрной,
Хотя онъ кончилъ вѣкъ; но живъ въ душѣ плѣненной.

Всегда въ твоихъ глазахъ предметъ дражайшій сей.

ФЕДРА.

Такъ, я люблю его, владѣетъ мной Тезей,
Не въ образѣ такомъ, какъ въ царство стелъ печально,
Боготворящій тьмы красотъ непостоянно,
Богиню адскую прельщающій собой;
Но въ видѣ вѣрности, и младости драгой.—
Прелестна, горда, всѣхъ сердца плѣнять удобна,
Подобнаго богамъ, или тебѣ подобна!
Осанку, голосъ, станъ, взоръ, образъ твой являлъ
И тѣмъ же скромности румянцомъ онъ сіялъ,
Какъ Критскихъ водъ преплылъ волненіе опасно,
Какъ дщерь Миносова плѣнилася имъ страстно,
Что дѣлалъ ты? — почто безъ доблестей твоихъ,
Явила Греція героевъ сонмъ своихъ?
Почто былъ младъ еще, почто безъ Гипполита
Пристали корабли къ брегамъ печальна Крита?
Твоей погибло бы чудовище рукой,

Тыбъ путь прешелъ, что крылъ тогда его собой.
Побѣду чтобъ свершить, пресѣчь чтобъ участь злую,
Тебѣ бы нить сестра дала ту роковую.
Нѣтъ! — упредила бъ я конечно въ томъ ее,
Любовь внушилабъ мнѣ намѣренье мое!
Моей любьви къ тебѣ исполнилабъ то сила,
Я бъ Лабиринта всѣ стези тебѣ открыла.
Ничтобы не могло мой ужасъ изтребить,
Не успокоилабъ меня волшебна нить!
Сопутствуя тебѣ въ мѣстахъ покрытыхъ тмою,
Сама бы я пошла тогда передъ тобою!—
Въ пути излучисты, невѣдомы пустясь,
Съ тобой погибла бъ я, или бъ съ тобой нашлась!

ГИППОЛИТЪ.

Что слушу? Боги! Ахъ! Царица, что вѣщаешъ?
Что мнѣ отецъ, тебѣ супругъ онъ, забываешъ!

ФЕДРА.

Но что могло въ тебѣ толь странну мысль родить?
Могули я его и честь мою забыть?

ГИППОЛИТЪ.

Прости царица мнѣ! — Стыжусь, скрываю взоры,
Что опорочить могъ невинны разговоры!
Краснѣю, немогу сносить я словъ твоихъ!
Иду отселѣ...

ФЕДРА.

Ахъ! Ты съ лишкомъ понялъ ихъ!
Уже я извлекла тебя изъ заблужденья.
Итакъ, познай меня, познай средь изступленья!
Хоть я люблю, увы! подвластна бывъ судьбѣ,
Не мни, что я кажусь невинною себѣ,
Что безразсудно я ту страсть въ себѣ питаю,
Что ядъ сей умягчить надеждою желаю.
Давно я мщеніе небесъ сношу стеня,
И больше не терплю себя, чемъ ты меня.
Зрятъ боги то, они сей пламянь воспалили,
На весь мой родъ они свой гнѣвъ распространили!
Тѣ Боги славу чтутъ жестокую, что въ томъ,
Чтобъ слабыя сердца терзать въ мученьѣ зломъ!
Воспомни до сего, какъ я тебѣ казалась?

Старалась гнать тебя, скрывалась, удаля-
лась. —
Вооружая весь къ тому разсудокъ свой,
Являлася тебѣ свирѣпой, лютой, злой! —
Но Ахъ! Къ чему сіи стремленья послу-
жили?
Озлобили тебя, мой жаръ не уменьшили.
Прелестнѣе ты мнѣ казался въ сихъ бѣ-
дахъ. —
Я сохла въ горестяхъ, въ мученіяхъ, въ
слезахъ
Тебябъ увѣрить въ томъ глаза твои ус.
успѣли,
Коль на меня взглянуть хоть разъ бы за-
хотѣли!...
Но что я говорю, въ смущеніи моемъ?
Знай, противъ воли я тебѣ открылась въ
семъ!
О сынѣ въ горести, о сынѣ трепетала,
И шла просить, чтобъ месть пылать къ
нему престала.—
Ахъ! тщетно сей предлогъ я строила себѣ.
Увы! вѣщать могла лишъ только о тебѣ!...
Отмщай любовь мою, свой гнѣвъ комнѣ
удвоя! —
Отмщай проступокъ злой, достойный сынъ
героя;
Рази чудовище, что свѣтъ собой тягчитъ!..
Тезеевой вдовѣ, прелестенъ Гипполитъ!...

Рази! — Отъ мести сей, должноли мнѣ укрыться?
Вотъ сердце, и къ нему твой мечь да устремится!
Въ смятеніи, въ стыдѣ, въ отчаяньѣ, въ тоскѣ,
Я слышу ближится оно къ твоей рукѣ!...
Рази! — Но коль ты мнишъ, что я сего не стою,
Коль казнью дорожишъ ты слабою такою,
Коль рукъ въ крови моей нехочешъ обагрить,
Не руку, дай свой мечь, чтобъ грудь мою пронзить!
Подай!...

ЕНОНА.

Что дѣлаешъ! О боги! въ мысляхъ страшныхъ!
Но се идутъ! бѣги свидѣтелей опасныхъ!
Сокройся отъ стыда, пойдемъ, скорѣй пойдемъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГИППОЛИТЪ, ТЕРАМЕНЪ.

ТЕРАМЕНЪ.

То Федра кроется въ смущеніи своемъ?...
Но что зрю государь тебя такъ оскорбленна? —
Обезъоруженна, блѣднѣюща, смятенна!

ГИППОЛИТЪ.

Убѣгнемъ Тераменъ. — Нельзя всего сказать;
Безъ страха не могу я на себя взирать.
Здѣсь Федра!... Нѣтъ!... Увы! судьбина чрезвычайна!
Да скроется на вѣкъ сія въ забвеньи тайна!

ТЕРАМЕНЪ.

Коль хочешъ ѣхать ты, корабль къ тому готовъ —
Но Аттика уже пресѣкла пренье словъ.
Начальники ея раздоры укротили,
И Федры съ сыномъ власть въ Аѳинахъ утвердили.

ГИППОЛИТЪ.

Царицы!

ТЕРАМЕНЪ.

Такъ, уже посланникъ отъ Аѳинъ
Привезъ извѣстіе, что признанъ Федры сынъ
Державы сей царемъ.

ГИППОЛИТЪ.

Безсмертныхъ сонмъ свидѣтель. —
Ахъ! Въ ней ли воздана достойно добродѣтель?

ТЕРАМЕНЪ.

Межъ тѣмъ, здѣсь тайный слухъ гласитъ, что живъ Тезей. —
Въ Эпиру говорятъ, уже царъ прибылъ сей;
Но я его искалъ, и слишкомъ въ томъ увѣренъ...

ГИППОЛИТЪ.

Что нужды до сего, слухъ ложенъ или вѣренъ —
Изслѣдуемъ его. — Недолжно презирить,
Когдажъ несиленъ онъ мой нынѣ путь прервать,
Поѣдемъ. — Всякая ничто къ тому препона,
Вручимъ правленіе рукамъ достойнымъ трона.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЕДРА, ЕНОНА.

ФЕДРА.

Возмите почести сіи отъ глазъ моихъ!
Енона немогу въ тоскѣ я видѣть ихъ!
Чемъ хочешь ты смягчить мое нещастье строго?
Сокрой меня, сокрой! — Повѣдала я много,
Дерзнула слишкомъ я мученія открыть,
Сказала то, что въ вѣкъ должна была таить.
Какіе онъ въ тотъ разъ являлъ жестоки взоры?
Какъ отклонять мои старался разговоры?
Какъ тщился сокрывать смущенья полный видъ?
Какъ умножалъ мое отчаяніе, стыдъ!...
Почто отъ смерти спасть меня ты захотѣла?

Какъ мечь его къ моей груди приближенъ
зрѣла,
Вздохнулъ ли онъ тогда, изторгнулъ ли
изъ рукъ?
Тронулся ль видя всю моихъ жестокость
мукъ?
Ахъ! нѣтъ, онъ мечь свой зрѣлъ въ рукѣ
моей спокойно!
Желѣзо рукъ его то стало недостойно!

ЕНОНА.

Ты тщетно горестью стремишся духъ тѣ-
снить,
Питая пламень, что надлежитъ погасить.
Миноса славна кровь, храни велико свойство,
Въ похвальнѣйшихъ дѣлахъ ищи свое спокой-
ство. —
Отмсти жестокому, сокройся отъ него,
И царствуй посреди народа своего.

ФЕДРА.

Мнѣ царствовать, владѣть народною судьбою,
Когда разсудокъ мой неможетъ править
мною,
Когда лишилась я всѣхъ чувствъ моихъ и
силъ,
Когда постыдному рокъ игу покорилъ,
Когда кончаю жизнь? . . . . .

ЕНОНА.

Убѣгни.

ФЕДРА.

Льзяль лишиться?

ЕНОНА.

Ты смѣла гнать его, не смѣешь удалится?

ФЕДРА.

Не время. — Пламень мой тогда не вѣдалъ онъ.
Я строгой скромности нарушила законъ,
Я стыдъ ужасной мой глазамъ его открыла,
Насильно сердце мнѣ надежда обольстила!
Сама ты возвратя моихъ остатокъ силъ,
И духъ, что слабу плотъ оставить ужъ спѣшилъ,
Совѣтомъ пагубнымъ старалась грусть умѣрить,
И что могу любить, успѣла въ томъ увѣрить.

ЕНОНА.

Въ нещастіи твоемъ виновна я, иль нѣтъ,
Спокойствіе твое имѣя за предметъ;
Но естьли духъ разить твой можетъ оскорбленье,
Возможноли забыть его къ тебѣ презрѣнье?

Съ какой жестокостью, онъ взоръ являя
строгъ.
Едва непадшую могъ зрѣть тебя у ногъ?
О коль! отъ гордости вся кровь во мнѣ ки-
пѣла!
Почто тогда моихъ очей ты не имѣла?

ФЕДРА.

Енона, можетъ насъ напрасный мучитъ
страхъ.
Имѣетъ лютость онъ, воспитанъ бывъ въ
лѣсахъ;
Одну жестокость тамъ его встрѣчали
взоры,
Въ перьвыя о любви онъ слычитъ разго-
воры. —
Нечаянность сія смутить его могла,
Быть можетъ съ лишкомъ въ томъ я зрю
свирѣпство зла?

ЕНОНА.

Но вспомни, что его въ свѣтъ варварка
родила.

ФЕДРА.

Хоть Скиѳка, Варварка; однако же любила.

ЕНОНА.

Къ прекрасну полу онъ презрѣніе хранитъ.

*

ФЕДРА.

Чрезъ то не предпочтетъ другую Гипполитъ.
Но поздно. — Зри меня совѣтамъ неподвластну,
Внимай не разуму, внимай ты сердцу страстну.
Онъ въ гордости своей презрѣлъ любови власть,
Помыслимъ на него съ другой страны напасть.
Не могъ онъ скрыть, что духъ влекутъ его Аѳины,
Готовы корабли стоять не безъ причины,
Ужъ вѣеть парусы способный вѣтръ его.—
Поди, узри еще, жестокаго сего.
Представъ очамъ его, что гордостью прельщенны
Сіянье Скиптра съ нимъ, представь вѣнецъ священный.
Сама его вѣнчать вмѣню себѣ я въ честь,
И уступлю ту власть не въ силахъ кою снесть.
Онъ сыну моему дастъ въ царство наставленье,
Отцовское о немъ восприметъ попеченье.
Я сына отдаю во власть его и мать.—
Дабы склонить его потщись все предпріять.

Онъ внемлетъ рѣчь твою, стремись смяг-
чить судьбину,
Плачь, воздыхай предъ нимъ, представь мою
кончину,
Проси, и нестыдись унизить тѣмъ себя.
Во всемъ открылась я, надѣюсь на тебя.
Поди, я буду ждать, на что должна рѣ-
шиться.

ЯВЛЕНІЕ II.

ФЕДРА.

О ты! которой стыдъ мой нынѣ ясно зрится,
Венера лютая! — довольноль стражду я?
Предѣлы превзошла жестока месть твоя!
Ты торжествуешъ, рокъ постигъ меня су-
ровой,
Жестокая! коль ты побѣды жаждешъ новой;
Стремися наврага, кой стрѣлъ твоихъ бѣ-
житъ;
Пренебрегаетъ гнѣвъ твой гордый Гиппо-
литъ;
Онъ жертвы никогда тебѣ не возжигаетъ,
Твое въ немъ имя слухъ и сердце оскор-
бляетъ.
Богиня отомсти мой стонъ и за себя! —
Пусть любитъ онъ. — Но что, уже я зрю
тебя?
Такъ нетерпима я, не внемлютъ насъ Енона?

ЯВЛЕНІЕ III.

ФЕДРА, ЕНОНА.

ЕНОНА.

Забудь любовну мысль, скрывай жестокость стона;
Воспомни прежніи долгъ, покорствуя судьбамъ.
Царь живъ, и скоро онъ къ тебѣ предстанетъ самъ.
Тезей ужъ въ сихъ мѣстахъ, Тезей спѣшитъ въ Трезены,
Народъ, граждане всѣ, ко встрѣчѣ устремленны.
Я Гипполита шла искать, какъ въ тотъ же часъ
Услышала вездѣ восторговъ громкій гласъ.

ФЕДРА.

Супругъ мой живъ! — Итакъ, свершилась бѣдства сила!
Покрылась я стыдомъ, и честь его затмила.
Онъ самъ придетъ сюда.—Чегожъ мнѣ больше ждать?

ЕНОНА.

Царица!

ФЕДРА.

Ты меня старалась не внимать.

Твой плачь преодолѣлъ правдивы угрызенья;
Ябъ умерла предъ симъ, достойной сожа-
лѣнья;
Но чрезъ тебя въ стыдѣ прервется жизнь
моя!

ЕНОНА.

Ты кончишъ жизнь!

ФЕДРА.

Увы! на что рѣшилась я?
Предстанетъ мой супругъ, узрю его я сына,
Кой знаетъ ужасъ весь, о строгая судьбина!
Онъ будетъ примѣчать, Ахъ! какъ, съ че-
ломъ какимъ
Могу я встрѣтится съ супругомъ здѣсь
моимъ?
Увидитъ токи слезъ, что зрѣлъ онъ не жалѣя·
Не мни, чтобъ позабывъ о славѣ онъ Тезея
Умолкнулъ обовсемъ, мою измѣну зря,
И о невѣрности неизвѣстилъ Царя.
Ахъ! можно ли ему хранить ко мнѣ почтенье?
Но пусть умолкнетъ онъ.—Я знаю престу-
пленье! . —
Енона, мною нравъ владѣетъ не такой,
Чтобъ средь злодѣйства я могла вкушать
покой,
И чтобы отъ своихъ пороковъ не краснѣла.
Весь гнѣвъ ко мнѣ судьба, весь гнѣвъ явить
успѣла;

Я мню, что стѣны всѣ, всѣ своды, всѣ мѣста
Уже преобрѣли даръ слуха и уста,
Чтобъ обвинить меня! — Отрада смерть
единa.
Умремъ! пусть свободитъ отъ многихъ бѣдъ
кончина.
Не ужель вѣчности ужасенъ столько видъ?
Ахъ! нѣтъ, нещастныхъ смерть нисколько
нестрашитъ. —
Страшитъ меня одно дѣтей моихъ лишъ бѣд-
ство.
Какую славу имъ оставлю я въ наслѣдство?
Юпитерова кровь должна ихъ воспламенять;
Но вѣчнымъ ихъ стыдомъ, Увы! покрыла
мать;
То будетъ скорьбъ для нихъ, печаль и на-
казанье.
Ахъ! Справедливое о мнѣ повѣствованье
Имъ нарѣканія пребудетъ ввѣкъ предметъ.
Какъ могутъ жить они, какъ могутъ ви-
дить свѣтъ?
Какими зрѣть они на всѣхъ должны очами?

ЕНОНА.

Ахъ! правда, жаль покрыть такими ихъ бѣ-
дами.—
Нетщетно бремянишъ себя ты страхомъ
симъ.—
Но помрачать себя по что упрекомъ злымъ?
По что ты обвинить сама себя желаешъ?

Всѣ скажутъ, что за тѣмъ ты жизнь свою кончаешъ,
Что за невѣрность твой супругъ тебя страшитъ,
И щастье тѣмъ свое устроитъ Гипполитъ.
Что чести сохраню твоей я къ защищенью?
Подвергнетъ всякъ меня постыдному смущенью.
Узрю какъ будетъ тѣмъ сей нашъ гордится врагъ,
И станетъ о тебѣ вѣщать во всѣхъ мѣстахъ! . . . .
О гнѣвъ Боговъ! меня ты прежде да погубишь! . . .
Но нетаясь скажи, ещель его ты любишъ?
Какимъ его твой духъ въ своемъ смущеньѣ зритъ?

ФЕДРА.

Чудовищемъ, что взоръ и сердце тяготитъ!

ЕНОНА.

Почтожъ терпѣть, чтобъ могъ онъ тѣмъ превозноситься?
Осмѣлься обвинить сама его рѣшиться
Въ томъ преступленіи, грозитъ которымъ онъ.
Все можетъ оправдать тебя со всѣхъ сторонъ:

Мечь, что тебѣ судьбы къ защитѣ сей по-
слали,
Теперешняя скорьбь, прошедшія печали,
Отецъ прогнѣваный тобою на него,
Стенанія твои изгнавшія его.

ФЕДРА.

Могуль невинному искать я никазанья?

ЕНОНА.

Потребно твоего мнѣ только въ томъ мол-
чанья.
Мнѣ страшенъ какъ тебѣ, равно проступокъ
сей,
И лучшебъ я пошла на тысячи смертей. —
Но если безъ сего спасенья нѣтъ въ пред-
метѣ,
И жизнь твоя всего дороже мнѣ на свѣтѣ,
Я буду говорить.—Тезей познавъ сіе,
Свершитъ изгнаніемъ отмщеніе свое.
Отецъ всегда отецъ, и легкое взысканье
Не рѣдко тяжкихъ бѣдъ бываетъ въ возда-
янье.
Но естьлибъ и должна невинность казнь
понесть
Чего нетребуетъ въ такомъ случаѣ честь
Сіе сокровище намъ съ лишкомъ драгоцѣнно.
Чего бъ нистоило, покорствуй непременно
Симъ правиламъ, онѣ должны владѣть умомъ,

Всемъ жертвуй, нещади и добродѣтель въ
томъ.
Но Ахъ! идутъ... Тезей!...

ФЕДРА.

Ахъ! Зрю я Гипполита!
Погибель вся моя въ очахъ его открыта.
Что хочешъ дѣлай ты, я предаюсь тебѣ,
Смущенье тмитъ во мнѣ всѣ мысли о себѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЕЗЕЙ, ГИППОЛИТЪ, ФЕДРА,
ЕНОНА, ТЕРАМЕНЪ.

ТЕЗЕЙ.

Судьбы желаніямъ сердечнымъ предалися,
Ты видишъ мой возвратъ....

ФЕДРА.

Тезей!.. Остановися.
Не поноси чрезъ то, ты радости своей,
Сдержи стремленіе горячности твоей.
Ты оскорбленъ, судьбы, что жизнь твою
хранили,
Въ отсутствіи твоемъ меня не пощадили.
Я недостойною содѣлалась тебя!
Увы! гдѣ скрытся мнѣ всю славу погубя!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЕЗЕЙ, ГИППОЛИТЪ, ТЕРАМЕНЪ.

ТЕЗЕЙ.

Какую встрѣчу зрю себѣ необычайну ?
Мой сынъ ! . . .

ГИППОЛИТЪ.

Царица ту открыть возможетъ тайну.
Но естли ты любовь когда ко мнѣ имѣлъ,
Позволь, чтобы ее вовѣки я не зрѣлъ,
Позволь, да Гипполитъ страны той убѣгаетъ,
Супруга Государь, твоя гдѣ обитаетъ.

ТЕЗЕЙ.

Ты глазъ моихъ бѣжишъ! . . .

ГИППОЛИТЪ.

По волѣ я твоей
Пришелъ о Государь! предь симъ на берегъ сей.
Для славныхъ подвиговъ ты градь сей оставляя,
И Арисію здѣсь съ Царицей поручая
Велѣлъ мнѣ ихъ своимъ вниманьемъ охранять.—
Теперь же, что меня здѣсь можетъ удержать ?

Довольно въ праздности стремяся за звѣ-
рями,
Я храбрости явилъ надъ робкими врагами.
Могуль оставить я презрѣнный сей покой,
И стрѣлы обагрить въ крови славнѣе той?
Въ моихъ лѣтахъ ты дней не тратилъ толь
напрасно,
И не одинъ тиранъ, чудовище ужасно
Извѣдали твой мечь, руки геройской вредъ;
Ужъ бывъ гонителемъ щастливымъ свѣта
бѣдъ
Ты обезспечилъ двухъ морей брега собою.—
Сталь путникъ странствовать ввѣряяся
покою.
Надежду на тебя имѣвъ въ своихъ дѣлахъ,
Ужъ опочилъ Алкидъ, злодѣевъ видя страхъ;
А я забывъ сіе, спокойствомъ наслаждаюсь,
Далекъ и матери моей слѣдовъ являюсь.
Позволь дать дѣйствіе ты храбрости моей;
Когда какое зло спаслось руки твоей,
Позволь опасностямъ полезнѣйшимъ пре-
даться,
Позволь побѣдами и славой увѣнчаться,
Иль жить въ потомствѣ вѣкъ геройски конча
свой,
И свѣту тѣмъ явить, что я рожденъ тобой.

ТЕЗЕЙ.

Что вижу я? приходъ мой ужасъ здѣсь все-
ляетъ,

Которой отъ меня всѣхъ ближнихъ удаляетъ.
О Небо! нетерпимъ когда въ странѣ я сей,
По что избавленъ сталъ темницы я моей?
Въ неистовой любви служа я вѣрну другу,
Эпирскаго Царя похитить мнилъ супругу;
Хоть противъ воли шелъ; одникожъ сталобъ силъ,
Когдабъ обоихъ насъ злой рокъ не ослѣпилъ.
На безоружнаго враги меня напали. —
Я Пиритоя зрѣлъ, предметъ моей печали! —
Какъ онъ чудовищамъ во снѣдь поверженъ сталъ,
Которыхъ кровію людей тиранъ питалъ.
Въ пещерѣ ужаса, и смежной съ тьмою вѣчной
Сокрылъ меня тогда сей врагъ безчеловѣчной!
Шесть мѣсяцовъ я плѣнъ несной сей терпѣлъ;
Но стражу обмануть потомъ свою успѣлъ,
И міръ освободилъ отъ злодѣяній страшныхъ,
Тиранъ сталъ снѣдью самъ чудовищей ужасныхъ.
Когда же мыслилъ я въ возторгѣ чувствъ моихъ,
Узрѣть виновниковъ отрадъ моихъ драгихъ,
Когда душа моя зараней наслаждалась,

Когда блаженства вся надежда утверждалась,
Все содрагается меня зря въ сихъ мѣстахъ,
Все глазъ моихъ бѣжитъ и все являетъ страхъ!
Я чувствую его, и самъ бывъ тѣмъ смущеннымъ,
Желалъ бы лучше быть въ Эпирѣ заключеннымъ.
Мнѣ Федра говорить, что я здѣсь оскорбленъ.
Кто смѣль мнѣ измѣнить?—Почто не отомщенъ?
Эллада коей толь рука моя служила,
Какова на бѣду злодѣя мнѣ таила?
Но ты молчишъ, мой сынъ, кой мнѣ любезенъ былъ,
Мой сынъ! неужели и ты мнѣ измѣнилъ?
Войдемъ; и разорвемъ ужасное сомнѣнье.—
Но знаемъ дерзскаго, откроемъ преступленье,
Да Федра изъяснитъ, что мой смутило взоръ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГИППОЛИТЪ, ТЕРАМЕНЪ.

ГИППОЛИТЪ.

Къ чему стремится сей ужасный разговоръ?
Пылая Федра огнь безбожной и ужасной,
Захочетъ ли сама открыть проступокъ страшной?
Что скажетъ Царь? Увы! какимъ свирѣпствомъ бѣдъ,
Любовь на домъ его стремитъ сей тяжкій вредъ?
Я самъ противъ его, подвластенъ злой судьбинѣ,
Какимъ разстался съ нимъ, какимъ встрѣчаюсь нынѣ? . . .
Ужъ начали меня предчувствія смущать! . .
Но Ахъ! невинности пристойноль трепетать?
Пойдемъ, и средство мы поищемъ толь надѣжно,
Чтобъ сердце могъ тронуть родителя я нѣжно.
Откроемъ ту любовь, что онъ познать не мнитъ;
Но кою гнѣвъ его и власть не истребитъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕЗЕЙ, ЕНОНА.

ТЕЗЕЙ.

Что внемлю я? увы! измѣнникъ мной рожденной,
На честь отца возсталъ злодѣйствомъ ослѣпленной!
О какъ! жестоко рокъ меня стремится гнать?
Гдѣ я? невѣдаю, незнаю, что начать!
О нѣжность! О любовь! столь худо запланенна,
О пагубная мысль, мысль страшна, дерзновенна!
Терзаясь, что въ любьви сей звѣрской неуспѣлъ
Жестокой! къ силѣ онъ прибѣгнуть захотѣлъ.
Я мечь позналъ его, орудіе ужасно, —
Чемъ мной онъ воруженъ для славы былъ напрасно.

Не могъ союзъ крови сей пламень удер-
жать! —
И Федра медлила злодѣя наказать! ..
Какъ можно ужасъ снесть подобна преступ-
пленья?

ЕНОНА.

Она щадитъ отца достойна сожалѣнья.
Стыдяся и страшась любьви преступной
сей,
Возженна пламени невинностью очей,
Хотѣла умереть. — Я зря минуту грозну,
Когда она прервать искала жизнь несносну,
Не въ силахъ бывъ такихъ обидъ перене-
сти;
Одна я государь, могла ее спасти,
И горестную толь оплакавъ васъ судьбину,
Противъ желанія открыла слезъ причину.

ТЕЗЕЙ.

Преступникъ! онъ не могъ предъ мной сок-
рыть свой страхъ. —
Я ужасъ зрѣлъ его начертанный въ очахъ.
Не видѣлъ радости, притворное лобзанье
Горячности къ нему пресѣкло вдругъ
пыланье. —
Скажи, любовь сія, съ симъ пагубнымъ ог-
немъ,
Ужели началась еще въ Аѳинахъ въ немъ?

ЕНОНА.

Воспомни жалобы царицы предъ тобою. —
Сія любовь его была тому виною.

ТЕЗЕЙ.

И такъ, открылъ себя въ Трезенахъ пла-
мень весь?

ЕНОНА.

Сказала государь о всемъ, что было здѣсь;
Но я оставила царицу средь смущенья,
Позволь идти мнѣ къ ней, потребны попе-
ченья.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЕЗЕЙ, ГИППОЛИТЪ.

ТЕЗЕЙ.

Се онъ, О боги! зря величественной видъ,
Чье сердце какъ мое обманъ не обольститъ?
Должноль, чтобъ на челѣ злодѣйствомъ ом-
раченна,
Вся добродѣтель толь являлась изъясненна?
Не должноль познавать, зря знакъ священ-
ный сей,
Сокрытыя сердца неистовыхъ людей?

ГИППОЛИТЪ.

Могули я познать, какое сокрушенье
Наводитъ, государь, тебѣ теперь смущенье?
И можетъ ли о томъ спросить сынъ вѣрный твой?

ТЕЗЕЙ.

Измѣнникъ, ты дерзнулъ предстать передо мной! —
Чудовище досель, что громы пощадили!
Остатокъ изверговъ, что мною смерть вкусили!
Послѣ преступной толь, любьви ужасной сей,
Возжегшей бѣшенство всей ярости твоей
Ты смѣешъ предо мной являть несносны взоры,
И быть въ мѣстахъ гдѣ все гласить тебѣ укоры?
Ты скрыться не спѣшишъ въ злодѣйствіи своемъ,
Въ странахъ не знаютъ гдѣ о имени моемъ?
Бѣги измѣнникъ злой съ развратностью твоею,
Щади мой гнѣвъ сдержать едва которой смѣю!
Довольно для меня ужасной скорьби сей,
Что сына такова достоинъ сталъ Тезей

Страшися чтобъ руки моей ужасна сила
Твоею смертію дѣлъ славныхъ не затмила,
Бѣги, чтобъ не свершилъ я казни надъ тобой,
Чтобъ не причелъ тебя къ врагамъ сраженнымъ мной!
Бѣги, чтобъ солнца лучь сіяющій надъ нами
Не омрачалъ себя твоими здѣсь слѣдами.
Бѣги, вѣщаю я, сокрой несносный видъ,
Да зло твое моихъ владѣній не тягчитъ!
А ты, Нептунъ! коль я средь подвиговъ щастливыхъ
Брега могъ свободить отъ буйства нечестивыхъ,
Воспомни, чтобъ мои труды вознаградить,
Желанье первое хотѣлъ ты совершить.
Въ темницѣ заключенъ, терпя несносну долю,
Не смѣлъ я призывать твою безсмертну волю,
Съ моленьями въ бѣдахъ къ тебѣ не прибѣгалъ,
Обѣтъ твой для другихъ случаевъ оставлялъ;
Теперь зову, отмщай отцову честь, цареву!
Вручаю твоему сего злодѣя гнѣву!
Да гибнетъ зло въ крови, да преданный Тезей

Въ свирѣпости узритъ щедроты блескъ
твоей.

ГИППОЛИТЪ.

Меня въ любви, меня винить царица смѣ-
етъ!
Отъ крайности сея весь духъ мой цѣпе-
нѣетъ.
Неожидаемой ударъ такой въ сей часъ,
Лишаетъ словъ меня и прерываетъ гласъ.

ТЕЗЕЙ.

Злодѣй! ты ждалъ, чтобы ужасное забвенье
Сокрыло страшнаго желанія стремленье;
Но какъ ты убѣгалъ отъ лютости такой,
Почто при Федрѣ мечь тогда оставилъ
свой?
Почто, дабы сокрыть жаръ звѣрскаго пы-
ланья,
Ты не лишилъ ее и слова и дыханья?

ГИППОЛИТЪ.

Толь черной клеветой бывъ страшно раз-
драженъ,
Хоть истинну открыть тебѣ я принуж-
денъ,
Но тайны сей сказать языкъ мой не дер-
заетъ.
Почтеніе къ тебѣ уста мнѣ заграждаетъ.

Не умножая тѣмъ свирѣпость ты свою,
Изслѣдуй государь, изслѣдуй жизнь мою.
Вины предшествуютъ предъ тяжкимъ пре-
ступленьемъ.
Кто пренебречь возмогъ законовъ учреж-
деньемъ,
Не страшенъ болѣе тому пороковъ видъ;
Но добродѣтель имъ подобноль путь стре-
митъ;
Невинность видѣлъ кто и кротку, и сми-
ренну
Мгновенно крайности злодѣйства пене-
сенну?
Какъ непорочному себя такъ премѣнить,
Чтобъ могъ собою вдругъ злодѣя всѣмъ
явить?...
Я Героинею воспитанъ отъ рожденья,
Достойнымъ былъ всегда отъ ней проис-
хожденья;
Почтенный мудростью межъ смертными
Пиѳей
Училъ меня тогда, какъ былъ оставленъ ей.
Я не хвалюся тѣмъ, и не горжусь собою;
Но если доблестью снабженъ отъ нихъ
какою,
Ты знаешъ государь, и знаетъ всякъ сіе,
Къ порокамъ каково презрѣніе мое. —
По цѣлой Греціи давно уже извѣстно,

Что духъ мой страсти сей чуждался повсемѣстно.
Мной добродѣтель тѣмъ была лишъ почтена,
Не ясенъ столько день, сколь сердца глубина.
Кто мнѣ такое зло приписывать дерзаетъ?

ТЕЗЕЙ.

Такъ извергъ, гордость та, проступокъ твой являетъ.
Позналъ причину я холодности твоей. —
Достойна Федра лишъ одна любови сей,
А къ прочимъ ты въ душѣ презрѣніе питаешъ,
Невинной пламень всѣхъ сердецъ пренебрегаешъ.

ГИППОЛИТЪ.

Напрасно отъ тебя родитель мой скрывать. —
Могуль невинную любовь я презирать?
Открою предъ тобой весь ужасъ преступленья:
Люблю! то истинна, противу запрещенья;
Люблю! Арисія одна владѣетъ мной,
Палланты дщери я плѣнился красотой. —
Ее боготворю. ея подвластенъ волѣ,
И не могу никѣмъ уже прельститься болѣ.

ТЕЗЕЙ.

Ты любишъ, боги! что? — нѣтъ, я позналъ тебя.
Ты хочешъ виненъ быть, чтобъ оправдать себя.

ГИППОЛИТЪ.

Шесть месяцовъ какъ я люблю и убѣгаю.
Хотѣлъ открыть тебѣ, что въ сердце ощущаю;
Но ахъ! ничто тебѣ не можетъ свѣтъ подать?
Какими клятвами сіе мнѣ доказать?
Да небо и земля, свѣтила, что сіяютъ....

ТЕЗЕЙ.

Всегда, всегда къ божбамъ злодѣи прибѣгаютъ.
Престань, прерви ты сей досадный разговоръ,
Коль ложны доблести иныхъ не зрятъ подпоръ?

ГИППОЛИТЪ.

Ты все притворствомъ чтишъ и гнѣвъ комнѣ пылаетъ;
Но сердце Федры всю мою невинность знаетъ

ТЕЗЕЙ.

Ты множишъ гнѣвъ во мнѣ сей дерзостью
твоей!

ГИППОЛИТЪ.

Когда, и гдѣ велишъ быть ссылкѣ ты моей?

ТЕЗЕЙ.

Хотя бы далѣе ты былъ столповъ Алкида,
Что близокъ моего, я буду мыслить вида.

ГИППОЛИТЪ.

Коль гнѣвомъ таковымъ покрылъ меня
Тезей,
Гдѣ сожалѣющихъ найду о мнѣ друзей?

ТЕЗЕЙ.

Ищи себѣ друзей, которыхъ зло почтенье
Возноситъ вредъ другихъ, и хвалитъ пре-
ступленье —
Предателей враговъ, неблагодарныхъ, злыхъ
Достойныхъ защищать злодѣевъ таковыхъ!

ГИППОЛИТЪ.

Не престаешъ винить въ нещастіи же-
стокомъ.
Молчу. — Но Федры мать была гонима ро-
комъ,
И родилась она... извѣстно всѣмъ о томъ,

Отъ крови издавна покрытой страшнымъ
зломъ.

ТЕЗЕЙ.

Что слышу? какъ снести сихъ дерзость
разговоровъ?
Въ послѣдній говорю: бѣги моихъ ты взо-
ровъ!
Бѣги, не ожидай, чтобъ правый гнѣвъ и
строгъ
Съ нечестіемъ тебя отсель изторгнуть
могъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЕЗЕЙ.

Спѣши къ погибели скорѣйшими стопами!
Нептунъ страшащъ боговъ волнами и рѣ-
ками,
Нептунъ мнѣ слово далъ, исполнить свой
обѣтъ.
Богъ мщенія съ тобой — тебѣ спасенья
нѣтъ!..
Хоть я люблю тебя, хоть тяжко духъ
страдаетъ,
Хоть чувствую тоску, хоть сердце уны-
ваетъ;

Но самъ меня къ тому привелъ ты наконецъ.
Когда былъ оскорбленъ подобно мнѣ отецъ?
О боги! зрящіе мученія причину,
Возмогь ли дать я жизнь преступному толь сыну!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФЕДРА, ТЕЗЕЙ.

ФЕДРА.

Къ тебѣ я государь спѣшу, гласъ строгій твой
Достигъ ко мнѣ и духъ смутилъ печальный мой! —
Боюсь во слѣдъ угрозъ я видѣть исполненье!
Коль время есть еще, щади свое рожденье,
Воспомни кровь свою просить дерзаю я.
Избавь, чтобы могла усышать вопль ея! —
Навѣки нелиши чрезъ то меня покою,
Что пролила ее отцовской я рукою!

ТЕЗЕЙ.

Не обагрится, нѣтъ, рука во крови сей. —

Но не избѣгнетъ онъ свирѣпости моей.
Безсмертныхъ власть къ его гоненью устремится,
Нептунъ мнѣ слово далъ, и месть моя свершится.

ФЕДРА.

Нептунъ свой далъ обѣтъ... Ты могъ въ желаньяхъ сихъ.

ТЕЗЕЙ.

Какъ! — ты устрашена, чтобъ не свершилъ онъ ихъ...
Ты справедливыя соединя моленья,
Должна, явя предъ нимъ весь ужасъ преступленья,
Воспламенять мой гнѣвъ, и мщеньемъ поспѣшать.
Коль виненъ онъ, твой духъ не могъ еще познать:
Онъ поноситъ тебя жестоко тѣмъ дерзаетъ,
Что весь твой разговоръ обманъ и лесть скрываетъ.
Что Арисіей онъ на вѣкъ плѣненъ одной,
Что любитъ...

ФЕДРА.

Онъ! — и что?...

ТЕЗЕЙ:

Сказалъ то предо мной. —
Но я опровергать такую хитрость знаю,
И власть Нептунову не тщетно призываю.
Спѣшу во храмъ его. — Сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
Что внемлетъ онъ мой гласъ, исполнитъ свой обѣтъ,

ЯВЛЕНІЕ V.

ФЕДРА.

Ушелъ!... Какая вѣсть мой разумъ поразила?..
Возобновляется огня оставша сила.
Увы! какой ударъ для сердца моего!
Я устремлялася къ спасенію его,
И вырвалась изъ рукъ несносной сей Еноны
Дабы спокоить скорьбь, смягчить сердечны стоны. —
Кто знаетъ, чтобъ могло еще со мною быть?
Ябъ можетъ быть себя рѣшилась обвинить.
Хотябъ пресѣкся гласъ, хотя бы чувствъ лишилась;
Но истинна сама изъ сердцабъ устремилась

Ко мнѣ жестокъ, комнѣ! — и любитъ Гиппо-
литъ!
Арисія его себѣ подвластнымъ зритъ...
О боги! какъ въ моемъ смущеніи жесто-
комъ,
Онъ видѣлъ токи слезъ суровымъ, гордымъ
окомъ;
Я мнила, льстила тѣмъ я сердцу моему,
Что онъ любви огня не знаетъ ни къ
кому —
Другая между тѣмъ, смягча его упорство,
Зритъ страсть его къ себѣ, и сердца
зритъ покорство.
Быть можетъ, что душей онъ нѣжной
одаренъ;
Но лишъ противъ меня одной вооруженъ,
А я — а я, увы! спасти его желала!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФЕДРА, ЕНОНА.

ФЕДРА.

Ты слышалаль, что я, Енона здѣсь узнала?

ЕНОНА.

Нѣтъ, скрыть однако же я не могу свой страхъ
Узнавъ, что ты одна съ Тезеемъ въ сихъ мѣстахъ. —
Боюсь, не вѣдая, что ты начать хотѣла!...

ФЕДРА.

Кто думать могъ, чтобъ я соперницу имѣла?

ЕНОНА.

Какъ!?

ФЕДРА.

Нѣтъ сомнѣнія, что любитъ Гипполитъ.—
Сей страшный врагъ любви, казавшій гордый видъ,
Сей презирающій почтеньемъ и слезами,
Сей тигръ, что не могла безъ страха зрѣть очами,

Покоренъ, усмиренъ, не смѣетъ самъ взгля-
нуть,
Арисія нашла къ душѣ жестокой путь!

ЕНОНА.

Арисія?

ФЕДРА.

Ахъ! скорьбь, что я познать не мнила!
Увы! для мукъ какихъ я жизнь мою хранила?
Все, что терпѣла я, печаль, душевный
страхъ,
Грызенье совѣсти, мрачащи свѣтъ въ очахъ,
Несносной тотъ отказъ, и лютость поно-
шенья,
Есть только тѣнь одна начавшагось му-
ченья!...
Скажи какъ отъ очей сокрылись въ томъ
моихъ?
Гдѣ видѣлись они, когда, въ мѣстахъ какихъ?
Ты знала, и почто мой пламень допу-
стила?
Почто о ихъ любьви меня не извѣстила?
Искали ли себя, внималиль нѣжность словъ,
Скрывались ли они во глубинѣ лѣсовъ?
Ахъ! ежели сіе, ахъ! ежели бывало,
То небо вздохи тѣ невинны ободряло;
Разскаянье сердецъ не угрызало ихъ,
Свѣтлѣе разсвѣталъ всякъ день въ любьви
для нихъ!
А я бывъ извергомъ природы то сносила,

Скрывалась между тѣмъ отъ дневнаго свѣтила,
Единымъ благомъ смерть въ глазахъ моихъ была,
Когда окончу жизнь, минуты той ждала!...
Питаясь горестьми, упоена слезами,
Стрегома въ бѣдствіяхъ завистными очами,
Въ свободѣ не могла я утопать въ слезахъ,
И ту отраду мнѣ мрачилъ душевный страхъ!
Скрывать должна была жестокія мученья,
Лишая тѣмъ себя плачевна утѣшенья!

ЕНОНА.

Какой отрадой имъ любовь возможетъ льстить? —
Разстанутся на вѣкъ...

ФЕДРА.

Но будутъ все любить.
Межъ тѣмъ какъ говорю, они о мысль плачевна!
Пренебрегая гнѣвъ толь сердца воспаленна,
Готовяся предметъ любви своей терять,
Еще клянутся вѣкъ себя не оставлять.
Нѣтъ, щастья ихъ сносить я силы неимѣю.
Енона! сжалься ты надъ ревностью моею;
Погибнетъ пусть она, пусть въ гнѣвѣ мой супругъ
Противу крови злой вооружить свой духъ!

Хочу чтобъ муки всѣ преступницу разили,
Сестра виновнѣе какъ нежель братья бы-
ли! —
Пусть жертвой ревности она пребудетъ
сей..,
Какъ заблуждаюсь я теперь въ душѣ моей!..
Ревную! — прибѣгать дерзаю въ томъ къ
Тезею! —
Супругъ мой живъ, а я, любовью пламенѣю!
Къ кому? — къ кому стремлюсь, боготво-
ря красы?
Отъ слова каждаго вздымаются власы..,
Простерлось за предѣлъ души моей тер-
занье.
Виновна въ клеветѣ, виновна въ злодѣяньѣ!
Преступная рука, готовящаясь мстить,
Спѣшитъ въ крови себя невинной обаг-
рить...
Я жить еще могу, и блескъ сносить свѣ-
тила,
Отъ коего свое начало получила!
Зевеса кровію на свѣтъ я рождена,
Моими предками вся твердь небесъ полна. —
Куда бѣжать? — Пойдемъ! — Покроюсь ад-
ской тмою!..
Но урной тамъ отецъ владѣетъ роковою! —
Ее повѣрила судьба его рукамъ,
Тамъ судъ даетъ Миносъ по смерти всѣмъ
душамъ!

*

О какъ содрогнется! о какъ онъ возмутится!
Когда нещастна дщерь передъ него явится,
Когда откроетъ онъ души моей весь ядъ,
И преступленія какихъ не знаетъ адъ! —
Что скажетъ онъ тогда?... Но гласъ его я внемлю!..
Печальна урна, зрю, падетъ изъ рукъ на землю!...
Онъ будетъ новыя мученія искать,
Онъ будетъ принужденъ самъ кровь свою терзать!
Прости мнѣ отче мой!... жестокій богъ, гонитель
Возсталъ на весь твой родъ; онъ нашихъ бѣдъ зиждитель.
Стыдъ приступленія послѣдуетъ за мной,
Отъ коего не зрѣлъ отрадъ духъ томный мой!
Ужасныя судьбы весь гнѣвъ я ощущаю,
И жизнь несносную въ мученіяхъ кончаю!

ЕНОНА.

Отринь царица, ахъ! отринь напрасный страхъ.
Почто ту слабость зришъ ужасной толь въ очахъ?
Ты любишъ; почитай судьбы твоей велѣнье!

Твой духъ воспламененъ; сноси любьви
стремленье.
Не ужель чуденъ толь межъ нами жребій
твой?
Иль надъ тобой любовь явила власть одной?
Зримъ слабость ту во всѣхъ, такъ мож-
ноль удивляться?
Ты смертная — должна судьбамъ повино-
ваться.
Хотя страдаешъ ты подъ игомъ страсти
сей;
Но боги сами всѣ покорствовали ей. —
И тотъ, которой громъ свой мещетъ по
Вселенной,
Не разъ пылалъ огнемъ любови запрещенной.

ФЕДРА.

Какой совѣтъ, какой мнѣ смѣешъ подавать!
Стремишся до конца меня ты отравлять.
Взгляни нещастная, какъ ты меня сразила!
Я убѣгала дня, ты свѣтъ мнѣ возвратила,
Отъ долга отвлекла меня ты моего,
Принудила узрѣть, скрывалась отъ кого.
На что рѣшилась ты, злодѣйствомъ бывъ
покрыта?
Ты очернила жизнь невинну Гипполита!
Онъ можетъ быть умретъ, умретъ, — но
безъ вины! —

Быть можетъ ужъ отца желанья свершены!...
Поди чудовище, тебѣ я не внимаю!
Поди! судьбой своей сама я править знаю.
Да боги воздадутъ жестокости такой,
Да видя дней твоихъ конецъ ужасной, злой
Подобныя тебѣ судьбу свою познаютъ,
Тѣ, кои слабости царей своихъ питаютъ,
И къ склонностямъ влекутъ пріятнымъ ихъ сердцамъ,
Старался вести къ стремнинамъ по цвѣтамъ. —
Несносные льстецы, даръ пагубной, опасной,
Что небо шлетъ царямъ, являя гнѣвъ ужасной!

ЕНОНА.

Ей только угождать стремилась мысль моя.
И вотъ награда мнѣ! — достойна оной я!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ГИППОЛИТЪ, АРИСІЯ, ИСМЕНА.

АРИСІЯ,

Возможноли молчать бѣдъ видя приближенья?
Не извлещи отца изъ страшна заблужденья?
Увы! коль слезъ моихъ ты можешъ не жалѣть,
И соглашаешся на вѣкъ меня не зрѣть,
Разстанься навсегда съ Арисіей нещастной;
Но сохрани себя отъ гибели ужасной,
Что медлишъ клевету жестокую открыть,
И заклинанія Тезея возвратить!
Еще есть время. — Ахъ! почто, почто безгласно,
Даешъ ты обвинять во всемъ себя напрасно? —
Открой ему глаза....

ГИППОЛИТЪ.

Ахъ! сколько говорилъ! —

Но стыдъ его явить моихъ не стало силъ.
И должноли сказавъ о всемъ чистосердечно,
Представить весь позоръ и поношенье вѣ-
чно?
Я только тайну ту тебѣ открылъ одной,
Тебѣ, однимъ богамъ зря духъ подвластенъ
мой,
Открылъ, что отъ себя на вѣкъ сокрыть
желаю.
Суди какъ я къ тебѣ любовію пылаю!
Но помни, подъ какой то клятвою сказалъ,
Забудь, забудь, что я о томъ тебѣ вѣщалъ.
Да никогда уста невинны и прекрасны,
Не изрѣкутъ слова противны и ужасны!...
Осмѣлься ты къ однимъ безсмертнымъ при-
бѣгать,
Они должны меня конечно оправдать. —
И Федра ставъ виной толь страшна пре-
ступленья,
Познаетъ гнѣвъ небесъ, всю лютость по-
ношенья.
Вотъ все, что требую о томъ я отъ тебя;
Надѣясь на боговъ, надѣюсь на себя...
Рѣшись оставить плѣнъ съ жестокою судь-
бою,
Осмѣлься въ бѣгствѣ ты послѣдовать за
мною,
Покинь печали здѣсь, проступковъ тяж-
кихъ видъ,

Гдѣ добродѣтель ядъ пороковъ тяготитъ.
Воспользуйся ты симъ всемѣстнымъ возмущеньемъ,
Вселяемымъ моимъ внезапнымъ удаленьемъ.
Я средства всѣ къ тому устрою въ сей же часъ.
Готовы сильные защитники для насъ;
Аргосъ и Спарта къ намъ ужъ простираютъ руки,
Друзьямъ нелестнымъ тамъ сердецъ ототкроемъ муки,
И Федрѣ воспретимъ въ злодѣйствѣ успѣвать,
Наслѣдія отцевъ, престоловъ насъ лишать,
Крѣпя то сыну, что надлежитъ намъ неложно.
Прекрасенъ случай сей, воспользоваться должно...
Но душу, что за страхъ мятетъ теперь твою
Какъ щастье мнѣ твое внушаетъ мысль сію,
Зрю пламень свой, твою холодность несказанну,
Или страшишся ты послѣдовать изгнанну?

АРИСІЯ.

Ахъ! сколько ссылкой я прельщаюся такой?
Сколь мило мнѣ дѣлить съ тобою жребій твой?
Ябъ въ щастіи жила отъ свѣта удаленна.

Но бывъ союзомъ тѣмъ драгимъ несъединенна
Могуль не тратя честь, съ тобой укрыться я?
Хоть позволяетъ мнѣ на то судьба моя;
Не домъ родителей въ любьви я оставляю,
Спасаюся отъ бѣдъ, неволи убѣгаю. —
Позволено бѣжать, коль мукъ не можно снесть. —
Ты страстенъ мной, но ахъ! воспомни славу, честь!

ГИППОЛИТЪ.

Твоя мнѣ слава въ вѣкъ пребудетъ драгоцѣнна,
И мысль моя была всегда въ томъ упрежденна.
Бѣги враговъ твоихъ, съ супругомъ ты своимъ
Мы покоряяся небесъ судьбамъ святымъ,
Въ свободѣ утвердимъ союзъ свой между нами.
Не завсегда Гименъ украшенъ зрятъ свѣщами.
На древнемъ кладбищѣ, Трезены при вратахъ,
Въ гробницахъ предковъ гдѣ моихъ почіетъ прахъ,

Старинный виденъ храмъ, храмъ страшный
и священный,
Обѣты тщетны гдѣ не могутъ быть ре-
ченны,
Клятвопреступникъ гдѣ трепещетъ гибель
зрѣть,
Гдѣ громъ небесъ ему готовитъ скору
смерть,
Гдѣ обрѣтаетъ ложъ себѣ ужасны узы,
Мы тамо утвердимъ любви своей союзы,
И вѣчной клятвою себя обяжемъ тамъ
Безсмертны будутъ гдѣ свидѣтелями намъ.
Ручаясь страшными и сильными богами,
Мы станемъ ихъ молить, чтобъ были намъ
отцами.
Юнону призовемъ, Діану, всѣхъ боговъ,
Чтобъ утвердя они моихъ правдивость словъ
О вѣрности сердецъ недремленно пеклися.

АРИСІЯ.

Что слышу? — царь идетъ, скорѣе уда-
лися.
Останусь я еще дабы отъѣздъ скрыть
мой. —
Поди, и повели, чтобъ спутникъ былъ
такой,
Которой вѣдалъ бы путей всѣхъ накло-
ненье.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЕЗЕЙ, АРИСІЯ, ИСМЕНА.

ТЕЗЕЙ.

Вы зрите небеса души моей волненье!
Явите истинну, мою спокойте грудь!

АРИСІЯ.

Исмена, помни все, и будь готова въ путь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЕЗЕЙ, АРИСІЯ.

ТЕЗЕЙ.

Смущенну зря тебя, терзаему тоскою;
Скажи, почто мой сынъ предсталъ передъ тобою?

АРИСІЯ.

Онъ приходилъ на вѣкъ проститься здѣсь со мной.

ТЕЗЕЙ.

И такъ, онъ побѣжденъ твоею красотой?

Ты первая его любви поработила?

АРИСІЯ.

Я истинну всегда передъ тобой не крыла.
Онъ гнѣвъ твой для себя въ примѣръ не поставлялъ,
И какъ съ преступницей со мной не поступалъ.

ТЕЗЕЙ.

Я знаю, что въ любви тебѣ онъ клялся вѣчной;
Но не надѣйся ты въ немъ вѣрности сердечной,
Онъ клялся столько же въ преданности другимъ.

АРИСІЯ.

Онъ! Государь?

ТЕЗЕЙ.

Должнабъ владѣть ты больше имъ.
Какъ ты могла снести такое раздѣленье?

АРИСІЯ.

Какъ могъ ты клеветы такой снести стремленье?
Какъ можетъ жизнь она прекрасну очернять?

Иль ты не могъ его подчесь еще узнать?
Иль худо такъ отъ зла невинность различаешъ?
Не ужель ты одинъ мракъ темный тамъ встрѣчаешъ,
Гдѣ свѣтъ достоинства блистаетъ всѣхъ очамъ?
Ахъ! слишкомъ, государь, ты вѣришъ клеветамъ!
Престань, раскайся въ сихъ желаніяхъ напрасныхъ
Страшися отъ небесъ, страшися бѣдъ ужасныхъ!
Страшись, чтобъ не свершилъ взываній рокъ твоихъ!
Не рѣдко намъ на зло, внимаютъ боги ихъ,
И что мы просимъ, въ томъ являютъ наказанье.

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, тщетно ты его скрываешъ злодѣянье.
Къ неблагодарному горитъ любовь твоя;
Но истиннѣ самой повѣрить долженъ я.
Зрѣлъ слезы безъ притворствъ, и зрѣлъ сердечны муки.

АРИСІЯ.

Остерегись. — Твои непобѣдимы руки
Отъ тьмы чудовищей освободили свѣтъ;

Но всѣль истреблены? — быть можетъ, нѣтъ. —
Осталося одно... Мнѣ сынъ твой запрещаетъ. —
Онъ слишкомъ государь почтенье сохраняетъ
Къ родителю, и я тѣмъ оскорблю его.
Молчу, скрываяся отъ взора твоего,
Чтобъ больше не открыть ужасныя сей тайны.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЕЗЕЙ.

Что значатъ всѣ сіи слова не обычайны?
Почто ихъ прерывать старалась такъ она?
Не хитростьюль къ тому была устремлена
Не согласились ли противу меня оба?
Но самъ я, хоть горитъ во мнѣ отмщенье, злоба,
Самъ чувствую тоску, что душу тяготитъ.
Гласъ нѣкій вопіетъ, смущаетъ и томитъ...
Что дѣлать?.. призовемъ Енону скрывъ мученья,

Пусть лучше объяснитъ она всѣ преступленья...
Да станетъ, воины! Енона здѣсь одна.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЕЗЕЙ, ПАНОПА.

ПАНОПА.

Какимъ нещастіемъ царица стѣснена,
Не знаю государь, но страхъ меня смущаетъ,
Отчаяніе видъ ея изображаетъ,
Смертельна блѣдность вдругъ лице покрыла ей!
Уже изгнанная съ презрѣніемъ отъ ней
Енона въ бурную поверглася пучину,
Скрывая ото всѣхъ кончины сей причину
Погибла на всегда въ нещастіи своемъ!

ТЕЗЕЙ.

Что слышу я?

ПАНОПА.

Увы, не успокоясь тѣмъ,
Царица страшное мученье ощущаетъ,
Дабы смягчить печаль, что грудь ея терзаетъ;

Слезами омывать беретъ своихъ дѣтей;
Но вдругъ родительска вся нѣжность гас-
нетъ въ ней,
Отталкиваетъ ихъ въ свирѣпости рукою;
Идетъ, незнавъ куда, объятая тоскою
Неможетъ насъ она въ смущеньѣ познавать!
Три разъ готовилась, не знаю что писать;
Но прерывала трудъ три раза сей напра-
сной. —
Спѣши о государь! Спѣши помочь нещаст-
ной!

ТЕЗЕЙ.

Еноны нѣтъ! — увы! — зрю Федры ужасъ
весь!
Да изъяснится онъ. — Да станетъ сынъ
мой здѣсь!
Да защититъ себя предъ мною оправдань-
емъ!..

одинъ.

Нептунъ! — Непоспѣшай своимъ благодѣянь-
емъ!
Хочу чтобъ слухъ, твой слухъ ко мнѣ былъ
затворенъ! —
Ахъ! можетъ съ лишкомъ я коварствомъ
ослѣпленъ! —
И рано взнесъ къ тебѣ мои жестоки руки,
Желаніе мое рождаетъ сердца муки!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТЕЗЕЙ, ТЕРАМЕНЪ.

ТЕЗЕЙ.

То Терамен! скажи! — гдѣ сынъ себя мой скрылъ?
Отъ юныхъ лѣтъ тебѣ его я поручилъ!...
Ты плачешъ!... слезы зрю!... зрю страшное смущенье!
Что дѣлаетъ мой сынъ?

ТЕРАМЕНЪ.

О поздно сожаленье!
Безплодная любовь! — ужъ Гипполита нѣтъ!

ТЕЗЕЙ.

О боги!

ТЕРАМЕНЪ.

Зрѣлъ я смерть того, что чтилъ весь свѣтъ,
И коего я всю, увы! — невинность знаю!

ТЕЗЕЙ.

Мой сынъ окончилъ вѣкъ! когда я простираю
Объятія къ нему! — о лютый неба даръ!...

Скажи, какой меня лишилъ его ударъ?

ТЕРАМЕНЪ.

Едва оставили Трезенскіе мы стѣны,
Онъ въ колесницѣ былъ, и стражи огор-
ченны
Послѣдуя за нимъ, тѣсня печалью грудь,
Какъ онъ задумчиво текли въ Мисенскій
путь.
Онъ руку опустилъ, и въ мысляхъ нерадi-
выхъ
Неправилъ болѣе коней своихъ строптивыхъ.-
Кони. — Которыхъ могъ смирять его лишъ
гласъ,
Повѣся головы, шли скучно въ оный часъ;
Казалось и они дѣлили скорьби злыя!.
Внезапно вопль возсталъ изъ глубины мор-
скія,
Нарушилъ тишину и воздуха покой,
Изъ недръ земныхъ изшелъ ужасный стонъ
и вой,
А вздохи тяжкія какъ бурный духъ шумели!
Отъ страха лютаго мы всѣ оцѣпенели!..
Подъялась дыбомъ шерсть и гривы у ко-
ней! —
Межъ тѣмъ возвысилась гора среди зыбей,
Реветъ! — зближается! о берегъ ударяетъ
Дробится съ грохотомъ, и въ пѣнѣ извер-
гаетъ

Чудовище! — что волнъ свирѣпость принесла! —
Являютъ страхъ рога широкаго чела,
Покрыто тѣло, все блестящей чешуею,
Волъ ярый и драконъ казался онъ собою;
Въ изгибахъ многихъ хвостъ клубилъ и извивалъ,
Протяжный ревъ брега собою колебалъ! —
Съ негодованьемъ зримъ былъ въ гнѣвѣ небесами,
Наполнилъ воздухъ смрадъ. — Земля тряслась подъ нами
А валъ, что несъ его сострахомъ отступилъ!...
Бѣгутъ всѣ прочь лишась и храбрости и силъ,
Бѣгутъ въ ближайшій храмъ свое спасенье строя!
Одинъ лишъ Гипполитъ, достойный сынъ героя,
Остановилъ коней, пріемлетъ копіе,
Стремится и разитъ чудовище сіе!
Летящее копье межъ ребръ его пронзило.
Отъ боли въ бѣшенствѣ, чудовище вскочило!
Рыкая, прядая, поверглось предъ коней,
Віясь, зіяетъ имъ гортанію своей
И дымъ со пламянемъ на нихъ стремитъ рѣкою! —

Тогда незапный страхъ объемлетъ ихъ со-
бою!..
Пустились! — ни бразды, ни гласъ имъ не-
претитъ.
Въ усиліяхъ своихъ слабѣетъ Гипполитъ.
Грызомы удѣла, въ кровавой зрятся пѣнѣ.
Вѣщаютъ: видили въ ужасной сей премѣнѣ,
Что нѣкій богъ еще коней сихъ погонялъ!
Стремитъ ихъ страхъ, стремитъ въ сре-
ду гранитныхъ скалъ
Крушится съ трескомъ ось. — И Гипполитъ въ напасти
Зритъ колесницу всю разбившуюсь начасти! —
Держался. — Но падетъ запутанный въ
вождяхъ!..
Прости прискорбію, смущенію въ очахъ! —
Сей видъ пребудетъ мнѣ навѣки слезъ причина!
Я видѣлъ твоего нещастнѣйшаго сына
Влекомаго коньми, которыхъ самъ питалъ!
Взываетъ! — Но ужъ гласъ его имъ страшенъ сталъ.
Летятъ, и тѣло все ранъ кажетъ сонмъ
единый!.
Гласятъ нашъ жалкій вопль и рощи, и долины.
Но утомясь кони, кончая быстрый бѣгъ
Остановилася при гробахъ древнихъ тѣхъ

Гдѣ предковъ прахъ его утробой скрытъ
земною.
Стремлюся я занимъ и воины сомною,
Дражайша кровь его намъ кажетъ путь
слѣдовъ,
Скалы обагрены! — видъ терновыхъ ку-
стовъ
Клоки кровавыя власовъ его являетъ!
Пришелъ. — Зову его. — Онъ руку про-
стираетъ. —
И силяся открыть еще взоръ томный свой,
Сказалъ: „Коль жизнь мою кончаетъ жре-
бій злой,
„О другъ мой! — Незабудь Арисіи нещa-
стной!
„Когда Тезей смягчитъ ко мнѣ свой гнѣвъ
ужасной,
„Когда познаетъ онъ моихъ невинность
дней,
„Чтобъ крови стонъ пресѣчь, и тѣни вопль
моей
„Скажи, чтобъ зжалился любезной надъ
судьбою,
„Чтобъ возратилъ. — И тутъ покрывшись
вѣчной тьмою,
Лишъ безобразный трупъ оставилъ онъ въ
очахъ,
Гдѣ виденъ гнѣвъ боговъ, жестокой мести
страхъ! —

Предметъ, что и твое познать неможетъ
око!

ТЕЗЕЙ.

О сынъ мой! — коего лишился толь жестоко!
Надежда дней моихъ! о боги! жребій злой!
Увы! для мукъ какихъ вѣкъ длится въ свѣтѣ мой?

ТЕРАМЕНЪ.

Тогда приходитъ къ намъ Аресія вздыхая,
Отъ гнѣва твоего приходитъ убѣгая,
Свершить желанный бракъ призрѣніи боговъ. —
Но видя кровь она дымящусь средь кустовъ,
Зритъ! — ахъ! какой ударъ любовію плѣненной?
Зритъ Гипполита трупъ дыханія лишенной! —
Обезображеный!. въ сомнѣніе падетъ,
И видъ любезной ей уже непознаетъ.
Гдѣ онъ? Гдѣ онъ гласитъ, состономъ. сослезами!
Увѣрясь наконецъ, что предъ ея очами,
Взведя печальный взоръ, виня небесный гнѣвъ,
Во вздохахъ, въ горести, безъдушна, охладѣвъ
Къ ногамъ любовника упала обмирая!...

Исмена подлѣ ней, Исмена грудь терзая
Ей возвращаетъ жизнь къ мученью и бѣ-
дамъ!..
Я страшный сей ударъ едва пренесши самъ
Пришелъ сказать его послѣднѣе желанье,
Исполнить государь героя завѣщанье,
Что свято будетъ въ вѣкъ для сердца мо-
его. —
Но се, смертельнаго я зрю врага его.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЕЗЕЙ, ФЕДРА, ТЕРАМЕНЪ, ПАНОПА, СТРАЖА.

ТЕЗЕЙ.

Ты торжествуешъ. — Такъ, мой сынъ уже
скончался!
Увы нетщетно я вострахѣ сомнѣвался!
Не тщетно заглушалъ горячность всю мою!
Онъ умеръ! — Пріими ты жертву въ немъ
свою.
Кончиной насладись невинной, иль достой-
ной. —
Пусть вѣкъ останусь я во тьмѣ сей неспо-
койной!..

Коль ты винишъ его, виню его я самъ. —
Ахъ! много смерть сія даетъ причинъ къ слезамъ!
Ненужны мнѣ теперь, не нужны откровенья,
Не въ силахъ бывъ онѣ пресѣкнуть сожалѣнья
Умножатъ можетъ быть, нещастье дней моихъ!..
Я удаляюся бреговъ ужасныхъ сихъ,
Бѣгу кроваваго изображенья сына,
И мѣстъ гдѣ кажетъ мнѣ сей страшный видъ судьбина!..
Увы! хотѣлъ бы я оставить цѣлый свѣтъ!
Все, все противъ меня, ни въ чемъ надежды нѣтъ!.
Блескъ имяни во мнѣ величитъ злы мученья,
Извѣстенъ менше бывъ, я скрылъ бы огорченья,
Противна помощь мнѣ боговъ въ дѣлахъ моихъ. —
Пойду оплакивать на вѣкъ щедроты ихъ!—
Небуду бремянить моими ихъ мольбами,
Какимибъ наградить не вдумали судьбами
Ничемъ они за то немогутъ мнѣ воздать!

ФЕДРА.

Нѣтъ. — Нѣтъ, Тезей, должно молчаніе прервать,

Должно сомнѣніе и гнѣвъ пресѣчь напрасной.
Твой сынъ невиненъ былъ...

ТЕЗЕЙ.

Увы! отецъ нещастной!...
Такъ ты причиною, что сынъ сраженъ отцомъ?
Жестокая! какъ мнишъ ты оправдатся въ томъ!

ФЕДРА.

Минуты дороги. — Ужъ все судьба свершила!
Я перьва на него взоръ страстный обратила.
Невиненъ Гипполитъ въ любви къ нему моей,
Вселило небо въ грудь мнѣ пламянь страшный сей,
Енона лютая свершила остальное! —
Но устрашась, чтобъ онъ коварство таковое
Познавъ, необъяснилъ, что мукъ моихъ вина,
И слабостью моей воспользуясь она
Успѣла обвинить его, сей ковъ сплетая;
Отмщеньяжъ за то правдива убѣгая
Скончала жизнь свою она въ морскихъ волнахъ.

Давнобъ желѣзо мнѣ затмило свѣтъ въ очахъ;
Но тѣмъ оставалабъ невинность въ подозрѣнье.
Рѣшилась я, открывъ тебѣ мое мученье
Мѣдлительнымъ путемъ сойдти на вѣки въ адъ!
Уже пожиламъ всѣмъ течетъ смертельный ядъ,
Въ Аѳины принесла что горестна Медея!
Уже отрава та жестоку смерть посѣя
Стремитъ мнѣ въ сердце хладъ, и помрачаетъ день,
Ужъ туча нѣкая, или густая тѣнь
И небо, и тебя отъ гласъ моихъ скрываетъ,
Отъемля солнца лучь, блескъ прежній возвращетъ
Свѣтилу, что порокъ несносый тьмилъ собой!...

ПАНОПА.

Она кончаетъ жизнь!...

ТЕЗЕЙ.

Жестокости такой
Почто некончится вся память вмѣстѣ съ нею?
Толь люто свободясь отъ заблужденья ею

Пойдемъ, пойдемъ, увы! любезный прахъ почтить,
И слезы съ кровію невинной съединить!
Пойдемъ очистить страхъ ужаснаго желанья!
Но тѣни жалостной дабы прервать стенанья,
Забывъ отмщеніе, вражду прошедшихъ дней,
Да будетъ дщерію Арисія моей.

КОНЕЦЪ.

АѲАЛІЯ

ИЛИ

ГОѲОЛІЯ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Всѣмъ извѣстно, что царство Іудейское состояло изъ двухъ колѣнъ. — То есть: изъ колѣна Іудова и Веніаминова, и что остальныя десять колѣнъ возмутившіяся противъ Ровоама, составили царство Исраильское. Поелику всѣ цари Іудейскіе были изъ дому Давидова, и имѣли въ своемъ владѣніи городъ и храмъ Іерусалимскій, то всѣ священники и Левиты находились всегда при нихъ и были имъ весьма привержены, тѣмъ болѣе, что современни построенія храма Соломономъ, всякое жертвоприношеніе въ другихъ мѣстахъ было запрещено, и всѣ олтари созиждаемыя богу нагорахъ, и называемыя потому въ священномъ писаніи *на верьхахъ*, были ему противны. И такъ, законное служеніе оставалось въ одной Іудеи. — Всѣ же прочія десять колѣнъ, изключая малаго количества людей, были въ идолопоклонствѣ, или въ расколѣ.

Священники и Левиты составляли сами по себѣ многочисленное колѣно. Они занимали разныя степени служенія въ храмѣ и перемѣнялись по суботамъ. Всѣ священники были изъ роду Аарона, и только

имъ однимъ позволялось жертвовать. — Левиты же были подчинены священинкамъ; обязанности ихъ были между прочими: пѣніе, приуготовленіе жертвъ и храненіе храма. Левитами назывались иногда всѣ происходящія отъ сего колѣна. — Во время седминой очереди своей жили они какъ и Первосвященникъ въ сѣнахъ, или Галлеріи окружающей храмъ и составляющей часть онаго. Все сіе зданіе вообще называлось святымъ мѣстомъ; но въ особенности называли такъ тѣ части храма, гдѣ находилися *златыя свѣщники, олтарь куренія и трапеза для предлагаемыхъ хлѣбовъ.* (1) Между тѣмъ сіи части также были отдѣлены, отъ *Святая Святыхъ*, въ коей хранился ковчегъ завѣта, и куда только одинъ Первосвященникъ и то единожды въ годъ имѣлъ право вступать. Что храмъ построенъ былъ на той самой горѣ на которой Авраамъ жертвовалъ Богу сыномъ своимъ Исаакомъ, преданіе сіе утверждеждено многими.

Я помѣстилъ сіи подробности для тѣхъ коимъ не весьма памятна Исторія ветхаго завѣта; дабы тѣмъ учинить имъ

---

(1) Цар. кн. 3. гл. 7. ст. 48 и 49. Моис. кн. 2. гл. 40 ст. 1 и 2 4.

разумительными нѣкоторыя мѣста сей Трагедіи.

Оная имѣетъ содержаніемъ своимъ, признаніе и возведеніе на престолъ Іоаса, и поправиламъ долженъ бы я былъ назвать оную Іоасъ; но поелику, многіе уже слышали объ ней подъ имянемъ Аѳаліи (*) то и неразсудилъ я за благо издать оную подъ другимъ; по тому больше, что Аѳалія составляетъ въ ней знамянитѣйшее лице и что смертію ея окончевается Трагедія.

Здѣсь представлю я знатнѣйшія приключенія великаго сего произшествія.

Іорамъ царь Іудейскій сынъ Іосафата и седьмой отъ роду Давидова, поялъ въ супружество Аѳалію дочь Ахава и Іосавели Царствовавшихъ въ Исраилѣ, кои оба; а паче Іосавель были знамениты кровопролитнымъ гоненіемъ Пророковъ. Аѳалія бывъ столько же нечестива какъ и мать ея, скоро вовлекла супруга своего въ идолопоклонство и повелѣла соорудить въ Іерусалимѣ Храмъ Ваалу, Богу Тирскихъ и Сидонскихъ странъ въ коихъ родилась Іосавель. Іорамъ увидя погибшими отъ руки Аравовъ и Филистянъ всѣхъ чадъ своихъ-

(*) Въ 4 К. Ца. Гл 8. Ст. 26. названа Гоѳолія а по Французски Athalie.

изключая Охозія; умеръ отъ продолжительной болѣзни снѣдавшей его внутренность. Печальной сей конецъ невоспрепятствовалъ Охозію подражать ему и матери своей Аѳаліи въ нечестіяхъ. — Но онъ царствовалъ только одинъ годъ. — Поѣхавъ для посѣщенія Царя Исраильскаго, брата Аѳаліи и бывъ присовокупленъ къ гибели дому Ахава, убитъ по повелѣнію Іеха (*) коего посвятилъ Богъ чрезъ пророковъ своихъ царствовать надъ Исраилемъ и избралъ орудіемъ мщенія своего. Іехъ истребилъ все потомство Ахава и сходно предсказанію Елисея, повелѣлъ выкинуть изъ окна Іосавель, которую пожрали Псы въ виноградномъ саду Навуѳея, коего предъ тѣмъ велѣла она умертвить, дабы овладѣть его наслѣдіемъ. Аѳалія узнавъ въ Іерусалимѣ о сихъ убійствахъ, предпріяла съ своей стороны во все истребить поколеніе Давидово, и повелѣла убить дѣтей Охозія, ея внуковъ — Однакожъ къ щастію, Іосаветъ сестра Охозія и дочь Іоарама; но отъ другой матери, а не отъ Аѳаліи, придя во время сего убійства, нашла способъ изъять изъ

(*) Моисея К. 4 Ст. 25. 29. — на Французскомъ и Латинскомъ Названъ онъ Іегю. — также и на Немецкомъ, а по Еврезски Эгю. Въ Россійскомъ же переводѣ Инуй.

среды мертвыхъ юнаго Іоса, бывшаго тогда у груди кормилицы, поручила его въ мѣстѣ съ нею Первосвященнику своему супругу, которой скрылъ ихъ въ храмѣ и воспитывалъ въ тайнѣ сего младѣнца до того дня, въ которой былъ онъ объявленъ царемъ Іудейскимъ. Книга царствъ повѣствуетъ, что сіе послѣдовало на седьмомъ году отъ его рожденія; но Греческія Переміи слѣдованныя Северомъ Суплиціемъ пишутъ, что онъ былъ уже въ восьмомъ годѣ и сіе то позволило мнѣ представить его въ девяти, или десяти лѣтнемъ возрастѣ, для того единственно, чтобъ могъ онъ отвѣтствовать на предлагаемыя ему вопросы. Мнѣ кажется, что я незаставилъ его сказать ничего такого, чтобъ превосходило сей возрастъ въ ребенкѣ имѣющемъ разумъ и память, естли же и возвысилъ я въ немъ сіи способности, то надлежитъ представить себѣ, что онъ не есть обыкновенной ребенокъ; но бывъ воспитанъ въ храмѣ первосвященникомъ видѣвшимъ въ немъ единую надежду народа, могъ онъ конечно заблаговремянно получить наилутчія понятія о обязанностяхъ вѣры и царственныхъ. Къ томужъ дѣти Іудейскіе воспитываемы были не такъ, какъ большая часть нашихъ, имъ толковали священное писаніе не только въ возрастѣ для то-

го способномъ; на даже; какъ изъясняется о томъ С. Павелъ; *отъ сосцевъ матерей.* Всякой Іудеянинъ долженъ былъ одинъ разъ въ жизнь свою переписать своеручно все священное писаніе; а цари обязаны были учинить сіе два раза, и къ томужъ должны они были имѣть оное завсегда предъ глазами своими. Я могу сказать здѣсь, что Франція во дни наши имѣетъ предъ собою примѣръ въ Августѣйшемъ восьми съ половиною лѣтнемъ младѣнцѣ своемъ, и ясно видитъ, что возмугутъ щастливыя природныя свойства, вспомогаемыя превосходнымъ воспитаніемъ. Естьибы я далъ юному Іоасу, туже быстроту и туже благоразсудительность, которые блистаютъ въ отвѣтахъ младаго сего Государя, то справедливо обвинили бы меня за то, что я погрѣшилъ противъ правилъ вѣроятія.

Я послѣдовалъ словамъ многихъ искуснѣйшихъ толкователей, доказывающихъ по смыслу священнаго писанія, что воины которымъ Іоада, или Іоадъ, какъ называетъ его Іосифъ, повелѣлъ принять оружіе посвященное Богу Давидомъ, были священники и Левиты, равно и начальствовавшія имипять сотниковъ. Наконецъ говорятъ сіи толкователи, что въ святомъ дѣлѣ семъ все было свято, и никто изъ мірскихъ,

небылъ употребленъ къ оному. Ибо надлежало не только сохранить скиптръ въ домѣ Давидовомъ; но вмѣстѣ съ нимъ соблюсти продолженіе поколѣнія великаго царя сего, отъ котораго долженъ былъ родится Мессія. „Поелику Мессія, толико „кратъ обѣщанный долженъ быть сынъ „Авраама, Давида и всѣхъ царей Іудейскихъ.„ По сему то славный и ученый Прелатъ (*), у котораго занялъ я сіи слова и называетъ Іоаса, драгоцѣннымъ остаткомъ дому Давидова. Также изъясняется и Іосифъ; а священное писаніе говоритъ ясно, что Богъ желая сохранить дому Давидову обѣщенной имъ свѣтильникъ, не вовсе истребилъ родъ Іорама. И такъ, что такое сей свѣтильникъ, какъ не свѣтъ долженствовавшей некогда быть откровенъ народамъ?

Исторія неозначаетъ точно дня въ которой Іоасъ провозглашенъ былъ царемъ.— Но какъ нѣкоторые толкователи полагаютъ, что сіе произошло въ день праздничный, то и выбралъ я для сего день пятидѣсятницы, которой былъ въ числѣ трехъ годовыхъ праздниковъ Іудейскихъ. Въ оной торжествовалась память того дня въ которой данъ имъ былъ законъ на горѣ Синаѣ,

---

(*) Г. Мо.

и въ оной жертвовали Богу перьвыми хлѣбами новой жатвы; а потому то, и названъ онъ былъ въ послѣдствіи *праздникомъ жатвы первородныхъ.* (*) Я заключилъ, что сіе обстоятельство дастъ мнѣ способъ къ разнымъ содержаніямъ Хора. Хоръ въ трагедіи сей состоитъ изъ младыхъ дѣвъ отъ колѣна Левіена, которымъ придалъ я начальницей дѣвицу представленную мною сестрою Захарія. Она приводитъ Хоръ къ матери своей, поетъ съ нимъ вмѣстѣ, говоритъ за него и изображаетъ собою какъ у древнихъ лице Хора, называемое Хорифей. Я изпыталъ тѣмъ въ подражаніе древнимъ продолженіе безпрерывнаго дѣйствія, чрезъ которое Ѳеатръ ихъ никогда не оставался пустъ и перемежка дѣйствій означалась только Гимнами и нравоученіями Хора соображающагося съ произходящимъ дѣйствіемъ.

Можетъ быть поставятъ мнѣ то въ излишнію смѣлость что я представилъ на Сценѣ Пророка вдохновеяннаго Богомъ и предсказующаго будущее. — Но я остерегся, и вложилъ въ уста его изъясненія взятыя мною изъ самихъ Пророковъ. Хотя священное писаніе нигдѣ утвердительно не говоритъ, чтобъ Іоада имѣлъ духъ про-

---

(*) Моис. К. 2 Гл. 23. ст. 16.

рочества, какъ о сынѣ его Захаріи, однакожъ изображаетъ его человѣкомъ исполненнымъ духа Божія; а согласно Евангелію яко Первосвященникъ могъ онъ и пророчествовать. — По чему можно заключить; что онъ видѣлъ духомъ печальную перемѣну Іоаса, которой послѣ тридцати лѣтняго благочестиваго царствованія своего, предался злымъ совѣтамъ льстецовъ и осквернилъ себя убіеніемъ Захарія, сына и наслѣдника сего Первосвященика. Сіе убівство учиненное въ храмѣ, было изъ числа важнѣйшихъ причинъ гнѣва Божія къ народу Іудейскому и послѣдствіемъ всѣхъ нещастіи Думаютъ, что послѣ сего прекратились во все отвѣты Бога въ святилищѣ его Вотъ что подало мнѣ мысль заставить Іоада предсказывать о всѣхъ бѣдствіяхъ, о раззореніи Храма и Іерусалима. — Но какъ Пророки обыкновенно соединяютъ утѣшеніе съ угрозами, къ тому жъ долженствовало возвести на престолъ праотца Мессіи, то и употребилъ я сей случай для возвѣщенія о томъ утѣшителѣ, котораго всѣ древніе въ справедливыхъ воздыханіяхъ ожидали. Сія Сцена есть родъ Эпизоды и требуетъ музыки въ естественномъ своемъ порядкѣ, сообразно привычкѣ

(*) Цар. К. 4. Гл. 3. ст. 15.

многихъ Пророковъ возбуждавшихъ изступленіе свое звукомъ Музыкальныхъ орудіи. Свидѣтельствуетъ сіе сонмъ таковыхъ Пророковъ приходившихъ къ Саулу съ предносимыми предъ ними Арфами и Лирами. — И Елисей вопрошаемый о будущемъ царями Іудейскими и Исраельскими гласить подобно Іоаду *Приведи ми пѣвца*. Къ сему надлежитъ при совокупить и то, что пророчество сіе служитъ къ умноженію того смущенія, которое приводитъ въ разныя движенія Хоръ и главнейшія лица сей Трагедіи.

Отъ трудившагося въ переводѣ.

Аѳалія въ переводахъ на разныя языки Священнаго Писанія названа, на Латинскомъ Athalia, на Французскомъ Athalie, на Немецкомъ Athalia, въ Еврейскомъ же подлинникѣ царица сія имянуется Асаліа или Асаиго; но въ Россіцскомъ переводѣ онаго названа она Гоѳоліей, (*) Трагедія сія

(*) Естли слово Гоѳоліа въ представленіи покажется несколько жесткимъ для выговора, то можно выговаривать Аѳаліа въ мѣсто Гоѳоліа, поелику Аѳаліа ближе къ Еврейскому подлинику и Греческому переводу,; а для того то и назвалъ я сію Трагедію Аѳалія или Говолія. Что и въ стихахъ ни какой розницы не составляетъ,

есть наилутчее и послѣднѣе твореніе славнаго Расина, бывшаго всегда, а паче занесколько времяни предъ кончиною своею сдѣлавшагося чрезвычайно набожнымъ. Духъ вѣры и благочестія сіяютъ по всюды въ семъ сочиніи его, сверхъ того красоты извлѣченныя имъ изъ священнаго писанія придаютъ ей много силы и блеску. Хотя Г. Волтеръ по обыкновенной своей привычкѣ въ некоторыхъ мѣстахъ оную Критикуетъ, но мѣжду тѣмъ называетъ, ее превосходнымъ сочиненіемъ и школою царей. Въ самомъ дѣлѣ, строгія истинны возвѣщаемыя устами Пророковъ вѣнчаннымъ главамъ, помѣщены имъ въ оной со всею ихъ силою и весьма прилично.

Я неговорю ничего о великолепіи и порядкѣ сей Трагедіи, скажу только, что я старался перевести оную со все возможнею точностію, какая только въ Стихотворческомъ переводѣ, или лутче сказать преложеніи соблюдена быть можетъ. Еврейскія имяна, которыми оная наполнена, отъ стеченія многихъ гласныхъ буквъ на носятъ великое затрудненіе въ стопосложеніи, не взирая на то, что тѣ же самыя имяна весьма благозвучно отзываются въ Славяно-Россійскомъ переводѣ священнаго писанія; изображенныя же съ великимъ успѣхомъ красоты онаго

въ прозаичномъ переводѣ семъ, не легко можно сохранить въ нынѣшнемъ нашемъ Стихотворствѣ, ибо не только Грамматическія правила; но въ некоторыхъ мѣстахъ и самое произношеніе Славянскаго языка весьма разнится отъ нынѣ употребляемаго. Невзирая на все сіе сохранилъ я всю точность Еврейскихъ имянъ безъ малейшей перемѣны въ произношеніи, для стопъ, или Риѳмъ, и старался по возможности соблюсти красоты священнаго писанія, толь превосходно въ Славяно-Россійскомъ переводѣ онаго изложенныя.

АѲАЛІЯ или ГОѲОЛІЯ

ТРАГЕДІЯ

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненія

Г. Расина.

Преложенная

въ Россійскія Стихи

въ 1814 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ІОАСЪ Царь Іудейскій сынъ Охозія царя.
АѲАЛІЯ или ГОѲОЛІЯ Вдова Іорамова, предка Іоасова.
ІОАДЪ, или ІОАДА, Первосвященникъ.
ІОСАВЕТЪ, тетка Іоаса супруга Первосвященника.
ЗАХАРІЯ, сынъ Іоада и Іоасаветы.
САЛОМИѲЪ сестра Захарія.
АВНЕРЪ, одинъ изъ знатнейшихъ чиновниковъ царей Іудейскихъ.
АЗАРІЯ ИЗМАИЛЪ и ТРИ ОСТАЛЬНЫЯ НАЧАЛЬНИКА священно Левитовъ.
МАѲАНЪ, священоотступникъ жрецъ Вааловъ.
НАВАЛЪ, наперстникъ Маѳановъ.
АГАРЬ, жена изъ числа послѣдующихъ Аѳалій.
СОНМЪ, священниковъ и Левитовъ.
ПОСЛѢДУЮЩІЯ Аѳиліи.
КОРМИЛИЦА Іоасова.
ХОРЪ младыхъ дѣвъ отъ колѣна Левіина.

Дѣйствіе въ Іерусалимѣ въ преддверіи чертоговъ Перьвосвященника.

АѲАЛІЯ или ГОѲОЛІЯ

ТРАГЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ІОАДЪ, АВНЕРЪ.

АВНЕРЪ.

Такъ, я чтя древніе обычаи священны,
Пришелъ молится въ храмъ творцу всея вселенны,
И день торжествовать, въ кой намъ предвѣчный Богъ
Синайскихъ на верьхахъ законъ свой далъ въ залогъ.
Какъ премѣнилось все! — Вездѣ зрю образъ скуки!
Досель, едва трубы священной громки звуки
Предъвозвѣщали намъ велика дня возвратъ;
Спѣшилъ свѣтой народъ, и тьмы тѣснясь у вратъ
Стремлись съ ревностью вступить въ сіи предѣлы.
Неся полей своихъ плодъ перьвый Богу зрѣлыи.

Тамъ жертвъ обиліе, упитанныхъ тѣльцовъ,
Примать не успѣвалъ священный сонмъ жрецовъ.
А нынѣ злость жены, успѣхи нечестивы,
Покрыли мракомъ дни блаженны и щастливы,
И малое число усердныхъ здѣсь гражданъ,
Изображаютъ тѣнь прошедшихъ намъ времянъ;
Но въ прочихъ благодать сіятъ уже престала. —
Текутъ во храмъ иной боготворить Ваала;
Предавшись тайнству постыдному и злу,
Дерзаютъ отрыгать всевышнему хулу!
Страшусь! — Аѳалія средь буйства чтобъ такого
Не отъ влека тебя отъ олтаря святаго.
И мщеніе свое сверьшая надъ тобой,
Не сокрушашилабъ все, нейстовой рукой!

ІОАДЪ.

Но что предчувствіе сіе въ тебѣ рождаетъ?

АВНЕРЪ.

Не мнию, что праведникъ безвреденъ пребываетъ.

Она добротъ твоихъ не стерпитъ до конца,
Что украшаютъ блескъ священнаго вѣнца.
Давно любовь твою къ закону чтетъ раздоромъ,
Измѣной, мятежемъ и тайнымъ заговоромъ.
Противенъ ей въ тебѣ, твоихъ достоинствъ свѣтъ,
Страшна супруга ей твоя Іоасаветъ.
Священный Іоадъ, наслѣдникъ Аарона,
Іосаветъ сестра царя Еврейска трона. —
Маѳанъ къ томужъ, Маѳанъ вѣроотступникъ злой
Смущая тѣмъ ее отъемлетъ ей покой!
Маѳанъ! Бѣглецъ и врагъ, закона нарушитель,
И добродѣтели ревнительной гонитель,
То мало, что вѣнцемъ онъ чуждымъ здѣсь покрытъ,
Ваалу жертвуетъ отступной сей Левитъ,
Тяжелъ ему сей храмъ, и нечестивость строга
Желалабъ истребить оставленна имъ Бога!
Обиленъ средствами его коварный духъ. —
То хвалитъ онъ тебя, то сажалѣетъ вдругъ,

То притворяется, то дружбой лицемѣрной
Стремится ядъ сокрыть въ душѣ злодѣства черной;
То вреднымъ онъ тебя царицѣ ставитъ сей,
То внемля жадности ко злату онъ своей
Клевещетъ кротости, усердія подъ видомъ,
Что скрылъ богатство ты собранное Давидомъ. —
И наконецъ уже два дни какъ здѣсь она
Во мрачну видима печаль погружена.
Вчера примѣтилъ я, что гнѣвомъ воспаленны
Глаза ея нахрамъ взирали сей священны;
Какъ будтобъ Богъ хранитъ подъкровомъ сихъ верьховъ,
Отмстителя всѣхъ золъ и казнь ея грѣховъ.
Вѣрь, больше, чемъ о томъ вникаю въ мысль глубоку,
Тѣмъ больше не навистъ къ тебѣ зрю въ ней жестоку,
И кровожаждуща Іосавели дщерь
На Бога въ храмѣ семъ ужъ мнитъ востать теперь!

ІОАДЪ.

Броздами кто возмогъ смирять валы морскіе,
Тотъ злобныхъ прекращать совѣты силенъ злые!
Авнеръ, я волѣ сей послушенъ бывъ святой,
Господню чту боязь, ничто мнѣ страхъ иной!
Межъ тѣмъ благодарю усерьдію такому,
Что хочетъ сохранить меня отъ бѣдъ сихъ грому,
Что въ тайнѣ гонишъ зло, ты истинну любя,
Что зрю Израиля я сердце у тебя.
Благословлю Творца!—Но ты бывъ зла свидѣтель,
Неужель праздность чтишъ свою за добродѣтель;
Гдѣ вѣры дѣлъ не зримъ, тамъ вѣры правой нѣтъ.
Уже въ нечестіи минуло восемь лѣтъ,
Какъ скиптромъ странница Давида обладая,
Въ крови царей себя безъ страха омывая,
Чадъ сына своего убіица, власти тать
На Бога въ гордости дерзаетъ возставать!
А ты, подпорой бывъ падущей сей державѣ,
Средь Іоссафата войскъ воспитанный во славѣ,
Ты былъ вождемъ тогда, какъ сынъ его Іорамъ

Тобой далъ твердый щитъ и крѣпость всѣмъ
градамъ;
Когда съ кончиною Охозія плачевной,
Іехъ весь станъ его въ судьбѣ разсѣялъ гнѣв-
ной.
Боишся Бога ты, и чтишъ его законъ. —
Но вотъ какъ чрезъ меня тебѣ вѣщаетъ онъ!
„Напрасно ревностью пылать къ закону
ложно,
„Какими жертвами меня возвысить можно?
„Какая польза мнѣ отъ тука и воловъ?
„Потребна ли мнѣ кровь и козлищъ и тѣль-
цовъ?
„Кровь царска вопіетъ! Внимать ей не хо-
тите.
„Разсторгнуть узы вы нечестія спѣшите:
„Коль истребите грѣхъ среди народа злой,
„Тогда вы жертвами олтарь почтите мой!

АВНЕРЪ.

Но что я возмогу въ униженномъ народѣ?
Ослабъ Веніаминъ и силъ своихъ въ исходѣ,
Іуда безъ добротъ, погибель ихъ царей
Попранна храбрость въ нихъ и древня до-
блесть съ ней.
Самъ Богъ ревнующій ихъ славѣ столько
прежде,
Самъ Богъ, рѣкутъ, самъ Богъ пресѣкъ пути
къ надеждѣ,

Онъ съ хладностію зритъ въ бѣдахъ его
народъ,
Источникъ прекращенъ его къ нему щед-
ротъ.—
Сокрылася отъ насъ та сильная десница,
Исполненна чудесъ, мрачаща гордыхъ лица!
Безмолвствуетъ Кивотъ, пророчествъ гласъ
изчезъ.

ІОАДЪ.

Когда мы болѣе сихъ видѣли чудесъ?
Когда онѣ средь насъ яснѣе здѣсь гремѣли?
На толи очи вамъ даны, чтобъ вы не зрѣли?
Почто чудесъ своихъ явилъ сіянье Богъ?—
Поколебалъ сердца, смягчить ихъ невозмогъ!
Повѣдать ли Авнеръ, ту цѣпь чудесъ ужас-
ныхъ,
Котору Богъ явилъ средь нашихъ дней не-
щастныхъ?
Поверженъ въ смертный мракъ Израиля
тиранъ,
Возсталъ Господь за насъ.—Мучитель нашъ
попранъ.—
Ахава злобнаго остатки сокровенны
Въ поляхъ, что кровію имъ были обагренны;
Вблизи Іосавель страны ужасной сей,
Потоптана была копытами коней,
Кровь мерзостну ея псы люты полизали,
Вкругъ трупа члены какъ разтерзанны
лежали!

*

Тамъ лжепророковъ сонмъ мы зрѣли низложенъ,
Сошелъ небесный огнь на жертвенникъ священъ.
Ильею небеса во гнѣвѣ заключенны,
Какъ будто въ тверду мѣдь мы зрѣли превращенны. —
Три лѣта какъ земля безъ росъ и безъ дождей
И мертвыхъ изъ гробовъ воздвигнулъ Елисей!
Познай, смущаяся такими чудесами,
Что тотъ же Богъ всегда господствуетъ надъ нами!
Онъ вѣдаетъ когда явить лучи щедротъ.
Во вѣкъ не будетъ имъ забвенъ его народъ!

АВНЕРЪ.

Но гдѣ обѣты всѣ Давиду возвѣщенны?
Гдѣ Соломону тѣ пророчества священны?
Надѣялися мы отъ крови сихъ царей
Узрѣть потомство ихъ, къ отрадѣ всѣхъ людей. —
Что надъ языками, надъ всею что вселенной
Единъ отъ роду ихъ во славу облеченной
По всюду укротитъ разстройство браней злыхъ,
Поклонятся ему цари концевъ земныхъ!

ІОАДЪ.

Иль ты холеблешся, обѣты зря такіе?

АВНЕРЪ.

Гдѣ обретемъ царя отъ крови мы святыя?
Какъ могутъ небеса явить намъ помощь въ семъ?
Изсохло древо то во корени своемъ!—
Послѣдній плодъ пронзить могла Царицы злоба!
Чрезъ восемь лѣтъ возстать возможнолиизъ гроба?
Ахъ! естлибъ Богъ тогда во гнѣвѣ ослѣпилъ
Убійцу лютую, кровь царску сохранилъ....

ІОАДЪ.

Тогда, чтобъ сдѣлалъ ты?

АВНЕРЪ.

Отрада мнѣ едина
Узрѣть, упасть къ ногамъ царей великихъ сына!
Тогдабъ колѣна всѣ, Израильска страна...
Но тщетно мысль моя мечтою прельщена.
Охозія единъ наслѣдникъ ихъ нещастной
Лишился жизни, чадъ, средь участи ужасной.—
Я зрѣлъ когда Іехъ пронзилъ его стрѣлой;
А чадъ его ты зрѣлъ сраженныхъ злой женой.

ІОАДЪ.

Умолкнемъ.—Но когда ужъ солнце по восходѣ
Часть третью совершитъ пути въ небесномъ сводѣ,

Какъ третій часъ взоветъ къ молитвѣ насъ собой,
Ты съ сеюжъ ревностью приди во храмъ святой.
Откроетъ Богъ тебѣ въ величіи щедроты,
Что слово твердо въ вѣкъ и всѣ его доброты.
Иди.— Ужь время мнѣ готовиться къ мольбамъ,
Отъ утреннихъ лучей уже сіяетъ храмъ.

АВНЕРЪ.

Какихъ щедротъ мой духъ надѣяться дерзаетъ?
Но се, Іосаветъ къ тебѣ уже вступаетъ.
Иду, спѣшу и я во сонмъ благихъ людей,
Что въ храмъ святый зоветъ день знаменитый сей.

ЯВЛЕНІЕ II.

ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ.

ІОАДЪ.

Свершились времяна. — Вѣщать мнѣ ясно должно;
Хищеніе твое таить ужъ невозможно. —
Ужъ дерзновеніе Господнихъ здѣсь враговъ,
Въ глубокой тишинѣ скрывая страшный ковъ,
Давно безплодный свой обѣтъ, тотъ обвиняетъ;

Но что я рекъ? Успѣхъ ихъ сильно обо-
дряетъ.
Ужъ мачиха твоя на олтаряхъ святыхъ
Ваалу жертвоприносить готовится средь
ихъ.
Явимъ Царя сего, что намъ ты сохранила,
Блюдетъ котораго во храмѣ Божья сила.
Еврейскихъ храбрость онъ покажетъ намъ
Царей,
Предупреждаетъ умъ его созрѣлость
дней. —
Но прежде посвящу его всевышню Богу,
Кѣмъ царствуютъ Цари и власть являютъ
многу;
Потомъ священники, Левитовъ родъ святой,
Наслѣдника Царей признаетъ предо мной.

ІОСАВЕТЪ.

Извѣстна ли ему толь славная судьбина?

ІОАДЪ.

Онъ бывъ подъ имянемъ сокрытъ Еліакина
Забвенна мнитъ себя на вѣкъ его родствомъ,
И чтитъ за милости мои, меня отцомъ.

ІОСАВЕТЪ.

Отъ смерти злой его спасла я сокровенно,
Въ какихъ еще бѣдахъ мнѣ зрѣть его сужден-
но?

ІОАДЪ.

Что слышу?—Иль въ тебѣ надежды въ вѣрѣ
нѣтъ?

ІОСАВЕТЪ.

Всегда внимала я премудрый твой совѣтъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ я его отъ смерти свободила,
Судьбу его тебѣ навѣки поручила. —
Боялась зрѣть его въ горячности моей,
Старалась удалять предмецъ любезный сей,
Чтобъ слезы иногда, смущенья чрезвычайны
Невозмогли открыть опасныя сеи тайны.
Въ сіи послѣднія три нощи и три дни
Отрадой были мнѣ моленія одни. —
Но ты, готовяся ко подвигу святому,
Кого имѣешъ здѣсь къ содѣйствію благому?
И храбрый вождь Авнеръ, подвигнетсяль къ тому?
Клялсяль себя предать Царю онъ своему?

ІОАДЪ.

Авнеръ, хотя мой духъ его всю вѣрность знаетъ,
Невѣдаетъ, что Царь его здѣсь обитаетъ.

ІОСАВЕТЪ.

Но кѣмъ же утвердишъ ты Іоаса тронъ?
Кто будетъ стражею, Оведъ, или Амнонъ?
Щедроты моего отца на нихъ блистали....

ІОАДЪ.

Аѳаліи себя ужъ всѣ они предали,

ІОСАВЕТЪ.

Когожъ поставишъ ты противъ его враговъ?

ІОАДЪ.

Я рекъ.—Священниковъ, Левитовъ и жрецовъ.

ІОСАВЕТЪ.

Я знаю—, что сіе собраніе священно
Къ намѣренью сему, тобой усугубленно.—
Къ тебѣ любовь сильна, къ Аѳаліи месть въ нихъ,
Ужъ клятва въ вѣрности предупредила ихъ
Къ тому, котораго явить имъ должно нынѣ.
Но сколь ни силенъ духъ ихъ въ строгой сей судьбинѣ,
Возмогутъ ли Царя отъ мести спасть собой?
Доволенъ ли къ тому, духъ ревности святой?
Когда Аѳалія о тайнѣ сей узнаетъ,
Что сынъ Охозія въ семъ храмѣ пребываетъ,
Пришельцовъ гордыхъ съ тьмой придетъ въ сіи мѣста,
Обложитъ храмъ святой, и сокрушитъ врата!
Что можетъ сонмъ жрецовъ среди кровавой брани?—
Обыкшій воздѣвать невинны къ небу длани,
Молится о грѣхахъ въ смиреніи сердецъ,
Ліющій жертвенну кровь агнцовъ и овѣцъ?
Ахъ! Можетъ быть узрю въ объятіяхъ пронзенна.—

ІОАДЪ.

Иль Бога чтишъ ничемъ за насъ вооруженна?

Богъ покровитель есть невинныхъ и сиротъ,
Сіяетъ въ слабыхъ онъ лучемъ своихъ щедротъ!
Богъ, коему мила Израильская слава,
Кой клялся истребить Іосавель, Ахава.—
Богъ, коимъ пораженъ Іорама дерзскій зять,
Богъ, кой готовъ во вѣкъ ихъ родъ невѣрный гнать!—
Богъ, коего рука на время опочила;
Но злыхъ къ погибели его недремлетъ сила!

ІОСАВЕТЪ.

Коль въ правдѣ онъ святой возсталъ на сихъ Царей,
Сынъ брата моего, колико жалокъ сей!
Кто знаетъ, можетъ быть родителя грѣхами
Покрытъ, гонимъ и онъ всевышняго судьбами?
Изъ роду Богъ его захочетъ ли изъять?
Спасетъ ли намъ его къ Давиду благодать?
Видъ страшной въ коемъ онъ мнѣ посланъ небесами,
Всегда пребудетъ мнѣ мечтаться предъ очами!
Чертогъ въ крови Князей убитыхъ утопалъ,
Аѳалія держа въ рукѣ своей кинжалъ
Свирѣпыхъ воиновъ къ убійству понуждала,
И кровь безъ жалости повсюду проливала!

Онъ былъ ужъ пораженъ, и смерти при
вратахъ!—
Еще кормилицу его я зрю въ очахъ
Стремящуюсь въ среду убіицъ ожесточен-
ныхъ,
Держащу при грудяхъ слезами орошенныхъ
Младенца нѣжнаго!—Средн толикихъ мукъ
Я вырвала его изъ ослабѣвшихъ рукъ!
Отъ страху можетъ быть, или меня ужъ
зноя,
Прижался онъ ко мнѣ трепещущъ воздыхая?
О! Боже пощади мою къ нему любовь!
Сія оставшая Давида вѣрна кровь
Въ дому твоемъ святомъ смиренно возра-
стаетъ,
И кромѣ какъ тебя, отца себѣ незнаетъ!
Тебя, готоваго разить совѣты злыхъ!
Коль вѣры духъ во мнѣ, при ужасахъ такихъ
Пребудетъ устрашенъ, и слезные потоки
Откроютъ чувствъ моихъ смятенія жес-
токи,
О Боже! Сохрани обѣтъ намъ твой святой,
И слабость накажи во мнѣ, во мнѣ одной!

ІОАДЪ.

Не могутъ быть грѣхомъ тебѣ твои печали;
Но хочетъ Богъ, чтобъ мы надежду въ немъ
питали.
Не ищетъ въ гнѣвѣ онъ, въ святыхъ сво-
ихъ судьбахъ

Нечестія отцовъ, на праведныхъ сынахъ,
Евреи, сколько здѣсь спаслось отъ заблуж-
денья,
Всѣ вознесутъ къ нему усердныя моленья.
Колико ими въ вѣкъ почтенъ Давидовъ родъ,
Столь ненавистенъ имъ Іосавели плодъ.—
Невинность тронетъ ихъ Іоса драгоцѣнна,
Сіяетъ въ коемъ кровь народомъ симъ поч-
тенна.—
И Богъ покажетъ лучь своей щедроты намъ,
Вѣщая внятнѣе во храмѣ ихъ сердцамъ.
Возстали на него владыки ослѣпленны!
Такъ должно, чтобы Царь на тронъ ихъ воз-
веденный
Позналъ, что нѣкогда Царей на степень
сихъ
Богъ предковъ возводилъ рукой жрецовъ
своихъ,
Извлекъ рукою ихъ изъ гробнаго забвенья,
И пламянникъ возжегъ Давида поколѣнья.
О Боже! — Если ты возмогъ опредѣлить,
Что долженъ онъ пути Давида позабыть?
Да будетъ яко плодъ онъ въ юности сра-
женный,
Иль яко злачный цвѣтъ косою посѣченный!
Но если долженъ онъ внимать словамъ
твоимъ,
И воли быть твоей орудіемъ святымъ?

Дай предковъ скиптръ ему, и древню благо-
стыню,
Предай рукамъ моимъ враговъ его гордыню!
Да возмятется сей совѣтъ Царицы злой,
Да на М[illegible]на гнѣвъ прольется правый твой!
Пошли невѣденья имъ духъ и заблужденья,
Предтечу гибельну Царей земныхъ па-
денья!
Но часъ пришелъ. — Прости. — Се отъ ко-
лѣнъ святыхъ
Твой сынъ съ сестрой своей приводятъ
дѣвъ младыхъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ІОСАВЕТЪ, ЗАХАРІЯ, САЛОМИѲЪ

ХОРЪ.

ІОСАВЕТЪ.

Захарія драгой! — Иди приготовляться
Съ родителемъ твоимъ моленіямъ пре-
даться.
О! Дѣвы юныя, святыхъ Левитовъ родъ,
На коихъ Богъ стремитъ лучи своихъ ще-
дротъ,
Пришедши раздѣлить сердечно сокру-
шенье,
О! Дщери вы мое едино утѣшенье!

Досель вѣнки сіи, вязанки и цвѣты
Приличны дню сему являли красоты. —
Но Ахъ! во времяна и скорьбей и пороковъ,
Какія жертвы намъ приличнѣй слезныхъ токовъ?
Но се, ужъ внемлю я трубы священной гласъ,
И скоро разрѣшатъ вступленье въ храмъ для насъ,
Межь тѣмъ, какъ буду я готовиться мольбами,
Воспойте Бога вы искомаго толь вами.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХОРЪ.

ВЕСЬ ХОРЪ *поетъ.*

Его исполненъ славы свѣтъ,
Предходитъ власть началамъ лѣтъ. —
Почтимъ всевышняго доброты,
И возвѣстимъ его щедроты!

I ГОЛОСЪ.

Вотще насиліе, вражда
Молчаніе о немъ народамъ полагаетъ. —
Пребудетъ власть его всегда;
День дню хвалу его и славу возвѣщаетъ.

Свѣтъ полнъ величья и добротъ,
Воспоймте тьмы его щедротъ.

ХОРЪ.

Свѣтъ полонъ славы и добротъ,
Величье воспоемъ щедротъ.

1 ГОЛОСЪ.

Онъ пестротой цвѣты сторично украшаетъ,
Плоды рождаетъ, согрѣваетъ,
И соразмѣрно имъ ліетъ
Прохладу нощи, дневный свѣтъ. —
Поля ту благость ощущаютъ,
И съ лихвой смертнымъ возвращаютъ.

2 ГОЛОСЪ.

Велитъ. — Согрѣетъ все въ природѣ солнца жаръ,
И свѣтъ его руки намъ даръ. —
Но сей святой законъ отъ вѣка,
Есть большій даръ для человѣка.

3 ГОЛОСЪ.

Гора священная Синай!
Во вѣки дня сего намъ память сохраняй,
Какъ надъ горящими верьхами,
Богъ въ облакѣ себя сокрылъ,
И славы блескъ сквозь мракъ лучами
Въ своемъ величіи явилъ!
Вѣщай почто сей пламень ярый!

Сей дымъ, сей вихрь, воздушный трескъ!
Гласъ трубъ, громовые удары
И съ ними свѣтлыхъ Молній блескъ!
Вселеннуль съ древня основанья
Стихіи свой оставя путь,
Среди ужасна волнованья
Хотѣли дерзостно стряхнуть?

4 ГОЛОСЪ.

Открылъ Израильску народу
Онъ свой законъ и благодать,
Велѣлъ сему блаженну роду
Къ нему любовію пылать!

ХОРЪ.

О! Истинна, щедрота, радость!
Законъ божественной, святой!
Какая безконечна сладость,
Предать себя тебѣ, на вѣкъ О! Боже мой!

1 ГОЛОСЪ.

Онъ ига свободилъ, Египетской гордыни,
И предкамъ хлѣбъ послалъ небесной средь пустыни.
Онъ далъ намъ свой законъ, себя намъ хочетъ дать;
За то велитъ къ нему любовію пылать.

ХОРЪ

О! Истинна, О! Благодать!

ТОТЪЖЕ ГОЛОСЪ!

Для нихъ разверста имъ морская бездна
водна,
Имъ воду источилъ изъ камня онъ не
плодна.
Онъ далъ намъ свой законъ, и хочетъ съ
нами быть,
За то велитъ себя любить!

ХОРЪ.

О! Истинна, щедрота, радость!
Законъ божественной, святой!
Какая безконечна сладость
Предать себя на вѣкъ, тебѣ О! Боже
мой!

2 ГОЛОСЪ *одинъ.*

О! Вы невѣдящи кромѣ боязни строгой,
Иль не плѣняетъ васъ Господь щедротой
многой?
Не ужель трудно толь сердцамъ себя смирить,
И тягостно его любить?
Трепещетъ рабъ зря руку грозну,
Любовь къ отцу, есть участь чадъ. —
Вы зрите къ вамъ щедроту поздну;
Но ей сердца внимать жестоки не хотятъ.

ХОРЪ.

О! Истинна, щедрота, радость!
Законъ божественной святой!
Какая безконечна сладость,
Предать себя на вѣкъ, тебѣ О! Боже мой!

Конецъ перваго дѣйствія

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ІОСАВЕТЪ, САЛОМИѲЪ, ХОРЪ.

ІОСАВЕТЪ.

Прервите дщери гласъ божественнаго пѣнья,
Ужь время возсылать всеобщія моленья,
Приближился тотъ часъ, да мы въ чредѣ своей
Во храмѣ Господа, день вкупѣ славимъ сей.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗАХАРІЯ, ІОСАВЕТЪ, САЛОМИѲЪ, ХОРЪ.

ІОСАВЕТЪ.

Что зрю? Мой сынъ! — Что путь твой къ намъ теперь склоняетъ?
Куда бѣжишъ? Что твой смущенный взоръ являетъ?

ЗАХАРІЯ.

О! Мать моя!

ІОСАВЕТЪ.

Ахъ! Что?

*

ЗАХАРІЯ.

Увы! поруганъ храмъ!

ІОСАВЕТЪ.

Какъ!

ЗАХАРІЯ.

Бога позабытъ олтарь священный тамъ!

ІОСАВЕТЪ.

Страшуся! Просвѣти мой разумъ омраченный.

ЗАХАРІЯ.

Уже родитель мой, сей жрецъ первосвященный,
Творцу питающу въ щедротѣ смертныхъ родъ
Принесъ на жертву хлѣбъ, какъ первой жатвы плодъ,
Ужъ къ небу воздѣвалъ въ смиреньѣ сердца длани,
Дымящися въ крови являя жертвы дани,
При немъ Еліакинъ, въ молитву углубленъ
Въ одѣжды льняныя какъ я бывъ облѣченъ
Стоялъ, когда жрецы пѣснь Богу возглашали,
Олтарь его, народъ, жертвъ кровью окропляли.
Внезапно шумъ возсталъ! — Весь сонмъ священный вдругъ

Смутился, устремилъ глаза свои и
духъ! . . .
Жена! . . . . И какъ назвать небесъ безъ
оскорбленья.
Жена! . . . Аѳалія! Средь страшна изступленья! . . .

ІОСАВЕТЪ.

О! Небо! — Что?

ЗАХАРІЯ.

Въ предѣлъ, въ кой лишъ однимъ мужамъ.
Позволено входить, она представши
тамъ
Готовилась прейти черту, что отдѣляетъ
То мѣсто, только гдѣ Левитовъ сонмъ
вступаетъ!
Смутившійся народъ побѣгъ уже назадъ;
Тогда родитель мой суровый брося
взглядъ;
Изрѣкъ какъ Моисей, гонящій Фараона:
„Царица изыди! — И святость чти закона,
„Оставь мѣста гдѣ быть претитъ тебѣ
„твой полъ,
„На Бога ли возстать, дерзаешъ ты средь
„золъ?

Онажъ явя въ очахъ всю лютость изступленья,
Отверзла вдругъ уста, для святости хуленья!
Не Ангелъ ли Господнь предсталъ ей предъ лицемъ,
И пламеннымъ блеснулъ въ очахъ ея мечемъ?
Но охладѣлъ языкъ, прильнувъ къ ея гортани,
Низверглась гордость вся. — Упали робки длани.
Остановился взоръ очей ея смущенъ,
Къ Еліакину бывъ едину устремленъ.

ІОСАВЕТЪ.

Ахъ! Что? Еліакинъ ея представленъ оку?

ЗАХАРІЯ.

Мы оба видѣли царицу ту жестоку,
И равнымъ образомъ смутилися сердца;
Но сонмъ священниковъ, отъ страшнаго лица
Царицы насъ сокрылъ. — Мы удалились двое. —
Смущенье я пришелъ сказать тебѣ такое.

ІОСАВЕТЪ.

Увы! Погибнетъ онъ! О! Небо я то зрю!

Его она искать стремилась къ олтарю!
Быть можетъ что теперь! . . . О! Боже слезъ свидѣтель!
О! Боже вспомяни Давида добродѣтель!

САЛОМИѲЪ,

Но что, причиною сихъ слезъ твоихъ въ сей часъ?

ЗАХАРІЯ.

Ахъ! Не въ опасностиль Еліакинъ межъ насъ?

САЛОМИѲЪ.

Какъ могъ привлечь онъ гнѣвъ царицы сей ужасной?

ЗАХАРІЯ.

Чего страшится ей отъ сироты нещастной?

ІОСАВЕТЪ.

Ахъ! Се она! — Пойдемъ, и свой сокроемъ страхъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

АѲАЛІЯ, АГАРЪ, АВНЕРЪ, ПОСЛѢДУЮЩІЯ АѲАЛІИ.

АГАРЪ.

Царица! Ахъ! Почто ты мѣдлишъ въ сихъ мѣстахъ?
Сей храмъ, и всё тебя здѣсь страшно раздражаетъ. . . .

Оставимъ сонмъ жрецовъ, что въ ономъ обитаетъ.
Спокой себя, спокой въ чертогахъ ты своихъ,
Дай сердцу тишину, отъ шума скройся ихъ.

АѲАЛІЯ.

Нѣтъ, не могу никакъ, смущаться непрестану! . . .
Иди. — Вели скорѣй, предстать сюда Маѳану. . . .
Щастлива обрету коль помощью его,
Спокойство скрывшеесь, отъ сердца моего!

Садится.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АѲАЛІЯ, АВНЕРЪ, ПОСЛѢДУЮЩІЯ АѲАЛІИ.

АВНЕРЪ.

Прости мнѣ коль слова, дѣла, суровость взгляда
Я нынѣ защищать дерзаю Іоада.
Намъ тако повелѣлъ небесъ всевышній царь,
Онъ самъ здѣсь начерталъ свой храмъ, и свой олтарь,
Онъ Жертву поручилъ сынамъ лишъ Аарона,
Левитамъ мѣсто далъ во святости закона.

А паче, строго Богъ сей заповѣдалъ
имъ
Отнюдь не пріобщать себя Богамъ чу-
жимъ. —
Но ты. супруга мать, царей сего народа,
Не ужель столь чужда закона ихъ и
рода,
Не свѣдомъ, что тебѣ святой уставъ межь
насъ:
Но се идетъ Маѳанъ. — Позволь оставить
васъ.

АѲАЛІЯ.

Авнеръ, присудствіе твое мнѣ здѣсь потре-
бно,
Оставимъ буйство мы священника враждe-
бно,
Кой суевѣріямъ послѣдуя однимъ,
Претитъ вступать во храмъ народамъ свой
чужимъ.
Важнѣе то, чемъ мысль моя теперь сму-
щенна,
Я знаю ты возросъ средь стана ополчен-
на. —
Духъ воиновъ велитъ въ своемъ законѣ
вамъ,
Долгъ Богу воздавать, и долгъ своимъ ца-
рямъ.
Пребудь.

ЯВЛЕНІЕ Г.

АѲАЛІЯ, МАѲАНЪ, АВНЕРЪ, ПОСЛѢДУЮЩІЯ АѲАЛИ.

МАѲАНЪ.

Царица! здѣсь пристойноль обретаться?
Какіе ужасы тебѣ въ смущеньѣ зрятся?
Чего ты ищешъ здѣсь придя къ своимъ врагамъ?
Какъ можешъ зрѣть вблизи себя нечестья храмъ? —
Иль ненависть твоя угасла къ ихъ гордынѣ?

АѲАЛІЯ.

Со тщаніемъ меня внемлите оба нынѣ.
Я вспомнить нехочу времянъ прошедшихъ зла,
Ни оправдать себь въ крови, что я лила. —
Обязанностью я влеклась къ тому моею,
Неставлю дерзскаго народа судіею,
Хоть въ буйствѣ онъ о семъ стремится разглашать;
Но небо возмогло меня въ томъ оправдать.
Велики замыслы увѣнчаны дѣлами,
На двухъ моряхъ меня возносятъ похвалами.—

Мной зритъ Ерусалимъ своихъ спокойство
странъ,
Аравовъ на брегахъ не видитъ Іорданъ,
Ни хищныхъ Филистянъ, къ разбоямъ ус-
тремленныхъ,
Какъ было вашихъ то во дни Царей над-
менныхъ
Чтитъ Сирія меня Царицей и сестрой,
И дому моего гонитель прежде злой
Іехъ, въ Самаріи предъ мной себя сми-
ряетъ,
Его съ нимъ смежна власть на тронѣ ус-
трашаетъ,
Воздвигла кою я къ спокойству здѣсь граж-
данъ,
Всѣ чтутъ меня вездѣ Царицею сихъ
странъ;
Я въ мирѣ пользуюсь премудрости пло-
дами;
Но чувство нѣкое, предъ нѣсколькими днями
Пріятность тишины изъ сердца изъ-
гоня,
Возможноль вобразить? — (Смущаетъ сномъ
меня!)
Вездѣ уныніе послѣдуетъ за мною,
Тѣснитъ снѣдающа тоска меня собою!
Какъ нощи мракъ низшелъ въ глубокой ти-
шинѣ,
Явилась Іезавель мнѣ мать моя во снѣ.—

Не тмили въ ней бѣды величественна взора;
Но какъ предъ смертію, изящностью убора
Блистала между насъ, въ послѣдніе часы
Такъ зрѣлася она, и масти, что красы
Увядщія отъ лѣтъ животворятъ собою
Являлися на ней.—Тутъ стоя предо мною
Рѣкла. „Содрогнись дщерь, внимая жребій строгъ!
„Возстанетъ на тебя Іуды страшный Богъ!
„Скорблю!—Но ты падешъ въ его ужасны руки!
„О! Дщерь моя!—Потомъ сокрывъ сердечны муки,
Безмолвствуя ко мнѣ моя склонилась мать,
Простерла руки я, дабы ее объять;
Но что увидѣла, въ ужасномъ удивленьѣ!
Лишъ членовъ и костей противное смѣшенье!
Въ кровавыхъ рубищахъ тѣлесныхъ сонмъ частей,
За кои грызлись псы, средь алчности своей!

АВНЕРЪ.

Великій Боже!

АѲАЛІЯ.

Въ сихъ смущеньяхъ несказанныхъ.—
Я зрѣла юношу въ одѣждахъ бѣлольняныхъ,
Какъ Іудѣевъ чинъ является священъ.—
При видѣ семъ мой духъ сталъ паки оживленъ;

Когдажъ спокоясь, отъ страшна волно-
ванья,
Прельщалась красотой очей его блистанья,
Почувствовала вдругъ я въ ужасѣ моемъ,
Что вѣроломецъ сей, пронзилъ меня мечемъ!
Нестройныя сіи мечты мои внимая,
Почтете можетъ вы ихъ дѣйствіемъ случая.
Стыдяся слабости, и страха тщетныхъ
сновъ,
Сама я отнесла то мрачности паровъ.
Однакоже въ душѣ осталось впечатленье,
Двукратно зрѣла я сіе воображенье.
Сомкнувшіясь глаза, ища пріять покой,
Двукратно видѣли сей образъ предъ собой;
Не въ силахъ грусть сносить, что такъ
меня смущала,
Пошла я въ храмъ молить великаго Ваала,
Искать убѣжища въ святыхъ его мѣстахъ;
Но какъ надъ смертными владѣетъ сильно
страхъ?
Внушеньель нѣкое, боязнь ли сердца строга,
Понудили меня во храмъ Еврейска Бога?
Возмнила, что дары съ моленіями вдругъ
Преклонятъ мстительный его на кротость
духъ.
Прости мнѣ слабость ту великій жрецъ
Ваала!
Вступила!—Все бѣжитъ!—И жертва вся
престала!

Перьвосвященникъ гнѣвъ тогда являя свой
Отверзъ свои уста! — Но что? О! Ужасъ злой!
О! Чудо! Юноша тотъ самый мнѣ явился,
Которой въ мракѣ сна на жизнь мою стремился!
Тужъ саму красоту, и самый тотъ уборъ,
Походку, видъ лица, мой зрѣлъ смущенный взоръ!
Первосвященникъ съ нимъ, жрецы другіе были;
Но скоро отъ меня они его сокрыли.
Познайте вотъ какой привлекъ сюда предметъ.
Потребенъ мнѣ теперь премудрый вашъ совѣтъ.
Маѳанъ! Скажи мнѣ, что сіе предвозвѣщаетъ?

МАѲАНЪ.

Меня подобіе и сонъ сей удивляетъ!

АѲАЛІЯ.

Авнеръ, ты юношу возмогъ ли зрѣть сего?
Извѣстно ли тебѣ, кто онъ и родъ его?

АВНЕРЪ.

Я зрѣлъ двоихъ въ чредѣ молитвенна обряда,
Одинъ изъ нихъ есть сынъ священна Іоада,
Другій не свѣдомъ мнѣ. . . .

МАѲАНЪ.

По что же размышлять?
Обоихъ надлежитъ подъ стражей содержать.

Къ Авнеру.

Почтеніе мое ты знаешъ къ Іоаду,
И то, что не ищу я мщенія въ отраду. —
Законъ смиренія владѣетъ мной одинъ,
Но самъ онъ, если бы то былъ его и сынъ
Захочетъ ли, чтобъ жилъ виновникъ зла нещастный?

АВНЕРЪ.

Младенцы могутъ ли, злодѣйству быть причастны?

МАѲАНЪ.

Съ мечемъ въ рукѣ его явило небо видъ;
А небо ничего напрасно не творитъ.
Чего же ищешъ ты?

АВНЕРЪ.

На снахъ ли утверждаться?
Намъ должно и въ крови младенцевъ омываться?
Кѣмъ отросль юная та въ свѣтъ порождена,
Не знаемъ мы еще. . . . . .

МАѲАНЪ.

Онъ страшенъ. — Вотъ вина.
Когда отъ предковъ онъ великихъ въ свѣтъ родился,
Такъ должно, чтобъ его скорѣе рокъ свершился;
Но если въ простотѣ его рожденье чтутъ,
Что нужды подлу кровь случайно коль прольютъ?
Прилично ли царямъ, молчать, и быть въ боязни?
Спасаетъ иногда ихъ скорость правой казни.
Напрасны мысли въ томъ твой разумъ тяготятъ,
Кто имъ сомнителенъ, конечно виноватъ.

АВНЕРЪ.

Приличны ли тебѣ такія выраженья?
Я взросшій на войнахъ, средь грозна ополченья,

Я бывъ орудіемъ отмщенія царей,
Я гласъ свой возношу, нещастья зря людей;
А ты, внимающій лишь кротости единой,
Скрывая мщеніе усердья подъ личиной
Жалѣешь не спѣшать что крови проливать.

Къ Авалiи.

Не обинуясь мнѣ велѣла ты вѣщать,
Царица! Что сего причиною смущенья?
Младенецъ слабый, сонъ и мыслей упрежденья
Возмогшія тебѣ подобіе явить.

АѲАЛІЯ

Хочу я въ мнѣніяхъ съ тобой согласна быть. —
Что тщетенъ страхъ во мнѣ, тому повѣрить можно,
Но ближе мнѣ узрѣть сего младенца должно,
Въ свободѣ разсмотрѣть лица его черты,
Вели представить мнѣ теперь обоихъ ты

АВНЕРЪ.

Страшусь! . . . . .

АѲАЛІЯ

Или внимать Авнеръ мнѣ не желаетъ?
Что сей нелѣпой твой отказъ изображаетъ?

Слова твои во мнѣ сомнѣніе родятъ.
Да станетъ съ ними здѣсь съ супругой Іоадъ!
Или противишся ты власти, надъ тобою?
Авнеръ, священники твои извѣстны мною,
Щедротою моей хвалиться должно имъ;
Но здѣсь законамъ все покорствовать моимъ
Надлежитъ, и моей пребыть послушно волѣ,
Царицу почитать сѣдящу на престолѣ. —
Онижъ, не могутъ путь пресѣчь своимъ молвамъ,
Межъ тѣмъ еще живутъ и существуетъ храмъ;
Но время ужъ пресѣчь роптаніе ихъ дерзко,
Да скроетъ Іоадъ свое усердье звѣрско,
И не осмѣлится вторично раздражать.
Иди.

ЯВЛЕНІЕ VI.

АѲАЛІЯ, МАѲАНЪ, ПОСЛѢДУЮЩІЯ АѲАЛІИ,

МАѲАНЪ,

Теперь могу въ свободѣ я вѣщать.
И праву мысль мою повѣдать откровенно.
Чудовище растетъ въ семъ храмѣ порожденно;
Не жди, чтобъ тучи сей разсторглась страшна тѣнь. —
Авнеръ предупредилъ сюда приходомъ день.
Любовь къ крови царей своихъ народъ питаетъ. —
Быть можетъ Іоадъ ту замѣнить желаетъ
Младенцомъ, что тебѣ явили небеса.
Иль сыномъ, иль другимъ. . . . . .

АѲАЛІЯ.

Ты мнѣ открылъ глаза. —
Проникла тайну я небесна извѣщенья;
Но я хочу еще избавиться сомнѣнья.
Младенецъ силенъ ли, намѣренья таить,
И слово намъ одно возможетъ все открыть.
Возлюбленный Маѳанъ! Узрѣть его мнѣ должно;
Но ты, межъ тѣмъ поди, и въ тайнѣ осторожно
Вели вооружить всѣ Тирскіе полки.

---

*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ІОАСЪ, ІОСАВЕТЪ, АѲАЛІЯ, ЗАХАРІЯ, АВНЕРЪ САЛОМИѲЪ, ДВА ЛЕВИТА, ХОРЪ, ПОСЛѢДУЮЩІЯ АѲАЛІИ.

ІОСАВЕТЪ.

Къ двумъ Левитамъ.

Служители небесъ! — Отъ сильныя руки
Храните вы сего Младенца драгоцѣнна!

АВНЕРЪ.

Спокойся, бдительность мнѣ та ужъ поручена.

АѲАЛІЯ.

О! Небо! Чемъ его я ближе зрю въ очахъ! . . . .
То онъ! . . . . Всѣ чувствія еще объемлетъ страхъ!

Указывая на Іоаса.

Іосаветъ, то сынъ, не твой ли предо мною?

ІОСАВЕТЪ.

Кто? — Онъ, царица!

АѲАЛІЯ.

Онъ.

ІОСАВЕТЪ.

Онъ въ свѣтъ рожденъ иною.

Указывая на Захарія.

Вотъ сынъ мой.

АѲАЛІЯ.

Къ Іоасу.

Знаешъ ли, отца ты своего?
Отвѣтствуй юноша.

ІОСАВЕТЪ.

Намъ небо до сего. . . . . .

АѲАЛІЯ.

Почто ты такъ спѣшишъ въ семъ нетер-
пеньи смѣломъ?
Онъ самъ мнѣ дсатъ отвѣтъ.

ІОСАВЕТЪ.

Въ толь возрастѣ незрѣломъ
Какихъ отвѣтовъ ты возможешъ ожидать?

АѲАЛІЯ.

Не виненъ возрастъ сей, неможетъ сокры-
вать
Незлобіе его, всей правды, что таится.
Оставь онъ обо всемъ самъ долженъ изъ-
сниться.

ІОСАВЕТЪ. *особо.*

Пошли духъ мудросиш властитель всѣхъ
судьбинъ!

АѲАЛІЯ.

Какъ звать тебя?

ІОАСЪ.

Меня, зовутъ Еліакинъ.

АѲАЛІЯ.

Отецъ какъ звался твой?

ІОАСЪ.

Поверженъ сиротою
Въ защиту Бога я. — Родства забышъ ру-
кою. —
Не знаю ничего о сродникахъ моихъ.

АѲАЛІЯ.

Такъ ближнихъ нѣтъ тебѣ?

ІОАСЪ.

Оставленъ я отъ нихъ.

АѲАЛІЯ.

Когда и какъ?

ІОАСЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтъ родился.

АѲАЛІЯ.

Въ какой странѣ тебѣ рожденья свѣтъ явился?

ІОАСЪ.

Сей храмъ страна моя, не вѣдаю иной.

АѲАЛІЯ.

Вѣщали ли тебѣ, гдѣ явленъ ты судьбой?

ІОАСЪ.

Спасенъ я отъ волковъ десницею чудесной.

АѲАЛІЯ.

Кѣмъ въ храмъ ты принесенъ?

ІОАСЪ.

Женою не извѣстной,

Что имя скрывъ свое, сокрыла и себя.

АѲАЛІЯ.

Но кто въ младенчествѣ пріялъ въ покровъ тебя?

ІОАСЪ.

Богъ въ нуждахъ чадъ своихъ во вѣкъ неоставляетъ

Даетъ онъ пищу имъ, и юныхъ птицъ питаетъ. —
Щедроты мы его въ природѣ познаемъ,
Взываю я къ нему. — Онъ въ промыслѣ своемъ
Питаетъ олтаря его меня дарами.

АѲАЛІЯ.

Какими новыми смущаюсь чудесами?
Какой сладчайшій гласъ съ юнѣйшей красотой
Отъ гнѣва къ жалости, стремятъ разсудокъ мой?
Скрывается вражда. — Душа во мнѣ смягчилась!

АВНЕРЪ.

Къ Аѳаліи.

Не сей ли, коего ты прежде такъ страшилась?
Неясналь суетность тобою зрима сна?
Да жалость та твоя небудетъ золъ вина,
Которыя тебѣ судьба предвозвѣстила!

АѲАЛІЯ

Къ Іоасу и Іосаветѣ.

Ужъ вы отходите? . . . .

ІОСАВЕТЪ.

Теперь ты все открыла.
Смущенія сей видъ даетъ тебѣ одни.

АѲАЛІЯ.

Къ Іоасу.

Постой. — Скажи мнѣ, въ чемъ свои проводишъ дни?

ІОАСЪ.

Молюся Бугу, мнѣ законъ его толкуютъ,
И въ книгѣ истинны власть Вышняго сказуютъ;
Котору я уже пишу своей рукой.

АѲАЛІЯ.

Чему же учитъ то?

ІОАСЪ.

Любьви къ нему святой. —
Что Богъ хулителямъ во гнѣвѣ, отомщаетъ
Что слабымъ, сиротамъ защиту онъ являетъ
Что гонитъ гордыхъ онъ, убіицъ караетъ злыхъ.

АѲАЛІЯ

Я знаю. — Прочіежъ въ мѣстахъ живущи сихъ,
Въ чемъ упражняются?

ІОАСЪ.

Поютъ творца согласно.

АѲАЛІЯ.

Богъ хочетъ ли, чтобъ мы молились по всечасно?

ІОАСЪ.

Не позволяетъ Богъ дѣла другія имъ. —

АѲАЛІЯ.

Забавы что твои?

ІОАСЪ.

Предъ олтаремъ святымъ
Первосвященнику соль, ладонъ представляю,
И въ пѣсняхъ Божіе величіе внимаю,
Съ возторгомъ пышной зрю служенія уставъ.

АѲАЛІЯ.

Что внемлю? — Ты иныхъ невѣдаешъ забавъ?
Жалѣю юноша. — Какія то забавы?
Приди въ чертогъ мой зрѣть моей величье славы.

ІОАСЪ.

Я память божьихъ благъ могули погубить

АѲАЛІЯ.

Не принужду тебя его я позабыть.

ІОАСЪ.

Но ты не чтишъ его.

АѲАЛІЯ.

Ты можешъ покланяться.

ІОАСЪ.

Тамъ призыванія чуждаго Бога зрятся

АѲАЛІЯ.

Служу я моему. — Ты славь тамъ своего —
Се Боги сильные.

ІОАСЪ.

Ты бойся моего. —

Онъ есть единый Богъ; а твой ничто предъ
мною.

АѲАЛІЯ.

Тамъ всѣ веселости явятся предъ то-
бою.

ІОАСЪ.

Блаженство злыхъ минетъ какъ токъ воды
въ пути.

АѲАЛІИ.

Но кто же злые тѣ?

ІОСАВЕТЪ.

Царица отпусти
Младенцу. . . . .

АѲАЛІЯ.

Къ Іосаветѣ.

Зрю, какъ вы его учили строго.

Къ Іоасу.

Но ты Еліакинъ, понравился мнѣ много.
Нѣтъ, нѣтъ ты нерожденъ въ чредѣ про-
стыхъ людей,
Ты зришъ царицу здѣсъ лишенную дѣтей,
Одежды и дѣла оставь свои ты съ ними.
Я награжду тебя богатствами моими. —
Извѣдай, и познай обѣтъ сколь силенъ
мой;
Ты будешъ при столѣ, въ бесѣдахъ всѣхъ
со мной,
Я стану чтить тебя, какъ сына мнѣ дра-
гаго.

ІОАСЪ.

Какъ сына?

АѲАЛІЯ.

Да. . . . . Но ты молчишъ.

ІОАСЪ.

Отца какаго? —

Оставлю я. . . . .

АѲАЛІЯ.

Ну, чтожъ?

ІОАСЪ.

Для матери какой?

АѲАЛІЯ.

Къ Іосаветъ.

Онъ твердо помнитъ все, и духъ въ немъ виденъ твой
Съ нимъ Іоадову вражду я вижу вѣчну,
Какъ юность учите вы здѣсь простосердечну,
Какъ пользуетесь вы спокойствомъ вашихъ дней,
Какъ ненависть растетъ, и все свирепство съ ней,
Какъ имя ужасомъ мое межъ васъ покрыто.

ІОСАВЕТЪ.

Нещастье наше въ вѣкъ неможетъ быть забыто. —
Вселенна вѣдаетъ, прославилась ты имъ.

АѲАЛІЯ.

Такъ, справедливый гнѣвъ во мнѣ гордится симъ.

За родъ, потомству я отмстить средь
васъ успѣла.
Я зрѣла смерть отца, кончину брата
зрѣла,
Чертоговъ съ высоты мою низвергли
мать!
И въ день одинъ. — О! Страхъ! — возмо-
жно ли сказать? —
Чадъ Царскихъ осьмдесять, пріяли смерть
жестоку!
За чтожъ? — Въ отщеніе какому то Про-
року,
Что наказали въ немъ вѣщаній дерзскихъ
слухъ. —
А я, царицей бывъ. — Не ужель слабъ толь
духъ,
Чтобъ сдѣлавшись рабой напрасна сожа-
лѣнья,
И дщерью безъ любьви, лишилася отм-
щенья?
Убійствамъ немоглабъ, убійствомъ запла-
тить,
Давида роду, чтобъ не смѣла тожъ
явить,
Что было явлено потомкамъ всѣмъ Аха-
ва?
Чтобъ нынѣ я была? Кудабъ сокрылась
слава? —
Не истребилабъ коль я матерьней любь-
ви,

И не омылась бы во собственной крови,
Чтобъ тѣмъ избавиться всѣхъ бѣдъ, нещастья строга? . . .
Отмщенье чтимаго потомствомъ вашимъ Бога
Пресѣкло весь союзъ, средь дому моего,
Мнѣ мерзостенъ Давидъ и чада всѣ его,
Хотя въ нихъ кровь моя, вражда чуждаться нудитъ.

ІОСАВЕТЪ.

Успѣла ты во всемъ, Богъ зритъ и насъ да судитъ.

АѲАЛІЯ.

Сей Богъ, что изкони покровомъ былъ для васъ,
Щедроты гдѣ его? — И гдѣ пророчествъ гласъ?
Пускай пошлетъ то вамъ, въ чемъ клялся онъ народу,
Надежду и царя, Давида отрасль роду. . . . .
Увижусь я еще. — Прости. — Мой духъ позналъ. —
Иду. — Хотѣла зрѣть и изрѣла.

АВНЕРЪ.

Къ Іосаветѣ.

Обѣщалъ,

И возвращаю здѣсь залогъ мнѣ порученной.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, ІОАСЪ, ЗАХАРІЯ, АВНЕРЪ, САЛОМИѲЪ, ЛЕВИТЫ, ХОРЪ.

ІОСАВЕТЪ.

Къ Іоаду.

Царицы внялъ ли ты, гордынѣ ослѣпленной?

ІОАДЪ.

Я внялъ. — жалѣлъ тебя. — Но здѣсь сей сонмъ со мной
Готовъ тебя спасать, иль умереть съ тобой.

Къ Іоасу обьемля его.

О! Юноша, тебя самъ Богъ не оставляетъ,
Онъ имя твоего величье утверждаетъ.
Авнеръ! — Усердна мысль мной видима твоя,
Часъ помни въ кой тебя, ждать въ храмѣ буду я.

Къ Левитамъ и прочимъ.

А мы, убійцы злой смутясь отъ изступленья
Пойдемъ возобновить Всевышняго моленья.—

Да кровь пролитая рукою тамъ моей.
Омоетъ мраморы коснувшіеся ей!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ХОРЪ.

ОДНА ИЗЪ ДѢВЪ ХОРА.

Какой зримъ ясный блескъ свѣтила?
О! Юноша! Что будешъ ты?
Крѣпитъ тебя небесна сила,
Противу гордыхъ суеты!
Твой прелесть духъ пренебрегаетъ,
Тебя лукавство не смущаетъ.

ДРУГАЯ.

Межъ тѣмъ какъ ложна Бога въ храмъ
Текутъ народныхъ сонмовъ рѣки. —
Вѣщаетъ юноша сей намъ,
Что Богъ единый святъ вовѣки!
Какъ Илія онъ такъ гласитъ,
И нову Іосавель страшитъ.

ТРЕТІЯ.

Кто тайну намъ явитъ рожденія и рока?
О! Юноша! Не тыль святаго сынъ Пророка?

ЧЕТВЕРТАЯ.

Любезный тако Самуилъ
Въ тѣни скрывалъ свою породу. —
Его Пророкомъ Богъ явилъ,
Израильска утѣхой роду!

ВТОРАЯ.

поетъ.

О! Вѣра О! Законъ святой
О! Юноша Господь тобой —
Въ душѣ и въ сердцѣ обладаетъ,
Онъ прежде времяни являетъ. —
Тебѣ святую благодать. —
Растя отъ свѣта въ удаленьѣ,
Не можетъ злобныхъ приближенье
Твою невинность умѣньшать.

ХОРЪ.

Пребудетъ юность въ вѣкъ блаженна.
Въ законѣ Божьемъ утвержденна.

ТОТЪЖЕ ГОЛОСЪ!

На злачныхъ тако берегахъ,
Гдѣ тихо протекаютъ воды,
Растетъ въ сокрытыхъ тамъ мѣстахъ
Лилея дщерь, любовь природы.
Не можетъ зависть красоты,
Не могутъ злобныхъ приближенья
Зашмить, всегдашней чистоты
Природы нѣжнаго творенья.

ХОРЪ.

Блаженъ тотъ юноша стократъ,
Послушенъ Богу кой, законъ внимая
святъ.

1 ГОЛОСЪ.

О! Боже, ты сему свидѣтель,
Идетъ сколь робко добродѣтель
Всегда въ рожденіи своемъ!
Душа желаетъ быть невинной!
Но тьмы препонъ встрѣчаетъ въ семъ,
Воюя съ скукою обильной
Гдѣ скрыться праведнымъ отъ бѣдъ?
Наполненъ грѣшными весь свѣтъ.

2 ГОЛОСЪ.

Чертоги горнія Давида!
Селеніе драгое намъ! —
Гдѣ Богъ явилъ всю святость вида
Почто не милосердъ онъ къ вамъ?
Сіонъ, Сіонъ въ нещастной долѣ,
Что ты рѣчешъ со страхомъ зря
Жену, сѣдящу на престолѣ
Святаго древняго царя?

ХОРЪ!

Вѣщай Сіонъ, въ нещастной долѣ,
Что чувствуешъ въ бѣдѣ ты сей? . . .
Зришъ странницу ты на престолѣ
Твоихъ святыхъ царей!

ТОТЪЖЕ ГОЛОСЪ.

Продолжаетъ.

На мѣсто пѣсней вдохновенныхъ,
Давидъ возсторгъ гдѣ свой являлъ,
И Бога въ гласахъ вознесенныхъ
Онъ пѣлъ, хвалилъ, благословлялъ.
Вѣщай Сіонъ! Что ощущаешъ
Зря Бога чуждаго хвалу
И странницы когда внимаешъ
Изъ устъ, Всевышнему хулу?

1 ГОЛОСЪ.

Доколѣ Господи, доколѣ
Взнесется злобный предъ тобой?
Доколѣ храмъ въ плачевной долѣ,
И съ нимъ народъ пребудетъ твой?
Доколѣ Господи, доколѣ
Взнесется злобный предъ тобой?

2 ГОЛОСЪ.

Вѣщаетъ злобный въ изступленьѣ.
Жестокъ, ужасенъ правды гласъ!
Вы зрите наше услажденье;
Но Богъ вашъ, что творитъ для васъ?

3 ГОЛОСЪ.

Гласятъ отступники закона,
Да радуемся! Да поемъ!
Какая въ свѣтѣ намъ препона
Мы жизнь въ забавахъ проведемъ.
Безумно будущимъ смущаться!
Числа мы знать неможемъ лѣтъ

Спѣшите нынѣ наслаждаться;
А завтра будемъ мы, иль нѣтъ?

ХОРЪ.

О! Боже плачь какой? Какія воздыханья?
Имъ въ ужасѣ готовы тамъ!
Не узрять твоего сіянья. . . .
Намъ подобаетъ пѣть.—Открытъ свѣтильникъ намъ.
Мы зримъ неугасимый свѣтъ,
И тьмы щедротъ, что Богъ ліетъ!

1 ГОЛОСЪ.

Отъ суетныхъ забавъ, въ которыхъ утопаетъ.
Душа со всѣхъ сторонъ,
Что будетъ, какъ она возстанетъ.
Минется заблужденья сонъ?
О! Полно ужаса возстанье!
Межъ тѣмъ убогій въ тишинѣ,
Смиряя чувствъ своихъ желанье,
Насытясь по трудахъ, покой вкушаетъ въ снѣ.
Но чаша горести готова,
Явитъ котору злымъ, въ день гнѣва Богъ сурова,
Изстогрнувъ слези, стонъ!

*

ХОРЪ.

О! Полно страха воскресенье
О! Скоро проходящій сонъ!
О! Заблужденія стремленье

Конецъ втораго дѣйствія

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАѲАНЪ, НАВАЛЪ, ХОРЪ.

МАѲАНЪ.

Іосаветѣ вы идите возвѣстить,
Что хочетъ въ тайнѣ здѣсь Маѳанъ съ ней говорить.

ОДНА ИЗЪ ДѢВЪ ХОРА.

Маѳанъ! О! Боже гнѣвъ его твой да караетъ!

НАВАЛЪ.

Что вижу? Кроется здѣсь все и убѣгаетъ!

МАѲАНЪ.

Приближимся. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗАХАРІЯ, МАѲАНЪ, НАВАЛЪ.

ЗАХАРІЯ.

Куда, васъ дерзости тщета
Стремитъ, брегитеся вступить въ сіи мѣста.
Небесъ служителей жилище здѣсь священно,
Вступленіе въ него невѣрнымъ запрещенно.

Кого вы ищете? — Отецъ мой въ день святой,
Отъ нечестивыхъ лицъ взоръ сокрываетъ свой;
А мать, предъ олтаремъ Господнимъ умиленна,
Страшится своего быть долгу отвлеченна.

МАѲАНЪ.

Мой сынъ. — Мы подождемъ. — Престань себя смущать. —
Я долженъ здѣсь узрѣть твою почтенну мать,
И объявить предъ ней царицы повелѣнье.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАѲАНЪ, НАВАЛЪ.

НАВАЛЪ.

Уже и дѣти ихъ являютъ дерзновенье!....
Но что, Аѳалія желаетъ предпріять?
Что въ мысляхъ возмогло ее поколебать?
Сего дня оскорбясь симъ дерзскимъ Іоадомъ,
И бывъ устрашена во снѣ явленнымъ чадомъ,
Жреца сего она хотѣла погубить,

Во храмѣжъ семь тебя съ Вааломъ помѣстить, —
Уже ты мнѣ открылъ души своей отраду;
А я, надѣялся корысть имѣть въ награду.
Кто могъ перемѣнить намѣренье ея?

МАѲАНЪ.

Два дни какъ не могу ее постигнуть я.
Уже она не есть владычица престола,
Являвшаясь всегда превыше робка пола;
Котору нѣкогда враги ея гоня
Познали цѣну всю утраченнаго дня.
Колеблетъ душу страхъ въ ней тщетною мечтою. —
Зрю не рѣшительну, и словомъ зрю женою.
Смутя ее предъ симъ угрозами небесъ,
Я сердцу горести несносныя нанесъ. —
Ужь поручила мнѣ свое она отмщенье,
И Тирское собрать велѣла ополченье. —
Но можетъ быть межъ тѣмъ, младенецъ сей представъ,
Нещастной: какъ рекутъ, смягчилъ жестокой нравъ,
И ужасъ уменьшилъ представленной мечтою,
Быть можетъ, что его плѣняся красотою,

Воспламяненный гнѣвъ, нестоль ужъ въ ней
кипитъ. —
До утра мщеніемъ своимъ она коснитъ. —
Смятенны замыслы у ней отъемлютъ
волю.
Я рекъ ей, что открылъ сего младнеца
долю,
Что предковъ славу въ немъ во храмѣ всѣ
твердятъ,
И что жрецамъ его являя Іоадъ.
Даетъ понятіе пророчествъ Іудеѣ,
Глася о немъ какъ бы о новомъ Моисеѣ.
Во вѣки клеветы успѣхъ толь не былъ
скоръ,
Слова сіи ея смутили страшно взоръ!
„Мнѣль дни мои влачить средь страха и
„сомнѣнья?
Рекла, изыдемъ мы, изыдемъ изъ сму-
щенья. —
„Поди и возвѣсти Іосаветѣ самъ,
„Готовы что мечи, и воспылаетъ храмъ.—
„Мольбы отъ моего ихъ гнѣва не изба-
„вятъ,
„Коль юношу сего въ залогъ мнѣ не пред-
ставятъ.

НАВАЛЪ.

Такъ для младенца что, невѣдаетъ родъ
свой,

Которой имъ врученъ нечаянно судьбой,
Рѣшатся ли они, зрѣть храма разоренье?

МАѲАНЪ.

Я знаю гордости Іоадововой стремленье.
Уже младенецъ сей имъ Богу посвященъ,
И прежде, чемъ его изъ сихъ изсторгнемъ стѣнъ,
Онъ самъ захочетъ смерть скорѣй пріять жестоку. —
Мы зримъ, что онъ къ его весьма привязанъ року. —
Коль совершенно внялъ царицы я словамъ;
Онъ знаетъ болѣе о немъ, открылъ чемъ намъ.
Но ктобы ни былъ онъ. — Предвижу ихъ паденье;
Откажутъ въ немъ они. — Царицы же отмщенье
Пріемлю я Навалъ., и сей несносный видъ
Желѣзо съ пламянемъ, пожретъ и сокрушитъ!

НАВАЛЪ.

Но что въ тебѣ сей гнѣвъ ужасный воспаляетъ?

Усердье ли твое къ Ваалу то внушаетъ?
Ты знаешъ Измаилъ, что родъ мой и покровъ,
Что я не признаю обоихъ здѣсь Боговъ.

МАѲАНЪ.

Мой другъ! не ужели незнаемъ я тобою?
Могуль я ослѣпленъ быть идола тщетою?
Чтобъ я древесному былъ виду покоренъ,
На олтарѣ кой зримъ черьвями източенъ?
Родясь священникомъ я Бога, что въ гордынѣ
Сей прославляетъ храмъ, емубъ служилъ и нынѣ,
Когдабъ къ величію невидѣлъ въ томъ препонъ,
Когдабъ его съ страстьми согласенъ былъ законъ.
Небудетъ ли Навалъ, не будетъ ли напрасно,
Коль вспомню преніе съ Іоадомъ здѣсь ужасно,
Какъ я оспоривалъ кадильницу предъ нимъ

Слезами, хитростью, пронырствомъ всемъ моимъ.
Но низложенъ, пошелъ я новою стезёю,
И къ дому царскому привязанъ сталъ душёю;
Искалъ приближиться къ царямъ я всякой часъ,
Достигъ, что внятенъ сталъ ихъ слуху хитрый гласъ.
Позналъ я сердце ихъ, позналъ я ихъ пороки,
Цвѣтами украшалъ стремнины безднъ глубоки,
Желанья, страсти ихъ превыше чтя небесъ,
Я мѣру премѣнялъ по волѣ ихъ и вѣсъ.
Сколь Іоадова, правдивость, твердость духа
Несносною была для нѣжнаго ихъ слуха,
Толико я искалъ преклонностью моей
Всѣ скучны истинны скрывать отъ ихъ очей
Тая подъ лестію тиранскую ихъ волю,
Я менѣе всего щадилъ народну долю.
Какъ Бога новаго они явили намъ,
И какъ Аѳалія ему воздвигла храмъ. —
Вздохнулъ Ерусалимъ себя зря оскорбленна,
Смутилася толпа Левія чадъ священна,

И къ небу вознесла тогда вопль жалкій
свой! —
Тутъ Іудеямъ я примѣръ явилъ собой. —
Оставилъ ихъ законъ, содѣйствовалъ на-
чалу,
И тѣмъ достоинъ сталъ священствовать
Ваалу;
Симъ страхъ сопернику нанесъ я мо-
ему,
Покрылъ главу вѣнцомъ, и равенъ сталъ
ему.
Но признаюсь среди величія и славы,
Я въ сердцѣ чувствую лютѣйшу скорьбъ
отравы!
Оставленный мной Богъ еще меня стра-
шитъ;
А страхъ сей бѣшенство сугубитъ и крѣ-
питъ!
Блаженъ, коль совершу жестокость всю
отмщенья,
Коль слабость покажу его надъ мной го-
ненья,
Коль храмъ въ развалинахъ его я по-
гублю!
Коль силою злодѣйствъ, грызенья изстре-
блю!
Но се, Іосаветъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ІОСАВЕТЪ, МАѲАНЪ, НАВАЛЪ.

МАѲАНЪ.

Внимая царской власти,
Я миръ пришелъ вамъ дать, разсѣять всѣ напасти.
Примѣры кротости въ тебѣ всегда мы зримъ,
Такъ недивись къ тебѣ, коль обращаюсь съ симъ.
Слухъ, къ коему имѣлъ всегда я подозрѣнье,
Въ царицѣ утвердилъ сна мрачна предваренье.
На Іоада, кой готовитъ мнимый ковъ,
Весь гнѣвъ низринуться ея ужъ былъ готовъ. —
Противъ меня его, я всю неправду знаю;
Но въ честь себѣ услугъ моихъ не поставляю. —
Добромъ за зло плачу, прощаю я вины,
И къ вамъ пришелъ теперь съ словами тишины. —
Живите, празднуйте и ваши дни святите,
Царицѣ лишъ однимъ покорство покажите,

(Чтобъ отвратить сіе, я дѣлалъ что возмогъ).
Вы дайте юношу ей зримаго въ залогъ.

ІОСАВЕТЪ.

Еліакина!

МАѲАНЪ.

Я, поистиннѣ краснѣю,
Что сонъ, мечтанія владѣютъ столько ею. —
Но гнѣвъ ея ничемъ неможетъ быть смягченъ.
Когда младенецъ сей небудетъ ей врученъ,
Царица ждетъ, чтобъ я принесъ отзѣтъ мнѣ данный.

ІОСАВЕТЪ.

Вотъ миръ, толь кротко намъ тобою предвѣщанный!

МАѲАНЪ.

Возможноль, что бы ты жестока столь была. —
Иль снисходительность сія такъ тяжела?

ІОСАВЕТЪ.

Какъ можно, чтобъ Маѳанъ отвергнувши притворство,
Могъ сердца превзойти неправаго упорство,

И злобы намъ явя послѣднюю степень,
Блаженствабъ нашего, желалъ узрѣть хоть тѣнь?

МАѲАНЪ

О чемъ жалѣешъ ты? — Что такъ тебя смущаетъ?
Захаріюль, изъ рукъ твоихъ кто похищаетъ?
Кто сей младенецъ есть тебѣ толь драгоцѣннъ?
Привязанностью сей я страшно удивленъ!
Почто горячность зрю, любови несказанной?
Не избавитель ли, то небомъ обѣщанный?
Подумай ты о семъ, и знай, что твой отказъ
Возможетъ утвердить слухъ тайный между насъ.

ІОСАВЕТЪ.

Но, что за слухъ?

МАѲАНЪ.

Что родъ высокъ его вмѣщаетъ,
Что много Іоадъ уже предпринимаетъ

ІОСАВЕТЪ.

И такъ, Маѳанъ стремитъ свирѣпство тѣмъ огня.

МАѲАНЪ.

Изъ заблужденья ты должна извлечь меня.
Я знаю, сколь тобой владѣетъ правды сила,
Я знаю, что ты жизнь скорѣй бы прекратила,
Какъ нежель покорить себя притворствамъ злымъ,
И противъ истинны хоть словомъ спать однимъ.
Такъ участи его поднесь никто незнаетъ,
И роду слѣдъ его глубока ночь скрываетъ?
Невѣдаешъ онемъ? Невѣдаешъ? реки,
Отъ коей Іоадъ пріялъ его руки?
Я внемлю, и готовъ во всемъ повѣрить слову. —
Ты Богу своему воздашъ тѣмъ славу нову!

ІОСАВЕТЪ.

Злочестный! — Тыль возмогъ того имяновать,
Хулѣ котораго дерзнулъ ты поучать?
Тобой ли, истинна быть можетъ возвѣщенна? —
Нещастный! — Ты сѣдящъ средь храма зараженна,

Гдѣ ложъ господствуетъ и разливаетъ
ядъ! —
Ты взросъ въ предательствахъ! Тебѣ об-
манъ лишъ святъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, МАѲАНЪ, НАВАЛЪ.

ІОАДЪ.

Гдѣ я?—Незрюли я священника Ваала!
Какъ! Дщерь Давидова! — Ты предъ него
предстала,
Ты съ нимъ вѣщала здѣсь, не мня, что Бо-
жій гнѣвъ,
Подъ нечестивцемъ симъ, отверзетъ без-
дны зевъ?
Что пламень опалитъ изшедшій изъ Геенны!
Или подавятъ васъ сіи священны стѣны!
Что хочетъ онъ? — Съ какимъ челомъ сей
Божій врагъ,
Весь воздухъ осквѣрнилъ собою въ сихъ
мѣстахъ!

МАѲАНЪ.

Насильствомъ Іоадъ познанъ быть можетъ
шумнымъ;
Но большебъ должно быть ему благоразум-
нымъ;
Царицу почитать, смиряя горду страсть
Не оскорьблять ея являющую власть.

ІОАДЪ.

Скажи, какія намъ принесъ ты бѣдства злыя?
Что могутъ возвѣщать посланники такіе?

МАѲАНЪ.

Іосаветѣ я о всемъ сказать успѣлъ.

ІОАДЪ.

Изыди ты отсель чудовище злыхъ дѣлъ!
Иди, да мѣра ихъ тобой свершенна зрится!
Иди, губителей къ толпѣ соединиться!
Даѳанъ и Авиронъ, Доегъ, Ахитофель
Ужъ ждутъ тебя, и псы, Богъ коимъ Іавель
Повергнулъ, при вратахъ отверзнувъ алчность зева
Взываютъ, чтобъ во снѣдь, онъ далъ тебя средь гнѣва!

МАѲАНЪ.

Въ смущеніи.

До окончанья дня . . . . Узримъ, изъ насъ кто днесь. . . .
Навалъ! . . . Пойдемъ отсель. . . .

НАВАЛЪ.

Блуждаешъ ты, не здѣсь.
Что за смятеніе тебя такъ возмущаетъ?
Се, путь твой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ.

ІОСАВЕТЪ.

Буря намъ себя предвозвѣщаетъ.
Еліакина взять Аѳалія спѣшитъ,
Рожденіе его, твоихъ всѣхъ мыслей видъ
Я мню, что явны ей. — Маѳанъ здѣсь съ лестью злою,
Едва отца его не назвалъ предо мною.

ІОАДЪ.

Но кто возмогъ открыть ту страшну тайну имъ?
Не возвѣстилаль ты, смущеніемъ своимъ?

ІОСАВЕТЪ.

Скрывала сколь могла, предъ нимъ души волненье;
Но вѣрь мнѣ, что я зрю бѣдь строгихъ приближенье
На время удалимъ его отъ тучей сихъ,
И прежде, чемъ враги въ намѣреніяхъ злыхъ
Обступятъ храмъ святой ужасною толпою,
Позволь мнѣ, да его вторично я сокрою.
Отверзсты всѣ пути, отверзсты всѣ врата,
Коль должно съ нимъ бѣжать въ пустынныя мѣста,
Готова, знаю я стезей всѣхъ наклоненья,
По коимъ кроясь враговъ моихъ гоненья,

И шумный перейдя Кедрона быстрый токъ
Пойду, въ пустыню гдѣ оплакивалъ свой рокъ
Давыдъ, подобно мнѣ побѣгомъ гдѣ спасался,
Какъ сына своего гоненья укрывался.
Нестрашна будетъ мнѣ тамъ лютость тигровъ, львовъ;
Или Іеха съ нимъ мы внидемъ подъ покровъ.
Я жду отъ мысли сей щастливаго успѣху,
Пойдемъ, вручимъ сіе сокровище Іеху.
Въ предѣлъ его въ одинъ день можно досягнуть,
Извѣстенъ, недалекъ къ нему ведущій путь.
Въ немъ кротку душу зримъ и сердце милосердо,
Къ Давиду имяни его почтенье твердо. —
И кто бы изъ Царей симъ небылъ убѣжденъ
Небывши отъ другой Іосавель рожденъ,
Ктобъ не содрогнулся, жестокость зря случая,
Не общаль всѣмъ Царямъ судьба его такая?

ІОАДЪ.

Какой ты робостной являешъ мнѣ совѣтъ?
Познай, что въ помощи его надежды нѣтъ.

ІОСАВЕТЪ.

Богъ раздражаетсяль, предвидѣнья исканьемъ?
Не оскорбляется ль, излишнимъ упованьемъ?

Къ намѣреньямъ его, потребноль нашихъ
силъ?
Не онъ ли руку самъ Іеха укрѣпилъ?

ІОАДЪ.

Іехъ, премудрости избранный глубиною,
Іехъ, являющій надежду предъ тобою,
Неблагодарнымъ сталъ за щедрость всю теперь.—
Спокойно видитъ онъ Ахава злобну дщерь,
Царей Исраильскихъ послѣдуя примѣру,
Египетскихъ Боговъ, дозволивъ храмъ и вѣру,
Онъ жертвы приноситъ навысотахъ возмогъ,
Не терпитъ кои въ вѣкъ, и заповѣдалъ Богъ!
Не видитъ онъ въ себѣ для должнаго отмщенья,
Ни сердца праваго, ни чистыхъ рукъ стремленья.
Нѣтъ, къ Богу прибѣгать намъ должно одному!
Да явится сей Царь народу своему!
Да блескомъ онъ вѣнца украшенъ всѣми зрится,
Я прежде времяни хочу на то рѣшиться,
И прежде, чемъ Маѳанъ свершишъ всѣ козни намъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, АЗАРІЯ.

Послѣдуемъ ХОРОМЪ *и многими* ЛЕВИТАМИ.

ІОАДЪ.

Вѣщай Азарія, ужель затворенъ храмъ?

АЗАРІЯ.

Затворены врата.—Исполнилъ повелѣнье.

ІОАДЪ.

И такъ, здѣсь зримъ одно святое ополченье?

АЗАРІЯ.

Двукратно я обшелъ, окрестность стѣнъ святыхъ,
Все удалилося, разсѣялось отъ нихъ.
Разсыпалъ страхъ сіе собраніе смятенно,
Святое служитъ здѣсь единое колѣно.
Съ тѣхъ поръ какъ сей народъ престалъ гнать Фараонъ,
Въ толикомъ ужасѣ себя не видѣлъ онъ!

ІОАДЪ.

Народъ дерзающій на Бога лишъ въ гордынѣ!
Но робкой, рабственной!.... Приступимъ къ дѣлу нынѣ.
Кто съ нами здѣсь еще залогъ святой хранитъ?

ОДНА ИЗЪ ДѢВЪ ХОРА.

Ничто насъ отъ тебя, ничто не удалитъ.

Пришельницы ли мы, въ мѣста сіи святыя?
При васъ, при васъ отцы и братія драгія!

ДРУГАЯ.

Увы! не можемъ мы, коль средь своей чреды
Отмстить какъ Іахель Исраиля бѣды,
Господняго врага пронзить своей рукою?
О! Боже жертвуемъ мы сердцемъ и душою,
Межъ тѣмъ, коль битвы здѣсь воздвигните вы страхъ,
Мы будемъ призывать его въ своихъ слезахъ!

ІОАДЪ.

Се мстители твои, зри Боже ихъ стремленье!
Жрецы съ чадами! ... О! Вѣчно провидѣнье!
Но естьли съ нами ты, кто поколеблетъ ихъ? ...
Изъ гроба можешъ ты воззвать людей своихъ!
Твои судьбы разятъ, цѣлятъ и воскрешаютъ?
Надежду на себя они не полагаютъ;
Но въ имяни твоемъ, спасеніе ихъ дней,
Въ той клятвѣ, что ты далъ святѣйшу изъ Царей
И въ храмѣ семъ, твое жилище гдѣ священно,
Что солнцу бытіемъ, быть должно сравненно! ...

Но сердце, что мое мятетъ страшитъ собой! . . .
Не духъ ли въ бренну плоть, съ небесъ низшелъ святой! . . .
То онъ! . . . Ко мнѣ гласитъ . . . и отверзаетъ очи! . . .
Се, будущихъ вѣковъ сокрылась мрачность ночи! . . .
Левиты! Дайте мнѣ вашъ слышать звучный гласъ! . . .
Да въ восхищеніи вѣщаю я средь васъ!

ХОРЪ.

Поетъ при полномъ звукѣ всѣхъ инструментовъ Симфоніи.

Услышимъ Господа вѣщанья!
Мы тако жаждемъ прорицанья,
Какъ злакъ во знойные часы,
Прохлады утренней росы.

ІОАДЪ.

Внемлите небеса! Моря, земля, дубравы!
Іаковъ! Что речешъ? . . . Уснулъ Господь Царь славы! . . .
Возсталъ Господь! Возсталъ! Сонмъ грѣшныхъ зритъ конецъ! . . .

Здѣсь паки начинается Симфонія, и потомъ Іоадъ продолжаетъ свои слова.

Какъ можетъ злато быть превращено въ
свинецъ (*)?...
Кто сей верховный жрецъ, предъ олтаремъ пронзенный (**)?...
Восплачь Ерусалимъ!—Восплачь градъ ослѣпленный!
Восплачь пророковъ ты своихъ убіиство зря!
Восплачь лишась любви небеснаго Царя!
Нечистъ твой Ѳиміамъ передъ очами Бога!....
Куда влекутъ сихъ чадъ, (***) сихъ женъ,
средь бѣдства строга?...
Зрю стѣнъ паденіе!...Прахъ кроетъ олтари!
Священницы въ плѣну! Отвержены Цари!
Не хочетъ Богъ торжествъ, сей Богъ толь прежде щедрый!
Низринься храмъ святый! Мещите пламень кедры!...
Предметъ скорьбей Ерусалимъ!...
Красу твою мы въ день единъ попранну зримъ!...
Кто очи превратитъ мнѣ въ горьки два потока? —
Дабы оплакать лютость рока!...

(*) Царь Іоасъ.
(**) Сынъ Іоадовъ перво-священникъ и пророкъ Захарія убитый Іоасомъ.
(***) Плѣненіе Вавилонское.

ЗАХАРІЯ.

О! Храмъ святый!

ІОСАВЕТЪ.

Давидъ!

ХОРЪ.

Воспомни Богъ Сіонъ,
И древню благодать прославился чемъ онъ!

Симфонія еще начинается. Іоадъ чрезъ нѣсколько времяни перерываетъ оную.

ІОАДЪ.

Какой Ерусалимъ зрю нынѣ!
Изшелъ изъ бездны онъ! Сіяетъ свѣтъ въ пустынѣ!...
Безсмертья на челѣ зрю знакъ его великъ!
Воспой народа свѣтлый ликъ!...
Воскресъ Ерусалимъ, прекраснѣй и славнѣя!
Отколь текутъ съ различныхъ странъ
Сыны, что породилъ онъ въ чревѣ не имѣя?..
Взносись Ерусалимъ! Ты славою вѣнчаннъ!
Плѣненныхъ зришъ владыкъ земныхъ твоей красою,
Народы и Цари поверглись предъ тобою!—
Лобзаютъ прахъ ноги твоей!
Ко свѣту твоему спѣшатъ толпы людей!..
Блаженъ! Кто сохранитъ Сіонъ въ душѣ нелестной
Все рвенье ревности святой!
Пошли намъ росу сводъ небесной!
Да возродится здѣсь, земля спаситель твой!

ІОСАВЕТЪ.

Увы! Отколь пошлетъ намъ благость ту
зиждитель? —
Когда сіи Цари отъ коихъ сей спаситель...

ІОАДЪ.

Готовь Іосаветъ священный тотъ вѣнецъ,
Которой самъ носилъ Давидъ Царей отецъ.

Къ Левитамъ.

А вы, послѣдуйте со мной въ мѣста сокры-
ты
Оружіе принять для славы и защиты.
Сонмъ копей и мечей я тамо сохранилъ,
Что кровью Филистянъ Богъ въ гнѣвѣ оба-
грилъ,
Давиду даровавъ побѣды совершенны,
И кои имъ тогда ему же посвященны.
Къ какимъ оно теперь приличнѣе дѣламъ?
Пойдемъ.—Я раздѣлю оружіе то вамъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

САЛОМИѲЪ, ХОРЪ.

САЛОМИѲЪ.

Какой сестры мои зрю ужасъ и смущенья!
Сіиль дары небесный Царь,
И жертвы и куренья,
Что должно возложить въ сей день на твой
олтарь?

ОДНА ИЗЪ ДѢВЪ ХОРА.

О! Видъ для робкихъ глазъ несносный!
Кто мнилъ сіе, кто мнилъ узрѣть? —
Чтобы могли мечи и копья смертоносны
Спокойства въ храмѣ семъ гремѣть?

ДРУГАЯ.

Почто забывъ любовь свою и ревность къ Богу,
Молчишъ Ерусалимъ, опасности видя строгу?
Почто сестры мои сей храбрый вождь Авнеръ
Нейдетъ, явить собой усердія примѣръ?

САЛОМИѲЪ.

Увы! въ дому гдѣ нѣтъ насилію преграды,
Гдѣ нѣтъ законовъ, правоты;
Гдѣ почести, чиновъ награды
Цѣна постыдныхъ дѣлъ, коварства, клеветы —
Кто внемля тамъ нещастныхъ стону,
Возвыситъ гласъ свой въ оборону?

ДРУГАЯ.

Кому въ смущеніи сердецъ,
Готовятъ Царскій здѣсь вѣнецъ?

САЛОМИѲЪ.

Премудрость вняли мы глубоку. —
Но, что открылъ Господь святому здѣсь пророку?
Кто изъяснитъ его намъ гласъ?
Ужели онъ возсталъ за насъ,
Иль подвергаетъ страшну року?

ВЕСЬ ХОРЪ.

Поетъ

О страхъ! Обѣтовъ гласъ! О тайны темнота!
Щедроты, скорьби, гнѣвъ, О строгая мечта!
Какъ съ гнѣвомъ съединить ужаснымъ
Любовь твою, къ сынамъ нещастнымъ?

1й ГОЛОСЪ.

Сіонъ! Во пламяни уже пылаешъ ты! —
Твои погибли красоты!

2й ГОЛОСЪ.

Хранитъ Господь Сіонъ. — Недвижно основанье.
Мы зримъ въ томъ Бога обѣщанье.

1й ГОЛОСЪ.

Сіонъ! Твой блескъ изчезъ какѣ будто легкій сонъ!

2й ГОЛОСЪ.

Сіонъ! Сіянье зримъ твое со всѣхъ сторонъ!

1й ГОЛОСЪ.

Сіонъ! Снишель въ глубоку бездну!

2й ГОЛОСЪ.

Сіонъ! Достигъ высокость звѣздну!

1й ГОЛОСЪ.

Сіонъ! Въ упадкѣ зрю какомъ?

2й ГОЛОСЪ.

Какой внимаю славы громъ?

1й ГОЛОСЪ.

Какія вопли сокрушенья?

2й ГОЛОСЪ.

Какія радостныя пѣнья?

3й ГОЛОСЪ.

Спокойтесь, нѣкогда божественной сей гласъ
Откроетъ тайну ту для насъ,

ВСѢ ТРИ.

Почтимъ мы гнѣва устремленья.—
Надежду на любовь возложимъ провидѣнья.

2й ГОЛОСЪ

Что можетъ возмутить покой
Сердецъ, послушныхъ безконечно,
Что ищутъ лишъ познать, тебя О! Боже мой!
Себяжъ познать неищутъ вѣчно!
Въ семъ мірѣ и на небесахъ,
Что есть блаженнѣе сей участи святой,
Какъ миръ Божественный въ сердцахъ?

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ІОАСЪ, ІОСАВЕТЪ, ЗАХАРІЯ, САЛОМИѲЪ; ОДИНЪ ЛЕВИТЪ.

САЛОМИѲЪ.

Въ священной важности къ намъ съ матерью моею,
Младый Еліакинъ идетъ и братъ мой съ нею,
Что въ скиніяхъ они несутъ врученно имъ?
Почто предъ ними сей мечь страшный предносимъ?

ІОСАВЕТЪ.

Къ Захарію.

Чтя святость на всегда великаго обѣта.
Поставь на семъ столѣ ты книгу здѣсь завѣта;
А ты, Еліакинъ теперь въ чредѣ своей,
При книгѣ положи вѣнецъ священный сей.
Тыжъ Іоадовы Левитъ слова внявъ ясны,
Давида при вѣнцѣ поставь сей мечь ужасный.

ІОАСЪ.

Что значитъ все сіе? — И на какой конецъ
Святая книга здѣсь, сей мечь и сей вѣнец?
Отъ время какъ пріятъ средь храма я святаго,
Примѣра не видалъ я зрѣлища такаго.

ІОСАВЕТЪ.

Сомнѣніе твое спѣшатъ ужъ разрѣшить.

ІОАДЪ.

Ты хочешъ на меня вѣнецъ сей возложить?
Брегися зрѣть его тѣмъ славу униженну,
И память почитай царя сего священну. . .
Нещастной юноша, въ снѣдь брошенный звѣрямъ!

ІОСАВЕТЪ.

Примѣривая ему вѣнецъ.

Мой сынъ я дѣлаю, что повелѣли намъ.

ІОАСЪ.

Но внемлю я твои рыданія жестоки!
Что значитъ грусть сія и слезныя потоки?
На жертвули предстать я долженъ здѣсь теперь,
Какъ нѣкогда за всѣхъ Іеѳты юна дщерь,

И гнѣва укротить стремленіе ужасно?
Увы! Но сынъ отцу принадлежитъ всечасно!

ІОСАВЕТЪ.

Се тотъ кто власть тебѣ явитъ судебъ святыхъ.
Не бойся: но въ мѣстахъ намъ быть недолжно сихъ.

ЯВЛЕНІЕ. II.

ІОАСЪ, ІОАДЪ.

ІОАСЪ.

Бѣжа въ объятія Первосвященника.

Отецъ мой!

ІОАДЪ.

Что мой сынъ?

ІОАСЪ.

Что мнѣ готовятъ нынѣ?

ІОАДЪ.

Такъ, должно объявить о сей тебѣ судьбинѣ. —
Но прежде нежели повѣдаю о ней,
Реку, что строитъ Богъ тебѣ съ страною сей.
Ты вѣрой ополчись и храбростію новой,

Явись съ преданностью душевной той готовой,
Что наставленьемъ далъ я сердцу твоему,
И Богу то воздай, чемъ долженъ ты ему.
Исполненъ ли къ тому, горячностью святою?

ІОАСЪ.

Исполненъ, и готовъ пожертвовать собою!

ІОАДЪ.

Не разъ чтены тебѣ дѣянія царей!
Ты помнишъ ли законъ, толико строгій сей,
Что долженъ царь хранить достойный Діадимы?

ІОАСЪ.

Премудрый царь, То рекъ, самъ Богъ непостижимый;
Во златѣ для себя не зритъ надежды онъ,
Боится Господа и чтитъ его законъ —
Онъ знаетъ, что за все отвѣтствуетъ предъ Богомъ,
И ближнихъ не тѣснитъ неправеднымъ налогомъ.

ІОАДЪ.

Но естлибъ въ ихъ стезю велѣлъ Господь
вступить,
Комубъ ты изъ царей хотѣлъ подобенъ
быть?

ІОАСЪ.

Давидъ, исполнь любви ко Господу и
вѣры
Давидъ, явилъ бы мнѣ достойные при-
мѣры.

ІОАДЪ.

И такъ Охозія невѣрной Іорамъ,
Примѣра не явятъ мой сынъ твоимъ
очамъ?

ІОАСЪ.

О! Мой отецъ!

ІОАДЪ.

Вѣщай, что ихъ примѣръ являетъ?

ІОАСЪ.

Погибнетъ тотъ, кто имъ во слѣдъ идти
дерзаетъ.

Іоадъ упадаетъ къ ногамъ Іоаса.

Въ какомъ я видѣ зрю тебя передъ со-
бой!

ІОАДЪ.

Такъ долженъ Іоасъ мой царь почтенъ быть
мной.
Явись достойнымъ ты Давида поко-
лѣнья?

ІОАСЪ.

Я, Іоасъ!

ІОАДЪ.

Возставь.

Познай, ты силу провидѣнья.
Богъ руку матери свирѣпой удержалъ,
Когда въ груди твоей вонзенъ ужъ былъ кинжалъ.
Избралъ тебя и спасъ среди убійства страшна,
Но ты не вовсе зришъ себя здѣсь безопасна.
Какъ прежде изтребить, она льститъ тѣмъ себѣ
Отъ сына чадъ ея, послѣдняго въ тебѣ,
И жаждетъ погубитъ тебя своей рукою,
Хотя подъ имянемъ инымъ сокрытъ ты мною.
Однакожъ, я успѣлъ подъ знамяна собрать. —
Народъ, кой за тебя готовъ всегда возстать.
Начальники сеймествъ святыхъ великодушны,
Служащи олтарю, вступите бывъ послушны!

ЯВЛЕНІЕ III.

ІОАСЪ, ІОАДЪ, АЗАРІЯ, ИЗМАИЛЪ, ТРИ ДРУГІЕ НАЧАЛЬНИКА ЛЕВИТОВЪ.

ІОАДЪ.

О! Царь вотъ тѣ, что мстить горятъ твоимъ врагамъ!

Къ Левитамъ.

Священники! Се царь обѣщанный мной вамъ!

АЗАРІЯ.

Еліакинъ!

ИЗМАИЛЪ.

Что, сей младенецъ благонравный?

ІОАДЪ.

Исраильскихъ царей наслѣдникъ трона славный?
Отъ чадъ Охозія послѣдній сохраненъ,
Что Іоасомъ былъ межъ ими нареченъ;
О коемъ плакала печельна Іудея,
Пожатый видя плодъ въ рожденье сожалѣя,
Мня, что погибъ на вѣкъ въ семействѣ онъ своемъ,
Что съ прочими сраженъ измѣнничимъ мечемъ.
Но Богъ успѣлъ смягчить жестокость всю удара,
И жизни сохранилъ оставшу искру жара,

Позволилъ обмануть убіицъ свирѣпство
злыхъ. —
Іосаветъ его въ объятіяхъ своихъ
Во храмъ сей принесла, и только мнѣ
явила,
Кормилицу его тогдажъ съ нимъ вмѣстѣ
скрыла.

ІОАСЪ.

За щедрость, за любовь и за покровъ та-
кой,
Чемъ я могу воздать тебѣ родитель
мои?

ІОАДЪ.

Въ другія времяна блюди благодѣянье.
Къ Левитамъ.
Се царь вашъ, въ немъ одномъ все ваше
упованье;
До времяни хранилъ его я въ тайнѣ
здѣсь,
Начатое свершить вамъ принадлежитъ
днесь.
Аѳаліи то въ зломъ откроется совѣ-
тѣ,
Что Іоасъ хранимъ и живъ еще на свѣ-
тѣ,
Придетъ она его въ свирѣпствѣ изстре-
бить,
Не вѣдая кто онъ, ужъ ищетъ умерт-
вить.

Вамъ должно упредить стремленіе зло-
дѣевъ,
Постыдное рабство отвергнуть Іудеевъ,
Отмстить за кровь царей, за вѣру должно
вамъ
И возвѣстить царя обоимъ племянамъ.
Намѣренье сіе опаснѣе тѣмъ болѣ,
Что мы встаемъ на власть сѣдящу на пре-
столѣ;
Соединяющу къ защитѣ здѣсь своеи,
Евреевъ, пришлецовъ и дерзскихъ сонмъ
людей. —
Но въ Богѣ вся моя надежда силы зрит-
ся,
Въ семъ юношѣ весь родъ Исраиля хранит-
ся.
Уже царицу ту смущаетъ мщеньемъ
Богъ,
Ужъ въ тайнѣ я собрать васъ въ храмѣ
семъ возмогъ;
Она васъ думаетъ найти безъ обороны.
Пойдемъ, явимъ царя въ сіяніи ко-
роны;
Оттолѣ воспаля всю храбрость мы
свою,
И къ помощи призвавъ всѣхъ браней су-
дію;
Пойдемъ законъ воззвать въ сердцахъ тѣхъ
усыпленныхъ!

Пойдемъ въ чертогъ ея, искать враговъ надменныхъ!
Кто непреклонится, пылать кто можетъ зломъ,
Грядущихъ видя насъ во знамянье святомъ?
И кто пренебрежетъ толь славные примѣры,
Узря царя, что Богъ взрастилъ во храмѣ, вѣры,
Потомка праведныхъ, священства сильну длань,
И чадъ Левіевыхъ стремящихся на брань
Съ оружіемъ въ рукахъ, народомъ толь почтеннымъ,
Съ оружіемъ святымъ, Давидомъ сокровеннымъ?
Богъ страхомъ поразитъ враговъ гордыню сихъ! —
Безъ ужаса въ крови омойтеся вы ихъ!
Разите Тирянъ вы, Исраелитянъ бранныхъ!
Не выль потомки тѣхъ, Левитовъ толь преславныхъ?
Въ пустынѣ, что узря народъ свои средь грѣховъ,
Почтившій жертвами Египетскихъ Боговъ;

Дерзнули убивать родныхъ и приближенныхъ,
И жертву Богу дать изъ рукъ окровавленныхъ,
Сподобясь подвигомъ усердія такимъ,
Однѣ всегда служить предъ олтаремъ святымъ?
Уже я пламень зрю вашъ къ мести воспаленной;
Но поклянитеся надъ книгой сей священной
Царю, что восхотѣлъ намъ нынѣ Богъ послать,
Сражаться за него, и жить и умирать.

АЗАРІЯ.

При концѣ стола, положивъ руку на святую книгу.

За братій, за себя въ соединенье гласа
Клянемся утвердить на тронѣ Іоаса. —
До толь не оставлять мечей врученныхъ намъ,
Доколь не отомстимъ мы всѣмъ его врагамъ;
Но если кто изъ насъ забудетъ обѣщанье,
Да гнѣва Божьяго, познаетъ тотъ пыланье,

Да чада съ нимъ его, узря свой жребій злой
Забвенны будутъ въ вѣкъ щедротою святой!

ІОАДЪ.

А ты, познавъ законъ, кой святъ пребудетъ вѣчно,
Клянетсяль царь ему быть вѣренъ безконечно?

ІОАСЪ.

Могуль я страшной сей законъ не почитать?

ІОАДЪ.

О! сынъ мой! — Отпусти, что такъ дерзнулъ назвать!
Прости слезамъ моимъ и нѣжности стремленью!
Я преданъ за тебя не ложному смущенью!
Возросъ ты далеко отъ трона и честей,
Увы! Невѣдаешъ опасныхъ всѣхъ путей! —
Не знаешъ прелестей самодержавной власти,
И гласа злыхъ льстецовъ исполненна напасти.
Рекутъ они тебѣ святыхъ законовъ плодъ

Тебѣ послушенъ бывъ, страшитъ одинъ
народъ,
Что царь покорствуя своей единой
волѣ,
Всемъ можетъ жертвовать величья на пре-
столѣ. —
Народна участь есть труды, презрѣнье,
стонъ,
И долженъ правленъ быть желѣзнымъ скип-
тромъ онъ. —
Коль не стѣснитъ его, онъ власть стѣ-
снитъ въ гордынѣ. —
И такъ, изъ кова въ ковъ, отъ пропасти
къ стремнинѣ
Ведя, въ невинной нравъ вселятъ они
развратъ,
И истинну тебѣ несносной сотво-
рятъ,
Представя доблести во образѣ пе-
чали. —
Какихъ они царей премудрыхъ заблу-
ждали! . . . .
Клянись предъ книгой сей, предъ нами дай за-
логъ,
Что будетъ на всегда владѣть тобою
Богъ! —
Кой доброму покровъ, кой гибель шлетъ
злодѣю,
Межъ нища и тебя, что будетъ онъ
судьею,

И помни, что среди священныхъ сихъ жилицъ,
Въ одеждѣ льняной сей, ты самъ былъ сиръ и нищъ!

ІОАСЪ.

посреди стола положа руку на святую книгу.

Клянусь, что сей законъ всего превыше ставлю. —
Богъ! накажи меня, коль я тебя оставлю!

ІОАДЪ.

Пойдемъ. — Да будешъ ты елеемъ умащенъ. —
Предстань Іосаветъ. — Ужъ входъ невоспрещенъ.

ЯВЛЕНІЕ. IV.

ІОАСЪ, ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, ЗАХАРІЯ, САЛОМИѲЪ, АЗАРІЯ, ИЗМАИЛЪ, ТРИ ДРУГІЕ НАЧАЛЬНИКА ЛЕВИТОВЪ, ХОРЪ.

ІОСАВЕТЪ.

обьемля Іоаса.

О! царь, Давидовъ сынъ!

ІОАСЪ.

О! Мать моя едина!
Лобзай Захарія зря брата, нѣжна сына.....

Захарія повергается къ ногамъ Іоаса.

ІОАДЪ.

Межъ тѣмъ какъ они обьемлются.

Да будетъ дружба та вамъ вѣчныхъ благъ предметъ.

ІОСАВЕТЪ.

Къ Іоасу.

Такъ знаешъ отъ кого родился ты на свѣтъ?

ІОАСЪ.

Я знаю чья рука спасла предъ смертнымъ часомъ.

ІОСАВЕТЪ.

И такъ, Могу назвать тебя я Іоасомъ?

ІОАСЪ.

Любьви моей къ тебѣ ничто не истребитъ.

ХОРЪ.

Се онъ!

ІОСАВЕТЪ.

Се Іоасъ!

ІОАДЪ.

Что сей речетъ Левитъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

ІОАСЪ, ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, ЗАХАРІЯ, САІОМИѲЪ АЗАРІЯ, ИЗМАИЛЪ, ТРИ ДРУГІЕ НАЧАЛЬНИКА, ЛЕВИТОВЪ, ЛЕВИТЪ, ХОРЪ.

ЛЕВИТЪ.

Что совѣщается незнаю противъ Бога?
Мѣдь въ воздухѣ звучитъ, между смущенья строга
Я пламенники зрѣлъ возженны средь знаменъ,
Аѳаліи весь станъ ужасно ополченъ!
Преграждены пути, надежда пресѣченна,
Гора гдѣ храмъ стоитъ, гора сія священна
Уже окружена не вѣрныхъ войскъ толпой! —
Одинъ изъ нихъ подшедъ, и въ гордости съ хулой
Рекъ: въ узахъ вашъ Авнеръ. — Гдѣ ваше заступленье?

ІОСАВЕТЪ.

Къ Іоасу.

Ахъ! Тщетно мнѣ тебя вручило провидѣнье!
Я все творила, чтобъ смягчить твои жребій строгъ! —
Но вспомнитъ ли еще, Давида щедрый Богъ?

ІОАДЪ.

Къ Іосаветѣ.

Что зрю? — Ты нестрашась всевышния раздраженна,
Стремишся зрѣть царя съ собою погубленна?
Но если хочетъ Богъ, во промыслѣ святомъ,
Съ нимъ вмѣстѣ изстребить въ конецъ Давидовъ домъ? —
Не здѣсь ли, на горѣ мы тойже водворенны,
Гдѣ праотецъ всѣхъ насъ въ законѣ утвержденный
Внималъ, послушенъ бывъ великой волѣ сей
И на костеръ вознесъ плодъ старости своей;
Невиннымъ жертвовалъ, любезнымъ Богу сыномъ,
Потомство все свое онъ въ коемъ зрѣлъ единомъ.

Къ Левитамъ

Я васъ распоряжу друзья. — Ты Измаилъ.
Такъ должно, чтобы ты, восточну часть хранилъ;
Ты сѣверъ, западъ ты; а ты страну полденну.
До время храбрость всякъ, да кроетъ воспаленну.

Да ни одинъ изъ васъ священникъ, иль Левитъ;
Не прежде изыдетъ, и въ брань непоспѣшитъ:
Но всякъ содѣйствуя съ усердьемъ непремѣнно
Хранитъ то мѣсто, что ему препорученно.
Пренебрегая врагъ священну нашу твердь
Васъ стадомъ чтитъ, ему опредѣленнымъ въ снѣдь,
И ожидаетъ зрѣть нашъ ужасъ неизбѣжный . . .
Азарія! Ты стражъ будь при царѣ надежный.

Къ Іоасу.

Приди отродіе достойное вѣнца,
Наполни храбростью народныя сердца;
Яви сіянья всѣмъ преславна въ свѣтѣ рода,
Но должно коль умреть! — умри царемъ народа!

Къ одному Левиту. *Къ Іосавитѣ.*

Послѣдуй съ нимъ. . . . . Ты дай оружье мнѣ сіе.

Къ Хору.

Воспойте къ Богу вы усердіе свое!

ЯВЛЕНІЕ VI.

САЛОМИѲЪ, ХОРЪ

ХОРЪ.

поетъ

Дерзайте чада Аарона!
Во вѣкъ сея славнѣе брань,
Не ополчала вашу длань;
Дерзайте чада Аарона!
Се Богъ, се царь, вы ихъ защитники закона!

1 ГОЛОСЪ.

Гдѣ стрѣлы кои мещешъ ты
Во время гнѣва воспаленья?
Не тыль Богъ ревности святый?
Не ты ли грозный Богъ отмщенья?

2 ГОЛОСЪ.

Во страхѣ кой объемлетъ насъ,
Гдѣ Богъ Іаковлевъ, твои щедроты давны?
Внемли, внемли усердья гласъ!
Не ты ли Богъ прощеньемъ славный?

ХОРЪ

Гдѣ Богъ Іаковлевъ, твои щедроты давны?

1 ГОЛОСЪ.

Средь брани Боже сей къ тебѣ
Враги стремятъ шумящи стрѣлы!
Рекутъ, рекутъ они въ себѣ:
Разрушимъ власти сей предѣлы,
Родъ смертныхъ свободимъ отъ узъ жестокихъ сихъ,

Низринемъ олтари, сразимъ его святыхъ.
Да имя Господа съ дѣлами
Погибнетъ съ памятію ихъ,
Да онъ съ Христомъ его не царствуютъ надъ нами!

ХОРЪ.

Гдѣ стрѣлы кои мещешъ ты,
Во время гнѣва воспаленья?
Не тыль Богъ ревности святый?
Не ты ли грозный Богъ отмщенья?

1 ГОЛОСЪ

Остатокъ горестной царей! —
Дражайшей отрасли, послѣдній цвѣтъ прекрасной!
Не ужель подъ мечемъ тебя убійцы сей
Вторично мы узримъ, средь участи нещастной?
Вѣщай любезный царь! Не Ангелъ ли какой
Тогда противъ враговъ къ защитѣ ополчился?
Иль въ гробъ твой Бога духъ святой
Снизшелъ, и прахъ твой оживился?

2 ГОЛОСЪ.

Родъ кой къ гоненію его всегда стремился.—
О! Боже за него, гнѣвъ будешъ ли являть.—
Пресѣклась ли къ нему на вѣки благодать?

ХОРЪ.

Гдѣ Богъ Іаковлевъ, твои щедроты давны?
Не ты ли Богъ прощеньемъ славный?

ОДНА ИЗЪ ДѢВЪ ХОРА.

безъ пѣнія.

Дражайшія сестры, вы слышитель въ сей часъ
Свирѣпыхъ Тирянъ здѣсь, трубы звучащей гласъ?

САЛОМИѲЪ.

Я слышу войска крикъ, шумъ страшнаго смятенья!
Объемлетъ чувства страхъ! . . . .
Убѣгнемъ! — Скроемся! — Пойдемъ искать спасенья
Подъ сѣнью Божьихъ крилъ. — Въ святыхъ его мѣстахъ!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАХАРІЯ, САЛОМИѲЪ, ХОРЪ.

САЛОМИѲЬ.

Что возвѣстишъ ты намъ Захарія любезный?

ЗАХАРІЯ.

Умножте къ Господу молитвы ваши слезны!
Послѣдній можетъ часъ явитъ намъ сонца зракъ;
Уже предъ храмомъ симъ, данъ къ битвѣ страшный знакъ!

САЛОМИѲЬ.

Гдѣ Іоасъ?

ЗАХАРІЯ.

Вѣнца въ сіяніи священна.
Мы видѣли его елеемъ умащенна.
Какой явленъ возсторгъ, какой веселый гласъ
При зрѣніи Царя воскресшаго для насъ?
Мы видя знакъ меча еще о немъ жалѣли,
И вѣрную его кормилицу мы зрѣли,
Котора скрыта бывъ въ пространномъ зданьѣ семъ,
Хранила сей залогъ, пеклась всегда о немъ.—
Ей былъ свидѣтель Богъ, стѣна ея защиты!
Отъ чувства радости восплакали Левиты,
Съ рыданьемъ ихъ возторгъ являлся съединенъ.

Средь возхищеній сихъ, онъ кротокъ и смиренъ.—
Привѣтствовалъ ко всѣмъ, зрѣлъ окомъ благосклоннымъ,
И Клялся быть всегда совѣтамъ ихъ покорнымъ.
Отцами, братьями всѣхъ звалъ своими вдругъ.

САЛОМИѲЪ.

Извнѣ разсѣянъ ли великой тайны слухъ?

ЗАХАРІЯ.

Нѣтъ, тайна та еще во храмѣ заключенна.
Толпа Левія чадъ на части раздѣленна,
Устроена, хранитъ молчанье при вратахъ;
Они должны во всѣхъ явяся вдругъ мѣстахъ,
Да здравствуетъ Іоасъ!—Воскликнуть велегласно.
Отецъ мой запретилъ стремленіе опасно;
Азарію хранить Царя онъ приказалъ. —
Межъ тѣмъ Аѳалія держа въ рукѣ кинжалъ,
Въ гордынѣ мѣдныхъ вратъ смѣется укрѣпленью,
И ждетъ орудія печальны къ сокрушенью,
Пылаетъ лютостью, грозитъ низринуть храмъ!
Священникъ тамъ одинъ совѣтъ свой подалъ намъ,

Чтобъ въ подземеліяхъ, что предки сорудили,
Мы нашъ кивотъ святой съ крижалямибъ сокрыли.
Отецъ мой рекъ: О! Страхъ постыденъ и презрѣнъ!
Кивотъ, кой опровергъ толико гордыхъ стѣнъ,
Пресѣкъ кипящій токъ Іордана водъ шумливыхъ,
Попралъ народныхъ тьму Боговъ собою лживыхъ,
Отъ дерзской долженъ ли жены онъ убѣгать? . .,
Во страхѣ при Царѣ, моя печальна мать
То зритъ олтарь въ слезахъ, то зритъ Царя съ смущеньемъ! —
Безмолвствуетъ.—Ея ужаснымъ сокрушеньемъ
Тронулся бы людей свирѣпыхъ самыхъ взглядъ!
Ласкаетъ Царь ее, объемлетъ много кратъ.
Любезныя сестры!— Послѣдуйте за мною,
И естьли долженъ Царь погибнуть смертью злою,
Пойдемъ.—И всѣ падемъ, въ нещастье общемъ томъ!

САЛОМИѲЪ.

Какая дерзская рука сугубитъ громъ;

Кто устрашенныхъ въ бѣгъ Левитовъ обращаетъ?—
И что оружіе скрывать ихъ принуждаетъ?
Иль въ храмъ ужъ ворвались!

ЗАХАРІЯ.

Спокойся, небо намъ
Авнера шлетъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ II.

АВНЕРЪ. ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, ЗАХАРІЯ, САЛОМИѲЪ, ИЗМАИЛЪ, ДВА ЛЕВИТА, ХОРЪ.

ІОАДЪ.

Мнѣ вѣрить ли очамъ? —
Возлюбленный Авнеръ!—Какими ты путями
Прешелъ весь вражій станъ, и здѣсь явился съ нами?
Вѣщали, что сія жестока власти тать,
Чтобъ замыслы свои удобнѣй исполнять
Тебѣ, почтенный мужъ! Оковы возложила!

АВНЕРЪ.

Такъ, храбрость ей моя страшна и вѣры сила.
Щастливъ, коль месть свою онабъ свершила тѣмъ!....
Въ темницѣ заключенъ, въ страданіи моемъ
Я ожидалъ, что храмъ сей въ пепелъ обратится,

Что кровью въ сихъ мѣстахъ еще не утолится,
И что придетъ меня освободить она
Отъ жизни, что не разъ должна быть прервана
Тоской, что рода зрѣлъ я царска прекращенье!

ІОАДЪ.

Но чемъ же воспріять ты могъ отъ ней прощенье?

АВНЕРЪ.

Что въ сердцѣ у нея, единый знаетъ Богъ!..
Призвавъ меня, и взоръ ко мнѣ возведши строгъ,
Рекла: „Зри окруженъ моими храмъ полками;
„Огнь мщенья превратитъ во прахъ его предъ вами! —
„Не можетъ отъ меня твой Богъ его укрыть. —
„Священники его.—Но должно поспѣшить:
„Двумя условьями смягчится ихъ судьбина.
„Да пришлютъ мнѣ они скорѣй Еліакина,
„И съ нимъ сокровища, что собралъ вашъ Давидъ,
„Которы Іоадъ во храмѣ томъ хранитъ
„Подъ тайною ему печатью порученны. —
„Скажи, что только симъ ихъ будутъ дни спасенны.

ІОАДЪ.

Чемужъ послѣдовать теперь надлежитъ
намъ?

АВНЕРЪ.

Коль правда, что хранитъ сокровища сей
храмъ.—
Все злато собранно Давидомъ многоцѣнно,
Отъ хищныя руки тобою соблюденно,
И все, что рѣдкаго ты могъ по немъ со-
брать
Отдай.—Иль хочешъ, чтобъ убійвственная
рать
Низринула олтарь, сожгла бы Херувими,
Кивотъ, чтобъ оскверненъ злодѣиствами
такими
Пролиту кровь твою въ святилищѣ узрѣлъ?

ІОАДЪ.

Но плодъ ли то Авнеръ, великодушныхъ
дѣлъ?—
Младенца бѣднаго, предать чтобы мученью,
Того, что моему повѣрилъ Богъ храненью,
И крови искупить себя его цѣной?

АВНЕРЪ.

Богъ сердце зритъ мое, и въ благости свя-
той
Да повелитъ, о немъ Царица чтобъ забыла
И смертію моей тѣ муки утолила,
Которы небо шлетъ во гнѣвѣ ей своемъ!—

Но попеченьемъ симъ, что можешъ ты о немъ?
Когда погибнетъ все, кѣмъ будетъ онъ храниться?
Богъ къ невозможному велитъ ли намъ стремиться?
Тиранску волю внявъ, въ младенствѣ Моисей
Поверженъ въ быстрый Нилъ былъ матерью своей,
Въ рожденіи своемъ бывъ осужденъ погибнуть;
Но безнадежнаго могъ щедрый Богъ воздвигнуть.
Мучитель сталъ творцомъ благихъ его судьбинъ!
Къ чемужъ готовится имъ здѣсь Еліакинъ?...
Быть можетъ въ щастьѣ онъ возвышенъ щедрымъ рокомъ.—
Коль жалость произвесть могъ въ сердцѣ онъ жестокомъ,
Убіицу чадъ своихъ коль тронулъ онъ собой....
Сего дня Іосаветъ, то видила со мной,
Мы зрѣли всѣ ея ужасное смущенье,
И гнѣва лютаго, во кротость премѣненье.

Къ Іосаветѣ.

Молчаніе хранишъ въ опасности ты сей,
За чужда юношу родства, крови твоей

Возможноль снесть сіе, чтобъ Іоадъ съ народомъ
Погибъ со храмомъ симъ съ тобой и съ цѣлымъ родомъ? . . .
Храмъ! — Въ коемъ хочетъ Богъ единомъ быть молимъ! . . .
Что вы бы сдѣлали, когдабъ съ младенцемъ симъ
Царей всѣхъ нашихъ родъ хранился вожделенный?

ІОСАВЕТЪ.

тихо къ Іоаду.

Усердья зря къ Царямъ въ немъ пламень воспаленный,
Открой ему о всемъ. . . ,

ІОАДЪ.

Къ Іосаветѣ.

Нѣтъ времяни еще.

АВНЕРЪ.

Знай, время дорого, нетрать его во тще.
Межъ тѣмъ какъ медлишъ ты здѣсь такъ своимъ рѣшеньемъ,
Маѳанъ Аѳалію смущаетъ нетерпѣньемъ,
И знаку требуетъ, чтобы вломиться въ храмъ! . . .
Къ священнымъ должноль мнѣ упасть твоимъ стопамъ? —
И имянемъ сего святаго, страшна мѣста,

Гдѣ опочіетъ Богъ, и лишъ тебѣ отверзста!...
Законъ кой данъ тебѣ, сколь нибылъ бы жестокъ,
Помысли отвратить нечаянный толь рокъ.—
Дай время мнѣ возстать за святость нашей вѣры;
Я завтра, въ ночь сію приму надежны мѣры,
Отмщу хулителямъ, и храмъ нашъ утвержду!—
Но тщетны просьбы всѣ, и я напрасно жду
Поколебать твою, толь строгу добродѣтель!—
Не внемлешъ ты меня, бывъ слезъ моихъ свидѣтель!...
И такъ, найдите мечь, оружіе мнѣ тутъ,
Да при вратахъ святыхъ, враги меня гдѣ ждутъ
Возможетъ кончить жизнь Авнеръ за васъ сражаясь!

ІОАДЪ.

Я преклоняюся, совѣту покаряясь....
Потщимся отвратить, что тако насъ страшитъ!
Такъ, здѣсь сокровище оставилъ, что Давидъ,
Мнѣ было въ храмѣ семъ оно препорученно,
На немъ спасеніе народа утвержденно,

Я неусыпностью хранилъ его моей;
Но коль должно его явить Царицѣ сей;
Готовъ отверзсть врата я храма передъ вами,
Пусть съ храбрыми она придетъ сюда вождями;
Но въ удаленіи отъ олтарей святыхъ,
Да остановятся толпы пришельцовъ злыхъ.
Избавь отъ ужаса зрѣть храма похищенье..
Священники съ дѣтьми, явятъ ли подозрѣнье?
Пусть учредитъ она съ тобой число людей.—
Но что до юноши, толико страшна ей,
Я вѣдаю, сколь чистъ ты сердцемъ и душою.—
Рожденіе его предъ нею я открою.—
Ты узришъ должно ли, отдать залогъ такой?—
Поставлю судіей тебя, межъ ей и мной.

АВНЕРЪ.

Вручи его въ покровъ, вручи моей десницѣ.—
Не бойся.— Яспѣшу сказать о томъ Царицѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, САЛОМИѲЪ, ИЗМАИЛЪ, ДВА ЛЕВИТА, ХОРЪ.

ІОАДЪ.

О! Боже жертву зри! Уже пришелъ твой часъ!
Внемли мнѣ Измаилъ.....

Тихо къ Измаилу.

ІОСАВЕТЪ.

Господь услышъ мой гласъ!
И тѣмъ же ослѣпи ты очи ей покровомъ,
Которой ты послалъ, какъ въ ужасѣ суровомъ
Ту жертву юную сокрыла я отъ ней!

ІОАДЪ.

Премудрый Измаилъ, спѣши свершить скорѣй,
Исполни въ точности всю важность повелѣнья;
А паче, чтобъ ея во время къ намъ вступленья
Являлась тишина предъ ней со всѣхъ сторонъ.

Къ хору.

Готовте чада вы Царю священный тронъ;
Пусть придетъ онъ сюда со стражами своими,
Кормилица его, да станетъ вмѣстѣ съ ними.

Къ Іосаветѣ.

А ты отри теперь свои потоки слезъ.

Къ одному Левиту.

Ты, какъ Царица та, противница небесъ
Преступитъ храма прагъ, войдя въ сію ограду,
Какъ вспять къ изходу ей устроимъ мы преграду
Потщись, дабы трубы военной громкій звукъ
Смутилъ сердца враговъ, ослабилъ крѣпость рукъ.—
Пусть явится она симъ чудомъ устрашенна,
Зря Іоаса здѣсь отъ золъ ея спасенна.—
Но се и онъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ІОАСЪ, ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, ЗАХАРІЯ, САЛОМИѲЪ, АЗАРІЯ, СОНМЪ СВЯЩЕННИКОВЪ И ЛЕВИТОВЪ, ХОРЪ.

ІОАДЪ.

О! Родъ священѣйшій Левитъ!
Да сонмъ вашъ часть сію незримо окружитъ.
Оставте править мнѣ всю важность страшна часа;
А чтобъ предстать вамъ здѣсь, взыванья ждите гласа.

Они скрываются.

О! Царь, я мню сіе тебѣ позволитъ Богъ,

Иди гордыню зрѣть враговъ твоихъ у ногъ.
Та, коя на тебя являлась устремленна,
Днесь къ гибели твоей спѣшитъ ожесточенна.
Небойся ничего, окрестъ тебя со мной.
Здѣсь Ангелъ предстоитъ рушитель предъ тобой.
Взойди на тронъ?... Но что?—Священника рукою
Отверзлись ужъ врата.—Позволь тебя я скрою.

Опускаетъ занавѣсъ.

Къ Іосаветъ.

Ты измѣняешся!

ІОСАВЕТЪ.

Какъ можно не бледнѣть?—
Могуль убійцами я храмъ наполненъ зрѣть?
Какими страшными спѣшатъ они толпами!

ІОАДЪ.

Я зрю, что затворенъ храмъ мѣдными вратами.—
Надежно все теперь.

ЯВЛЕНІЕ V.

АѲАЛІЯ, ІОАСЪ, ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, ІАВНЕРЪ, ПОСЛѢДУЮЩІЯ АѲАЛІИ.

Іоасъ скрытый за занавѣсомъ.

АѲАЛІЯ.

Ты здѣсь смутитель злой!
Начальникъ мятежей, воздвигнутыхъ тобой!
Глава всѣхъ умысловъ, виновникъ всей напасти,
Творецъ крамолъ, вражды, врагъ вѣчной вышней власти!
Ты въ Богѣ зрѣлъ своемъ надежду дѣлъ твоихъ.—
Но свободился ль ты, отъ заблужденій сихъ?
Онъ предалъ мнѣ во власть, твой храмъ и все съ тобою,
Должнабъ на олтарѣ я здѣсь своей рукою
Тебя. . . Но быть хочу довольна той цѣной,
Сверши, что обѣщалъ не медля предо мной.—
Отдай мнѣ юношу, сокровище храненно.—
Гдѣ все сіе?

ІОАДЪ.

Сей часъ исполню непремѣнно.
Явлю тебѣ залогъ неоцѣненный сей.

Заповѣсъ открывается Іоасъ видѣнъ сѣдящъ на престолѣ, кормилица его на

колѣняхъ, по правую сторону, Азарія съ мечемъ въ рукѣ стоящъ по лѣвую; а подлѣ него Захарія и Саломиѳъ преклоня колѣна на степеняхъ престола, многіе Левиты по сторонамъ съ мечами въ рукахъ.

Явись О! Юноша, достойна кровь Царей!
Ужель наслѣдника престола ты познала?—
Царица! Твоего виждь знакъ на немъ кинжала!
Се сынъ Охозія, посланный Царь для насъ.
Познай те всѣ.—Авнеръ! Познай.—Се Іоасъ!

АВНЕРЪ.

О! Небо!

АѲАЛІЯ.

Къ Іоаду.

Хитрый врагъ!

ІОАДЪ.

Познай стоящу съ ними
Питавшу персями его тогда своими.
Іосаветой онъ похищенъ и спасенъ,
Подъ кровомъ Бога здѣсь былъ въ храмѣ возращенъ.—
Вотъ все сокровище Давида, что хранится!

АѲАЛІЯ.

Обманъ сей твой ему въ погибель обратится.
Избавте воины отъ призрака сего!

ІОАДЪ.

Господни воины!—Возстаньте за него!

Здѣсь открывается глубина Ѳеатра. — Видна внутренняя храма, вооруженныя Левиты появляются со всѣхъ сторонъ на сценѣ.

АѲАЛІЯ.

Гдѣ я?—Измѣна вся открылась предъ очами!
Я здѣсь окружена оружіемъ! Врагами!

ІОАДЪ.

Вотще взираешъ ты, спастись нестанетъ силъ. —
Не зримый Богъ тебя по всюду окружилъ.
Онъ предалъ намъ тебя.—И насъ почтилъ защитой!
Отвѣтствуй передъ нимъ въ крови тобой пролитой!

АѲАЛІЯ.

Что зрю? Духъ воиновъ во страхѣ охладѣлъ!
Въ какой ужасный ковъ Авнеръ меня ты ввелъ!

АВНЕРЪ.

Богъ зритъ, что я. . . .

АѲАЛІЯ.

Оставь ты Бога и измѣну.—
И за меня отмщай! . . . .

АВНЕРЪ.

Повергается къ ногамъ Іоаса.

Кому?... Царю священну!

*

АѲАЛІЯ

Онъ Царь?—Онъ Іоасъ? . . Помысли ты злодѣй!—
Что воинство мое весь храмъ объемлетъ сей.
Я слышу громкій гласъ! . . . Вамъ казни неизбѣжны!—
Зовутъ меня!—Идутъ.—Содрогнись сонмъ мятежный!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ИЗМАИЛЪ, ІОАСЪ, ІОАДЪ, АѲАЛІЯ.

И всѣ дѣйствующія лица прежняго явленія.

ИЗМАИЛЪ.

Къ Іоаду.

Ужъ храмъ освобожденъ, незритъ враговъ своихъ,
Евреи предались; толпыжъ пришельцовъ злыхъ
Какъ дымъ разсѣялись, внявъ вѣтра устремленье.—
Гласъ всемогущаго прогналъ ихъ ополченье.
Левиты съ высоты священныхъ храма стѣнъ
Открыли всѣмъ, что сынъ Охозія спасенъ,
Повѣдали какъ онъ избѣгъ меча сурова,
И объ Аѳаліи упадшей въ лютость кова.
Внезапно трубный гласъ, возникъ во всѣхъ мѣстахъ,
И крики съ звуками въ ихъ станъ повергли страхъ!
Какъ гордыхъ Гедеонъ страшилъ Мдіанитовъ,

Смутило такъ всѣхъ вдругъ усердіе Левитовъ.
Престали Тиряне оружіе нести;
И удалилися вь различныя пути;
Убѣгла съ ними часть заблудшихъ Іудеевъ,
Но Богъ хранитъ Царя отъ бѣдъ и отъ злодѣевъ;
Явилъ остатокъ ихъ Іоасу покоренъ.—
Единымъ духомъ зрятъ народъ весь оживленъ.
Тамъ жены съ старцами и дѣти возклицаютъ,
Посланна отъ небесъ и Бога прославляютъ.
Поютъ Давидовъ сынъ воскресъ, изъ мертвыхъ всталъ!
Текутъ во храмъ святой, сталъ мерзостенъ Ваалъ.
Сокрушены врата и храмъ его по всюды.—
Маѳанъ ужъ умерщвленъ. . .

АѲАЛІЯ.

Богъ превозмогъ Іуды!
Се Іоасъ!—Вотще скрываю правды путь.
Зрю мѣсто гдѣ его пронзить велѣла грудь.—
Охозія черты я вижу предъ собою;
Все вспоминаетъ кровь толь ненавистну мною!
Прославился Давидъ! Ахавъ зритъ жребій строгъ!
Но ты всему виной, не милосердный Богъ!

Ты самъ мнѣ льстилъ, ты самъ удобнымъ отомщеньемъ,
Смущая въ день единъ, то совѣсти грызеньемъ,
То въ жалость приводя меня младенцемъ симъ,
То ослѣплялъ меня сокровищемъ драгимъ.—
Страшилась, чтобъ незжегъ все пламень разъяренный!
Да царствуетъ сей сынъ тобой возстановленный!
А, чтобъ его теперь державу возвѣстить,
Содѣлай, да велитъ онъ грудь мою пронзить!
Вотъ матери его послѣднее желанье!
Но что вѣщаю я?—Ужъ вижу упованье,
Что непокоренъ ставъ жестокости твоей
Что внемля крови онъ Ахава и моей
Согласно съ предками, отцу его подобно,
Явитъ наслѣдіе въ себѣ Давида злобно;
Что славу помрачитъ, и жертвенникъ съ ней твой,
Отмститъ тѣмъ за меня, за родъ отмститъ онъ свой!

АѲАЛІЯ. *Выходитъ, Левиты слѣдуютъ за нею*

ІОАДЪ.

Идите зданіе отверзть для ней священно,
Да больше ей оно не будетъ оскверненно.—
Идите мстители Царей своихъ святыхъ,

И смертію ея, за кровь воздайте ихъ! —
А если, кто дерзнетъ ей стать для защи-
щенья,
Пусть купно съ ней его повергнетъ мечь
отмщенья!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІОАСЪ, ІОАДЪ, ІОСАВЕТЪ, АВНЕРЪ
и всѣ лица прежняго явленія.

ІОАСЪ.

Сходя съ престола

Смиренно сердце мнѣ О! Боже просвѣти!
Проклятіе ее далеко отврати! —
Не потерпи къ тебѣ ея взыванья гласа,
Иль прежде порази ты смертью Іоаса!

ІОАДЪ.

Да станетъ весь народъ, явимъ ему царя,
Пусть вѣрность обновитъ свою его узря.
О! Царь, священники, народъ, средь щастья
многа,
Пойдемъ, съ Іаковомъ союзъ возставить
Бога!
Святому внявъ въ душѣ возторгу своему,
Мы клятвой новою вручимъ себя ему!
Авнеръ! Ты при царѣ на прежней будь сте-
пени.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ОДИНЪ ЛЕВИТЪ, ІОАСЪ, ІОАДЪ *и прежніе.*

ІОАДЪ.

Къ Левиту.

Ужель низверглась злость во мрачность смертной тѣни?

ЛЕВИТЪ.

Желѣзо ужасъ весь разсторгнуло собой.
Давно Ерусалимъ тѣснимъ бывъ злой женой,
Зря наконецъ ее въ крови своей пронзенну,
Благословитъ теперь судьбу свою блаженну.

ІОАДЪ.

Кончиной страшной сей, злодѣйствія плодомъ,
Познайте, помните цари всегда о томъ,
Что есть вамъ судія, не зрящъ на лица сильныхъ,
Кой сирымъ шлетъ покровъ, отмщаетъ за невинныхъ.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ОРЕСТЪ.

ТРАГЕДІЯ.

въ пяти

ДѢЙСТВІЯХЪ

Сочиненія *Г. Вольтера*. Представленная въ первой разъ въ Парижѣ въ 1750 году году.

Преложенная

Въ Россійскія Стихи

въ 1814 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ОРЕСТЪ, сынъ Агамемнона и Клитимнестры.

ЕЛЕКТРА, } Сестры Орестовы.
ИФИЗА, }

КЛИТИМНЕСТРА, Супруга Егиста.

ЕГИСТЪ, Тиранъ Аргоскій.

ПИЛАДЪ, другъ Орестовъ.

ПАМЕНЪ, Старецъ преданной роду Агамемнона.

ДИМАСЪ, начальникъ стражи.

СТРАЖА и Окружающія.

Дѣйствіе при Аргосѣ.

ОРЕСТЪ.

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ,

Театръ представляетъ берегъ морской, лѣсъ, Храмъ, Чертоги и гробницу съ одной стороны; а съ другой городъ Аргосъ въ отдаленіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

ИФИЗА, ПАММЕНЪ.

ИФИЗА

Памменъ, ужель сіи печальные чертоги,
Пустыня, гдѣ влачу я дни средь бѣдства строги
Явятъ жестокіе отрады мнѣ сіи,
Что слезы съединить могу съ сестрой мои?
Електра, моему толь сердцу драгоцѣнна,
Съ Егистомъ гробъ отца придетъ ли зрѣть смущенна?
Ужели въ торжествѣ, терпимомъ рокомъ злымъ,
Агамемнона кровь предстанетъ вмѣстѣ съ нимъ?

И празднества, что сей приводитъ день ужасный
Свидѣтельницы быть должны ли мы нещастны?

ПАММЕНЪ.

Храня въ печали я забвенный всѣми храмъ,
Въ пустынѣ вознося мольбы мои къ богамъ,
Оплакивая здѣсь конецъ Агамемнона
Ореста жду возвратъ, незная воли трона.
Ифиза славна кровь, мной чтимыхъ въ вѣкъ Царей,
Такъ, въ каждой годъ тоску день разливаетъ сей;
Хотя Егистовы коварства ухищрены,
Доходятъ не всегда въ мѣста уединены;
Однакожъ, слышалъ я о томъ уже молву,
Електра, что должна явиться къ торжеству.
Нехочетъ безъ него, чтобы она роптала,
И къ мщенію Аргосъ стенаньемъ призывала;
Страшится жалобъ онъ, страшится чтобъ въ сердцахъ
Не взникла ненависть и не отвергла страхъ,
Онъ неусыпностью храня себя такою,
Съ ней поступаетъ здѣсь, какъ съ плѣнницей, съ рабою.

ИФИЗА.

Агамемнона кровь!... Сестра моя рабой!

О варваръ до чего, твой духъ стремится
злой?
И Клитимнестра. — Мать въ забвеніи жестока,
Невидитъ въ томъ своей обиды и порока!

ПАММЕНЪ.

Но и сестра твоя, зря всю свою напасть,
Съ терпѣньемъ бы должна сносить тирана
власть,
И не имѣвъ себѣ надежной обороны,
Безъ дерзскихъ укоризнъ являть печаль и
стоны.
Къ чему упрековъ сихъ, къ чему потребенъ
гласъ?
Питая гнѣвъ врага, несиленъ мстить за
насъ.

ИФИЗА.

Покрайней мѣрѣ я терзаема тоскою,
Не угнѣтаяся толь строгою судьбою
Могу оплакивать отца здѣсь моего,
Незря моихъ враговъ, не зря убіицъ его. —
Могу въ ужасной сей и горестной пустынѣ
Егиста проклинать, лить слезы на единѣ.
Несуждено мнѣ зрѣть его въ тоскѣ моей,
Какъ только лишъ въ часы ужасной скорьби
сей,
Какъ солнце съ трепетомъ приводить день
нещастный,

Въ которой рокъ возмогъ свершить тотъ
бракъ ужасный;—
Какъ кровью царскою злодѣй былъ упоенъ,
Какъ Клитимнестра, ...

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА, ПАММЕНЪ.

ИФИЗА.

Ахъ! Тебяль мой взоръ смущенъ
Здѣсь зритъ сестра моя?

ЕЛЕКТРА.

Ужъ день насталъ жестокій,
Въ кой будутъ праздновать злодѣйства и
пороки.—
Сестра твоя, раба, въ мѣстахъ Електра
сихъ
Пришла сказать тебѣ безбожну радость
ихъ.

ИФИЗА.

Кротчайшая судьба мнѣ зрѣть тебя велѣла,
И горесть усладить мою тѣмъ захотѣла,
Что слезы съединить могу съ твоими я.

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Слезы!—Много ихъ лила печаль моя!
О тѣнь священная! О тѣнь окровавленна!—
Такой ли жертвы ждать отъ насъ ты осу-
жденна?

Ты крови требуешъ! . . Мнѣ долгъ велитъ
родства!
Средь радости ихъ сей, средь люта торжества,
Къ которому влечетъ меня тиранъ суровый,
Давъ силу нову тѣмъ, и облегча оковы,
При гробѣ семъ его дерзну я поразить,
Что смѣеть въ бѣшенствѣ жестокой поносить! . . .
Здѣсь Клитимнестра съ нимъ стремя взоръ лютый, ярый,
Супругу нанесла смертельные удары;
А мы ихъ обратить несмѣемъ на того,
Кто злобно жизнь отца изсторгнулъ моего!
О скорьбъ! О мщеніе! О доблесть и почтенье!
Или слабѣе вы, чемъ грѣхъ и преступленье?
Надежду мы въ себѣ должны единыхъ зрѣть.—
Страшишсяль ты разить? Страшишсяль умереть?
Споспѣшествуй мнѣ въ томъ о жизни не жалѣя,
Ты Клитимнестры дщерь, отродіе Атрея!
Иди!

ИФИЗА.

Умѣрь себя, чти рокъ и злой случай,
И больше чувствамъ ты своимъ повелѣвай.

Намъ слезы суждено во вздохахъ лить и въ стонѣ,
Кто помощъ намъ подастъ оружье къ оборонѣ?
Какъ Царь средь стражи быть возможетъ пораженъ,
Кой хитръ и прозорливъ, въ злодѣйствѣ просвѣщенъ?
Увы! Сестра моя, страшусь! Скрывай слезъ токи,
Чтобъ жалобы твои не внялъ тиранъ жестокій!

ЕЛЕКТРА.

Хочу, чтобъ слышалъ онъ стенанья всѣ сіи,
Чтобъ въ сердцѣ ощутилъ всѣ горести мои!
Да внемлютъ небеса печаль и скорби люты,
Да устремятъ онѣ перунъ въ сіи минуты,
Да возмогутъ онѣ Царей всѣхъ возбудить,
Что недерзаютъ кровь Агамемнона мстить!
Прощаю я тебѣ то кроткое терпѣнье,
И робкія души постыдное смиренье.—
Они щадятъ тебя, неправая ихъ власть
Являетъ мнѣ одной всю строгость и напасть.
Ты не раба еще, и тѣмъ въ бѣдахъ щастлива,
Незрѣла что сего убійства нечестива.—
Обрядовъ пагубныхъ, какъ жертвы огнь пылалъ,

Какъ мать моя держа въ рукѣ своей кинжалъ! . . . . .
Ахъ! Страшное сіе душѣ изображенье.
Пребудетъ въ вѣкъ питать и лютость и отмщенье.
Здѣсь, здѣсь, О Рокъ! Увы! въ ужасныхъ сихъ мѣстахъ,
Гдѣ явно утопать не смѣешъ ты въ слезахъ,
Здѣсь зрѣла я отца въ ковъ страшный завлеченна,
Борющась съ смертію въ крови своей пронзенна!
Памменъ, ты видѣлъ все, надежду погубя,
Еще бѣгущаго ко мнѣ я зрю тебя;
Спѣшу съ тобой, и что? жена своей рукою
Остатокъ жизни тмитъ отца передо мною!
О страхъ! О бѣшенство! Ты зрѣлъ когда Орестъ
Восхищенъ мною былъ отъ сихъ ужасныхъ мѣстъ,
Не зная ничего, трупъ видя предъ очами,
Звалъ въ помощь мать свою стенаньемъ и слезами!
Она спасти его тогда мнѣ помогла,
Хоть къ жалости моей безчувственна была

Велѣла жертву скрыть, ея предвидя бѣд-
ство! . . .
Егистъ! Ужель твое несытое свирѣпство
Успѣло поразить опасности предметъ? —
Ещель ты живъ Орестъ? или тебя ужъ
нѣтъ?
Стеная объ отцѣ, обратно ужасаясь,
Въ оковахъ дни влача, и горестью питаясь,
Однихъ гонителей я зрю и злости плодъ.

ПАММЕНЪ.

Божественная кровь! Агамемнона родъ! —
Котораго я зрѣлъ всю славу и печали;
Позволь, чтобы мои совѣты внятны стали,
Позволь мнѣ возбудить надежду силой
словъ. —
Или обѣты вы непомните боговъ? —
Что предвѣщанія событіи неложны
Въ убѣжище сіе привесть Ореста должны,
Гдѣ я съ Електрою его въ младенствѣ
спасъ,
И мщенье онъ свершитъ Егисту здѣсь за
васъ
Въ долинѣ, гдѣ сія воздвигнута гробница,
Въ одно изъ сихъ торжествъ, въ которо
сей убіица
Грудь царскую пронзилъ, завлекши хитро
въ ковъ. —
Не могутъ тщетны быть вѣщанія боговъ;
Намѣренія ихъ покрыты вѣчной тмою,

И часто месть идетъ медлительной ногою.

ЕЛЕКТРА.

О Боги!—И по что громъ мщенья опочилъ?

ИФИЗА.

Ты зришъ Памменъ, Егистъ уже возобновилъ
Кровава брака день, и торжествуетъ нынѣ.

ЕЛЕКТРА.

А братъ мой бѣдствуя, скрывается въ пустынѣ,
Какъ будто позабылъ отца, тьму бѣдь моихъ!

ПАММЕНЪ.

Изчисли времяна, увидишъ, что достигъ
Едва онъ возраста, въ которомъ храбрость, сила
Явить себя должны.—Судьба не измѣнила.

ЕЛЕКТРА.

Премудрый старецъ, ты глаза мои открылъ!
Прости смущеніе, душевныхъ слабость силъ!
Ты лучь являешъ мнѣ надежды сей драгія.—
Кто сталъ бы почитать боговъ мѣста святыя,
Коль съ равнодушіемъ взиралибъ на бѣды,
Коль злоба возносясь, коварство зря плоды
Моглибъ невинность гнать, не внемля ихъ защитѣ? . . .
О Боги! Вы сюда Ореста возвратите! —
И гнѣвъ вашъ поразитъ чудовище сіе!

Орестъ! Услышъ мой гласъ, се отчество
твое,
Се кровь пролитая, се слезы, вопль, отмщенье
Зовутъ тебя; оставь пустынно удаленье,
Гдѣ бѣдствомъ укрѣпясь ты въ подвигахъ
своихъ,
Разитъ безробостно чудовищей лѣсныхъ!—
Рази чудовище Аргоса, и десницу
Ты обрати къ нему, карай цареубійцу!
Приди я покажу пронзить тебѣ кого.

ИФИЗА.

Сдержи стремленіе стенанья твоего,
Се мать твоя идетъ.

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Мать ли въ ней встрѣчаю?

ЯВЛЕНІЕ III.

КЛИТИМНЕСТРА, ЕЛЕКТРА, ИФИЗА.

КЛИТИМНЕСТРА.

Памменъ оставь меня, иди, повелѣваю.—
А дщери вы мой пребудте здѣсь со мной.

ИФИЗА.

Священны имяна!—Я зрю въ душѣ покой.

ЕЛЕКТРА.

Разятъ онѣ мой духъ!—И сердце раздирая....

КЛИТИМНЕСТРА.

О жребіи моемъ и вашемъ помышляя,

Я чувства тайны вамъ хочу мои открыть.
Должна за строгость я судьбу благодарить,
Которая второй мой бракъ творя безплоднымъ,
Ко благу моему, къ спокойству первороднымъ
Не поселила кровь во мнѣ враждебну къ вамъ.
Быть можетъ ближусь я уже къ послѣднимъ днямъ,
Грызенья страшныя, и лютость тайна яда,
Старалась кои крыть отъ вашего я взгляда,
Возмогутъ въ скорости конецъ приближить мой.
Не чужды дщери вы, нечужды предо мной—
Егисту вопреки, вы бывъ мнѣ драгоцѣнны,
Хранила я всегда къ вамъ чувства тѣ священны.
Презрѣвъ роптаніе, и всѣ упреки зла,
Електра въ юности утѣхой мнѣ была
О Ифигеніи толико лютой долѣ.—
Електра, хоть моей противилася волѣ;
Но не лишилась тѣмъ правъ сердца въ глубинѣ.

ЕЛЕКТГА.

О Небо! Ты еще любовь хранишъ ко мнѣ?
Ты вспомнила ту кровь, тѣснитъ судьбы что злыя?

Ахъ! Естьли чувства ты питаешъ толь
драгія?—
Зри гробъ священный сей! Зри тягость
сихъ оковъ!

КЛИТИМНЕСТРА.

Ты духъ во мнѣ разишъ жестокостію
словъ!—
Ты утѣшаешся, зря лютыя смущенья,
Ты грудь пронзаешъ мнѣ, являя всѣ мученья,
Ты умерщвляешъ мать! Ждалаль я то теперь?

ЕЛЕКТРА.

Обезоружила ты изступленну дщерь!
Всегда природѣ я въ душѣ моей внимаю.—
О мать моя! — Уногъ твоихъ я проклинаю
Укоры въ коихъ я поднесъ была винна!
Тобою узамъ бывъ тирана предана,
Къ Егисту въ сердцѣ я стремила всѣ упреки!
Нѣтъ.—Кровь твоя тебѣ не измѣнитъ во вѣки.
Я плачу зря твой рокъ; но ненависти нѣтъ!..
Ахъ! Если небеса тебѣ являютъ свѣтъ,
И въ тайнѣ шлютъ онѣ сердечны угрызенья? —
Не отвергай молю!—И видя ихъ раченье,
Внимая святости взыванія сего,
Оставь ты жребій злой тирана твоего!
Не презирай, увы! Благими толь судьбами!—

Ореста призови, да будетъ здѣсь онъ съ
нами,
Да приметъ отъ тебя священный предковъ
тронъ,
Да злобу поразитъ, тебя да любитъ онъ,
Да кровь отмститъ свою, и родъ Агамем-
нона!
Вели ему прибыть! . . .

КЛИТИМНЕСТРА.

Возстань.—Скрой тягость стона
Не вспоминай о немъ.—И чти Егиста власть.
Оковы зря твои, всю чувствую напасть,
Но сильнаго царя правдивое велѣнье,
Возможетъ ли щадить упреки и презрѣнье?
Сама причиною нещастья ты сего.—
Я подданной себя щитающа его,
Я кою ты всегда собою раздражала,
Коль кратъ противъ тебя смягчить его
желала?—
Но вспламяняла тѣмъ въ немъ гнѣвъ еще
сильнѣй.—
Одна въ обидѣ сей виновна ты моей.—
Предъ рокомъ и Царемъ смиряя изступ-
ленье,
Учися отъ сестры таить души мученье;
Покорствуй жребію, кой премѣнить хо-
тятъ.
Увы! Хотѣлабъ я въ объятьяхъ нѣжныхъ
чадъ

Окончить жизнь мою наполненну страданьемъ;
Но коль ты поспѣшишъ неистовымъ желаньемъ,
Коль прежде времяни Орестъ явится къ намъ,
Коль онъ Егистовымъ дерзнетъ предстать очамъ,
Погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ безъ всякаго сомнѣнья.—
Оставя чувства всѣ, сердечны сожалѣнья,
Супругу болѣе должна, чемъ сыну я.

ЕЛЕКТРА.

О небо! Онъ супругъ тебѣ! О мать моя!
Вотъ какъ по истиннѣ ты жалость къ намъ питаешъ,
Какъ угрызеніямъ ты совѣсти внимаешъ!
Ахъ! Если нѣжность та душѣ твоей чужда,
Ты съ братомъ гибелью грозишъ мнѣ на всегда!

Къ Ифизѣ.

Ифиза, зри теперь колико мать насъ любитъ!

Къ Клитимнестрѣ.

Грозишъ Оресту ты!—Опасность рокъ сугубитъ.
На мѣсто мысли сей, что насъ избавитъ братъ,
Не знаю, боги дни ещель его хранятъ?
Быть можетъ жизнь его пресѣкла злобы сила;

Супругъ твой, коего ты титломъ симъ почтила
Быть можетъ ужъ его пожертвовалъ страстямъ.

ИФИЗА.

Клянемся небомъ мы, и всемъ что свято намъ,
Тобой, безсмертными, отъ коихъ жизнь имѣемъ:
Не только, что сюда мы звать Ореста смѣемъ,
Не вѣдаемъ по днесь мы участи его!
Ахъ! сжалься внемля стонъ семейства твоего!
Не огорчай сестру, прости ея смущенью.
И не протився ты сихъ горькихъ слезъ стремленью!

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Нѣтъ лишаютъ насъ отраду зрѣть въ слезахъ,
И множатъ между тѣмъ о братѣ лютый страхъ!
Егиста знаю я.—Намъ всѣ бѣды свершатся.—
Увы! Погибъ Орестъ!—Когда его страшатся!

КЛИТИМНЕСТРА.

Твой братъ живетъ еще, надежды не теряй,
Когдажъ въ опасности себя въ томъ обвиняй.
Умѣрь смущеніе, спокойнѣй будь отнынѣ.—

Щади печаль мою, покорствуя судьбинѣ.—
Ты мнишь, что съ радостью твоя приходитъ мать,
Въ великолѣпіи сей день торжествовать;
Електра, день, сей день я страшнымъ почитаю,
Ты плачешъ въ узахъ, я въ величіи страдаю.
Хоть знзю, до чего стремишъ ты злость на насъ.
Не призывай боговъ.—Они твой вняли гласъ.
Оставте здѣсь меня.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КЛИТИМНЕСТРА *одна.*

Ахъ! Чадъ моихъ стенанье
Сугубитъ въ ужасѣ души моей терзанье!
О бракъ, печальный бракъ! Злодѣйствія вѣнецъ!
Союзъ, что утвержденъ неистовствомъ сердецъ!
О торжество! Досель толико драгоцѣнно!
О какъ мое теперь все сердце имъ стѣсненно?
Изчезло щастіе, мечты сокрылся слѣдъ!
Разитъ меня, разитъ въ душѣ ужасный свѣтъ!
Егистъ въ забвеньѣ чтя себя благополучнымъ,

Спокойно къ играмъ симъ меня приводитъ скучнымъ.
Онъ торжествуетъ; яжъ терзаюся тоской!
Духъ страждетъ! — Мысль мятетъ предчувствіе собой!
Страшусь Аргоса я, страшусь Електры, сына,
Страшуся подданныхъ! О строгая судьбина!
Съ чемъ муки тѣ сравнить! Увы! Нещастна мать!
Я ненависть должна къ крови своей питать,
И въ чувствіяхъ не смѣть проступкомъ отягченныхъ
Имянъ произнести, всѣмъ смертнымъ драгоцѣнныхъ!
Изъ сердца моего природа изгнана!
Я сына трепещу!—Природа отмщена!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА.

КЛИТИМНЕСТРА.

Егистъ! Куда влечешъ меня въ часы смущенны?
По что мнѣ зрѣть мѣста, что смерти посвященны?

ЕГИСТЪ.

Что слышу? Празднества священныя сіи,

Возобновляющи блаженства всѣ мои
Предметомъ ужаса передъ тобою стали!
День брака нашего, неужель день печали?

КЛИТИМНЕСТРА.

Нѣтъ.—Но тоска меня смущаетъ въ сихъ мѣстахъ;
Семейство здѣсь мое въ нихъ разливаетъ страхъ!
Колеблютъ духъ во мнѣ и сердце муки новы!
Ифизы слезы зря, Електры зря оковы,
Жилище ужаса!.. Разитъ вопль крови слухъ!
Орестъ, Агамемнонъ, смущаютъ страхомъ духъ!

ЕГИСТЪ.

Оставь Ифизу ты, пусть слезъ ліетъ потоки.
Прощалъ Електрѣ я обиды всѣ жестоки;
Но участи она достойна стала сей.—
Унизя строгостью духъ гордости я въ ней
Не мнилъ однако же, смиряя нравъ сей дикій,
Чтобъ въ областяхъ моихъ ея внимали крики.
Въ Аргосѣ днесь она сверѣпство множа словъ,
Дерзая вспоминать о мщеніи боговъ
Ореста возвратить противнымъ обѣщаетъ.
Молва дней нѣсколько о томъ уже летаетъ.
Ореста имя здѣсь разитъ вездѣ мой слухъ,
И гнѣвомъ праведнымъ воспламеняетъ духъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Мнѣ муки имя то рождаетъ чрезъвычайны!
Вѣщаютъ, яко бы предрѣкъ Оракулъ тай-
ный,
Что нѣкогда онъ здѣсь, бѣдамъ подвергшись
самъ
Отцеубійственну простретъ дѣсницу къ
намъ.
По что испытывать боговъ, самимъ стре-
миться
Къ ударамъ ихъ, когда возможно сохранить-
ся?

ЕГИСТЪ.

Ореста нестрашись, хоть онъ еще судьбой
Хранимъ, не вовлечетъ меня въ напасть съ
тобой;
Но самъ не обрететъ нигдѣ себѣ спасенья,
Уже успѣлъ пресѣчь я всѣ его стремленья.
Гонимый, странствуя, покрова не имѣвъ,
Онъ въ трепетѣ влачитъ съ собой безплод-
ный гнѣвъ.
Днесь Епидаврскій лѣсъ во тмѣ его скры-
ваетъ;
Но дружбу Царь ко мнѣ страны сея пи-
таетъ,
Все возстаетъ за насъ, и все ему грозитъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Увы!—И что? Мой сынъ!

ЕГИСТЪ.

Мнѣ нравъ его открытъ

Онъ гордъ, неукротимъ, въ бѣдахъ возросши злѣя
Сталъ лютъ и мстителенъ. — Достойный сынъ Атрея.

КЛИТИМНЕСТРА.

Ахъ! Гнѣвъ его правдивъ!

ЕГИСТЪ.

Должно, чтобъ тщетенъ сталъ.
Ты знаешъ, въ тайнѣ я Плистена ужъ послалъ,
Онъ въ Епидаврѣ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Какъ? Что хочешъ ты устроить?

ЕГИСТЪ.

Престолъ нашъ утвердить, твой ужасъ успокоить.
Плистенъ, Плистенъ мой сынъ, усыновленъ тобой
Здѣсь скипиръ, вѣнецъ и тронъ по мнѣ восприметъ мой.
Стремится отвратить онъ тщательной рукою
Бѣды, которыя грозятъ тебѣ собою, —
Онъ твой единый сынъ, нѣтъ правъ на то другимъ.
Дабы соединить мой родъ на вѣкъ съ твоимъ,
Електра говорю, могла бы мыслить нынѣ
О щастіи своемъ, когдабъ она въ гордынѣ

Не отвергала всѣ совѣты много кратъ.
Я наказалъ сестру. — Хочу, погибъ чтобъ брат.
Плистенъ для общаго старается спасенья.
Что врагъ мой имъ открытъ, въ томъ нѣтъ уже сомнѣнья.
Ты содрагаешся. . . .

КЛИТИМНЕСТРА.

О жертва! Гнѣвъ боговъ!
Иль жить я не могу безъ способа грѣховъ?
Егистъ, ты вѣдаешъ, чьи дни я прекратила
Должноль, чтобы еще и сына погубила?
Ахъ! Горестныхъ толь дней остатокъ въ свѣтѣ мой,
Должно ли искупить ужасной толь цѣной!

ЕГИСТЪ.

Подумай.

КЛИТИМНЕСТРА.

Дай хоть разъ вознесть къ безсмертнымъ стоны,
Которыхъ толь презрѣть дерзнула я законы!

ЕГИСТЪ.

Иль хочешъ, чтобъ могли они на насъ возстать?
Чего намъ отъ боговъ и прорицалищъ ждать?
Въ день брака нашего мы онымъ не внимали.

КЛИТИМНЕСТРА.

Увы! ты вспомнилъ мнѣ день гнѣва и печали!
Безсмертныхъ власть мой духъ и сердце тяготитъ,
Любовь шла противъ ней, страхъ къ нимъ меня стремитъ.
Не упрекай меня печали видя бремя,
Перемѣнило все во мнѣ собою время.
Быть можетъ боги тѣ, властители сердецъ
Съ пріятностію зрятъ сей гордости конецъ.
Уже я лишена отважности той стала,
Которой съ лишкомъ толь въ чертогахъ сихъ внимала.
Не погасаетъ жаръ любьви къ тебѣ моей,
Ты драгоцѣннѣе всего мнѣ въ жизни сей;
Но дщерь невольница и сынъ мой удаленный,
Сынъ врагъ твой, можетъ быть уже и пораженный;
А если живъ, меня стремится обвинять. —
Ахъ! Сколь ужасно то? Егистъ, Егистъ я мать!

ЕГИСТЪ.

Супруга ты моя, и царствуешъ со мною,
Не можетъ мысль сія забвенна быть тобою.

Иль крови ропоту внимаешъ ты твоей?
Неблагодарныхъ толь отринь своихъ дѣ-
тей.
Пойдемъ, спокой себя, оставь о нихъ ра-
ченье.

КЛИТИМНЕСТРА.

Спокойство можетъ ли являть намъ пре-
ступленье?

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ

ОРЕСТЪ.

Пиладъ! Гдѣ мы теперь? Какія зримъ страны?
Куда нещастіемъ моимъ приведены?
Ореста бѣдствіе на рокъ твой обращенно:
Что дружество твое готовило священно,
Оружье, воинство, погибло все въ волнахъ!
Безъ помощи себя мы въ дикихъ зримъ степяхъ!
Остался другъ тебѣ, и строгая судьбина. —
Крѣпитъ во мнѣ мой духъ надежда лишъ едина.
Едва ты сохранить успѣлъ подъ сей скалой
Остатки малыя, спасенны въ бурѣ злой.

Ахъ! Знаешъ ли сей брегъ, что власть небесъ явила?

ПИЛАДЪ.

Куда повергла насъ не знаю вихрей сила. —
Но жребій и судьбу не смѣю клясть стеня,
Орестъ ты живъ и я. — Довольно для меня.
Богъ въ Епидаврѣ дни сберегъ твои собою,
Что гнанъ свирѣпою Егистъ всегда рукою;
Ты въ первой битвѣ той, симъ богомъ былъ веденъ,
Палъ подъ мечемъ твоимъ неистовый Плистенъ.
Почтимъ покровъ его, онъ намъ во всемъ поможетъ. —
Кто предалъ сына, тотъ отца предать возможетъ.

ОРЕСТЪ.

На сильнаго царя среди пустынныхъ мѣстъ,
Съ единымъ другомъ мнитъ своимъ возстать Орестъ!

ПИЛАДЪ.

Довольно. — Познаю безсмертныхъ провидѣнье.

*

Лишило насъ всего жестокихъ буръ волненье;
Но совершитъ оно высокій замыслъ свой,
И требуетъ отъ насъ въ томъ твердости одной.
Не рѣдко боги мстятъ царей вооружая,
Не рѣдко въ тишинѣ злодѣя ослѣпляя
Являютъ власть свою забвенную ему,
Природу съ дружествомъ однимъ стремя къ тому.

ОРЕСТЪ.

Ихъ помощъ прекратитъ души моей мученья,
И съ ней потребны ли велики ополченья? . . .
Здѣсь подъ утесами, что окружаютъ брегъ,
Гдѣ я съ тобой отъ волнъ и смерти злой избѣгъ
Успѣлъ ли ты сокрыть оставшій прахъ Плистена. —
Предметъ, чемъ отмщены неистовство, измѣна,
И урну, чемъ затмить я мню Егиста взоръ?

ПИЛАДЪ.

Я спасъ ее и съ ней, близъ сихъ кремнистыхъ горъ

Сокрылъ тотъ славный мечь, тебѣ толь
драгоцѣнный,
Что нѣкогда Троянъ былъ кровью обагрен-
ный,
Агамемноновъ мечь, кой смерть отмститъ
его,
Что былъ похищенъ въ день нещастья тво-
его,
Въ которой ты избѣгъ гоненія злодѣя,
И приняла тебя въ младенствѣ Фокц-
дея;
А перстень тотъ его, еще въ рукахъ тво-
ихъ.

ОРЕСТЪ.

О Боги мщенія! . . . Свершить какъ волю
ихъ? . . .
Какъ тѣни посвятить отца окрававлен-
ной

Указывая на свой мечь.

Сей мечь противною мнѣ кровью обагрен-
ной?
Стопы мои стремитъ священный неба
гласъ;
Но рокъ разрушилъ все, жестока буря
насъ
На брегъ невѣдомый извергнула вол-
нами!
Какими намъ достичь въ чертогъ зло-
дѣйствъ путями?

Въ жилищѣ страшныхъ бѣдъ, въ которомъ я рожденъ?

ПИЛАДЪ.

Зри зданіе сіе, сей храмъ, огромность стѣнъ,
Гробницу, Кипарисъ, сей темный лѣсъ и дикій,
Здѣсь представляетъ все печали превелики. —
Но смертный къ намъ идетъ отъ сихъ ближайшихъ горъ,
Онъ скученъ, къ небесамъ возводитъ смутный взоръ
И зрится, что достигъ того онъ въ жизни вѣка,
Въ кой опытъ и напасть крѣпятъ умъ человѣка,
Онъ можетъ сжалится, узнавъ отъ насъ о всемъ.

ОРЕСТЪ.

Вздыхаетъ! — Всякъ рожденъ терпѣть на свѣтѣ семъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ, ПАММЕНЪ.

ПИЛАДЪ.

О кто бы нибылъ ты! Тронись, тронись бѣдами! —
Не вѣдома страна сія ни сколько нами!
Ты видишъ двухъ друзей нещастныхъ въ сихъ мѣстахъ,
Давно свирѣпству бурь оставленныхъ въ волнахъ,
Чего должны мы ждать напасти, иль отрады?

ПАММЕНЪ.

Я здѣсь служу богамъ, жду истиннѣ награды,
И упражняясь въ ней, среди священныхъ правъ,
Храню святой для всѣхъ гостепріимствъ уставъ.
Подъ кровомъ старости и тихимъ и смиреннымъ
Рѣшитесь вы презрѣть пріемомъ многоцѣннымъ.
Пойдемъ. — Нещастіе я чту за даръ боговъ.

ОРЕСТЪ.

Премудрый житель сихъ невѣдомыхъ бре-
говъ!
Да могутъ небеса воздать моей рукою
Усердію сему, являему тобою!
Жилище гдѣ твое? — Пойдемъ, коль нѣтъ
препонъ?
Но кто владѣетъ здѣсь? — Какой у васъ
законъ?

ПАММЕНЪ

Здѣсь царствуетъ Егистъ въ его мы зримся
власти

ОРЕСТЪ.

Егистъ? О небеса! О зло! О край на-
пасти!

ПИЛАДЪ *Къ Оресту.*

Брегись, чтобъ ты себѣ въ бѣдахъ не измѣ-
нилъ.

ОРЕСТЪ *Къ Паммену.*

Егистъ? О боги! Тотъ, которой погу-
билъ? . . . . .

ПАММЕНЪ.

Тотъ. . . . .

ОРЕСТЪ.

Клитимнестра здѣсь, не помня зло
такое? . . . . .

ПАММЕНЪ.

Съ нимъ вмѣстѣ царствуетъ. — Свѣтъ
знаетъ остальное.

ОРЕСТЪ.

Сіи чертоги. — Гробъ?

ПАММЕНЪ.

Чертогъ, что зришъ сей, тамъ
Егистъ въ величіи днесь обитаетъ самъ.
Я видѣлъ нѣкогда, какъ съ мыслію другою
Воздвигнутъ оной былъ достойнѣшей рукою. —
А гробъ, (прости слезамъ, что зришъ въ моихъ очахъ)
Хранитъ священный онъ Агамемнона прахъ!

ОРЕСТЪ.

Ахъ! Можноли снести? — Отъемлетъ небо силы!

ПИЛАДЪ *Къ Оресту*

Скрывай ты отъ него взоръ слезный и унылый.

ПАММЕНЪ *Къ отвращающемуся Оресту.*

Остранникъ! Ты смущенъ при видахъ скорби сихъ?
Ты хочешъ удержать потоки слезъ твоихъ?
Пльчь! Жертвы таковой достойны всѣ герои,
И побѣдителя оплачь здѣсь гордой Трои!
Да очи странника явятъ грусть въ тѣхъ мѣстахъ,

Гдѣ ищутъ поносить его священный
прахъ!

ОРЕСТЪ.

Хоть взросъ далеко я; но сердцемъ пла-
мянѣя
Божественную кровь потомка чту Атрея.—
Грекъ всякой духъ стремить къ героямъ
долженъ весь;
А наипаче я..... Скажи, Електра здѣсь?

ПАММЕНЪ.

Здѣсь.

ОРЕСТЪ *Къ Пиладу.*

Я иду. — Спѣшу!
Орестъ! Остановися,
Противяся богамъ, судьбы своей стра-
шися!
Жалѣю о тебѣ. —

Къ Паммену.

Почтенный мужъ, ты намъ
Позволь въ ближашій здѣсь предстать без-
смертныхъ храмъ. —
То первый долгъ. — Ужъ часъ намъ прине-
сти моленья
Тому, кто спасъ намъ жизнь средь бурей и
волненья.

ОРЕСТЪ.

Во храмъ насъ поведи, веди къ гробницѣ
той
Злодѣйски умерщвленъ, почіетъ гдѣ го-
рой;

Великой тѣни сей я долженъ жертвой тайной

ПАММЕНЪ.

О Боги праведны! О случай чрезвычайной!
Ахъ! Что? Два странника, отвергнувъ лютый страхъ,
Царя здѣсь моего почтить дерзаютъ прахъ?
Межь тѣмъ какъ граждане, подвергшись игу злому
Несмѣютъ подражать усердію такому!...
Всегда, когда Егистъ мѣстамъ явится симъ,
Всякъ въ сердцѣ грусть о томъ скрываетъ передъ нимъ.
Егистъ здѣсь рабственны всѣмъ узы налагаетъ. —
Вы здѣсь въ опасности.

ОРЕСТЪ.

Она духъ ободряетъ.

ПАММЕНЪ.

Смущаюсь и молчу. — Зря пламень таковой!...
Но сына Государь! Имѣлъ властитель мой,
Електра коего. . . . Егистъ вступающъ зрится! —
И Клитимнестра съ нимъ: — Спѣшите удалиться.

ОРЕСТЪ.

Какъ?—То Егистъ?

ПИЛАДЪ.

Пойдемъ скорѣй отъ ихъ очей.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА *въ дали*,
ПАММЕНЪ, ОКРУЖАЮЩІЯ ЦАРЯ.

ЕГИСТЪ *къ Памену.*

Съ кѣмъ ты бесѣдовалъ теперь въ пустынѣ сей?
Въ одномъ примѣтилъ я разительное свойство;
Блистаютъ на челѣ и храбрость и геройство,
Осанка гордая; но взоръ воспламененъ
Являетъ мнѣ, что онъ ужасно возмущенъ.
Въ сомнѣнье новое мой разумъ погрузился.—
Скажи, кто онъ?—Моимъ ли подданнымъ родился?

ПАММЕНЪ.

Я бѣдствіе его, не родъ познать успѣлъ,
И странникамъ помочь обязанность имѣлъ,
Которыхъ буря здѣсь извергла средь волненья;
Но мню, что Греція страна его рожденья.

ЕГНЕТЪ.

Отвѣтствуй ты за нихъ мнѣ жизнію своей.

КЛИТИМНЕСТРА.

Ахъ! Два нещастные въ странѣ явяся сей,
Возмогутъ ли навлечь собою подозрѣнье?

ЕГИСТЪ.

Всемѣстный ропотъ здѣсь рождаетъ мнѣ смущенье.

КЛИТИМНЕСТРА.

Пятнатцать лѣтъ, какъ мы въ боязни всякой часъ
Страшимся столько всѣхъ, сколь всѣ трепещутъ насъ!
Увы! Такою ли судьбой мы въ свѣтѣ льстились?

ЕГИСТЪ *къ Пламену.*

Поди, узнай въ какой странѣ они родились,
Почто вблизи сихъ мѣстъ предстать могли дерзнуть,
Съ какимъ [illegible] реньемъ, отколь пустились въ путь,
И что ихъ привело въ предѣлы мнѣ подвластны?

ЯВЛЕНІЕ. IV.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА.

ЕГИСТЪ.

Царица, боги всѣ являются безгласны.
Надежду всю должна ты зрѣть въ моей любви,
И царствуя со мной въ покоѣ здѣсь живи.—
О сынѣ пагубномъ заботъ отвергни бремя;
Но о Електрѣ намъ теперь помыслить время,
Давно я мнѣніемъ уже былъ занятъ симъ.—
Она опасна намъ.—И имянемъ своимъ
Возможетъ слѣдъ найти, владѣть державой сею.—
Хочу, чтобы мой сынъ соединяся съ нею
Волненье подданныхъ пресѣкъ чрезъ сей союзъ.—
Ты хочешъ свободить ее отъ тяжкихъ узъ,
Ты пользѣ общей въ томъ и щастію внимая,
Ты ненависть сію ужасну прекращая
Отъ бѣдствій свободить Танталовъ хочешъ домъ.
Согласенъ я съ тобой.—Скажи ты ей о томъ;
Но трепещи узрѣть ея упорства новы —
Надѣюсь я, что страхъ, неволя и оковы
Возмогутъ произвесть желаемый мной плодъ,
И сей изъ бѣдствія ко щастью переходъ,

Сей путь къ величію изъ толь презрѣнной
доли,
Разсудокъ, твой совѣтъ, гласъ матернія
воли;
А паче страсть владѣть, родятъ покор-
ство въ ней. . . .
Осталась месть еще для дерзновенной сей.
Здѣсь къ ней твоя любовь, отца воспоми-
нанья
Питаютъ гордость въ ней, средь бѣдства
и страданья;
Но да страшится духъ въ ней, видя рокъ
суровъ,
Сосланья вѣчнаго, постыднѣйшихъ оковъ.

ЯВЛЕНІЕ. V.

КЛИТИМНЕСТРА, ЕЛЕКТРА.

КЛИТИМНЕСТРА.

Приближся дщерь моя и кроткими очами
Зри мать смягченную нещастія слезами.
Вздыхаю въ тайнѣ я, стонъ внемля жалкій
твой,
Зря съ сожалѣніемъ злой жребій таковой.
Хоть знала я всегда, къ чему ты устрем-
лялась,
Какъ мать жалѣла, какъ царица оскорбля-
лась;
Но возвратить тебѣ права твои хочу.

ЕЛЕКТРА.

Царица! Ахъ! Уногъ. . . .

КЛИТИМНЕСТРА.

Я болѣе ищу. . . . .

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Что?

КЛИТИМНЕСТРА.

Хочу вознесть твое происхожденье.
Пелопса имяни отвергнуть униженье,
И раздѣленіе потомственно пресѣчь.

ЕЛЕКТРА.

Что слышу? Клонитсяль сія къ Оресту
рѣчь?

КЛИТИМНЕСТРА.

Я мыслю о тебѣ.—Внемли, твое упорство
Для пользы собственной, должно явить по-
корство.
То мало, что хочу твои я узы снять.—
Електра, ты должна о тронѣ помышлять;
Ты можешъ, коль хранишъ въ себѣ ту мысль
священну,
Въ наслѣдіе пріять Аргосъ и всю Мицену?
Ты можешъ свободясь отъ узъ жестокихъ
сихъ,
Достигнуть степени родителей твоихъ.
Сію въ Егистѣ я содѣлала премѣну;
Онъ хочетъ дщерью чтить тебя отдавъ
Плистену.
Изъ Епидавра ждутъ его здѣсь всякой часъ,

Возвратъ его свершитъ желанный бракъ
для насъ. —
Величьемъ насладись, оставь свои упреки;
Прошедшее ничто, забудь о томъ на вѣки.

ЕЛЕКТРА.

О Боги! Можно ли словамъ такимъ внимать?
Какой ужасный рокъ мнѣ предлагаетъ мать?
Родъ гибнетъ мой на вѣкъ! Напасть его
свершенна! . .
Или забыла ты, кѣмъ я на свѣтъ рожден-
на?
Какъ можешъ ты желать въ свирѣпствѣ
новыхъ винъ,
Чтобъ мнѣ супругомъ сталъ отца убійцы
сынъ?
Агамемнона кровь! Кто? Я? Сестра Ореста
Должна быть предана изчадію Тіеста! . . .
Отдай оковы мнѣ, и возврати все зло,
Которымъ твой Тиранъ багрилъ мое чело!
Ахъ! Возврати мою жестокую неволю! —
Привыкла я терпѣть сію несносну долю,
И поношеніе есть горькій мой удѣлъ!
Я преносила все, смерть близко взоръ мой
зрѣлъ. —
Егистъ не разъ грозилъ въ своемъ свирѣп-
ствѣ ею;
Но днесь свершаетъ все жестокостью
твоею!
Безъ страха я могу оставить жизни свѣтъ,

И смерть сноснѣе мнѣ, чемъ лютый сей обѣтъ!
Я вижу все, за что меня онъ оскорбляетъ,
Какія новыя бѣды приготовляетъ:
Нѣтъ сына твоего!—Злой рокъ его постигъ!
Страшится нынѣ онъ къ престолу правъ моихъ.—
Онъ хочетъ, здѣсь меня повергнувъ въ страшно бѣдство,
Плистену утвердить кровавое наслѣдство,
И бракомъ съединить меня къ злодѣйству мнятъ!
Ахъ! Ежели его права мои страшатъ,
Да погубитъ онъ ихъ въ крови моей нещастной,
Да кончитъ онъ въ глазахъ твоихъ мой вѣкъ ужасной!
Коль мало, помоги ему своей рукой!—
Рази!—И съедини ты брата тѣмъ со мной!
Рази!—Да мать мою въ семъ звѣрствѣ я познаю!

КЛИТИМНЕСТРА.

Неблагодарная!—Я жалость всю теряю,
И въ сердцѣ ненависть вселяется одна!
Я все испытывать была принуждена.
Угрозы, нѣжность, стыдъ, я все употребляла,
И даже лютые упреки всѣ внимала;
Разсудокъ, гнѣвъ, любовь, совѣтъ и самый тронъ,

Что безъ меня тебѣ не можетъ дать законъ,
Прощенія и просьбъ,—всего плоды теряю.
Поди нещастная, тебя я презираю.—
Поди! Царица я.—Покорствуй ты судьбѣ,
Агамемнона кровь противна мнѣ въ тебѣ!
Я съ лишкомъ льщу твоей, и здѣсь рукой моею
Терзающу меня змѣю ласкать я смѣю!
Плачь, воздыхай, стреми угрозы иль мольбу;
Неблагодарную въ тебѣ я зрю рабу,
Влекущу жизнь свою средъ жалобъ, дерзновенья,
Сносящую руки владыки утѣсненья.—
Любила я тебя.—Признаюсь въ сей винѣ;
Но днесь Егистову супругу зри во мнѣ!
Не мать ужъ я тебѣ, и узы тѣ низпали,
Что сердце о тебѣ печалью сокрушали;
Ты ихъ разсторгнула, ты не навидишъ ихъ!
Умолкъ природы гласъ!—Я узъ свободна сихъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕЛЕКТРА *одна.*

Сіели мать моя? . . . Ахъ! Люты толь печали
Какъ кончилъ вѣкъ отецъ мнѣ душу не терзали! . . .

Сказала много я смущаема тоской,
И сердце передъ ней весь ядъ явило свой! . . . .
Я въ изступленіи! . . О горестна судьбина!
Увы! Открыта мнѣ Ореста зла кончина!
Его наслѣдіемъ дерзнула льстить она!
Отъ мѣстъ ужасныхъ сихъ природа изгнана! —
Осталось лишъ одно то имя драгоцѣнно,
Что въ сердцѣ горестномъ на вѣки заключенно!
Коль нѣтъ уже его, и измѣнила мать,
По что. по что врага щадить еще желать?—
Не милостиль его искать бывъ принужденной,
Мнѣ пресмыкаться здѣсь въ презрѣніи стѣсненной?
И въ трепетѣ молить не внемлющихъ боговъ,
Увядшія взнося къ нимъ руки отъ оковъ.—
Зрѣть помраченными отъ горькихъ слезъ очами
На тронѣ отческомъ, владѣющаго нами
Сіе чудовище, тирана, власти тать,
Кой матери лишивъ, стремится все отнять.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА.

ИФИЗА.

Прерви сестра моя, ты тажкія стенанья.

ЕЛЕКТРА.

Я?

ИФИЗА.

Радость раздѣли!

ЕЛЕКТРА.

Въ жестокости страданья!
Какой намъ радости возможно ожидать?

ИФИЗА.

Надѣйся.

ЕЛЕКТРА.

Плачь, когда сказала правду мать,
Ореста нѣтъ уже! . . .

ИФИЗА.

Коль вѣрить мнѣ возможно
Очамъ моимъ, онъ живъ и въ сихъ мѣстахъ не ложно.

ЕЛЕКТРА.

О Боги! Онъ! Орестъ! . . . Но вѣрно ли сіе?
Ахъ! Тщетно не терзай ты сердце тѣмъ мое!

Орестъ ты говоришъ?

ИФИЗА.

Такъ.

ЕЛЕКТРА.

Суетной мечтою
Престань смущать меня, надеждой льстить
драгою! . . .
Орестъ! Ахъ! Продолжай.—Орестъ здѣсь,
въ сихъ мѣстахъ!
Лишаютъ чувствъ меня надежда, радость,
страхъ!

ИФИЗА.

Два незнакомые, которыхъ щедры боги
На сей послали брегъ, чрезъ волны, бѣдства
строги,
И коихъ воспріялъ усердный намъ Пам-
менъ. —
Одинъ изъ нихъ. . . . .

ЕЛЕКТРА.

О какъ весь духъ мой возмущенъ!
Одинъ изъ нихъ?

ИФИЗА.

Его, среди смущенья строга
Я зрѣла, онъ имѣлъ видъ, стройность полу-
бога,
И побѣдителю подобенъ Трои былъ,
Тѣжъ знаки мужества мнѣ взоръ его
явилъ.
Стараясь удалить нечаянну измѣну,

Казалось въ тайнѣ онъ открылъ себя Паммену.
Наполня сердце имъ, и съ радостью въ очахъ
Искала я тебя на мрачныхъ сихъ брегахъ,
Подъ кипарисами, во храмѣ удаленномъ.
При памятникѣ томъ отца, намъ драгоцѣнномъ
Увидѣла его, онъ лавромъ украшалъ
Гробницу, и водой священной орошалъ,
Несъ жертвы, и власы въ усердье несказанномъ
Свои онъ положилъ на гробѣ томъ печальномъ;
А съ ними еще мечь, кропя слезами зракъ.
Не ясноль къ мщенію даетъ намъ небо знакъ? —
И ктобь опричь его, Героя, брата сына,
Къ спасенію сихъ странъ, что щедра шлетъ судьбина,
Егисту вопреки, средь сихъ ужасныхъ мѣстъ
Дерзнулъ такъ поступить?—Одинъ, одинъ Орестъ!
То онъ отмщеніемъ и славою влекомый. —
Блеснула молнія, и скоро грянутъ громы.

ЕЛЕКТРА.

Я вѣрю.—Но страшусь! Не кроется ль обманъ,

Не ковъ ли намъ какой устроилъ нашъ тиранъ?
Пойдемъ.—Ахъ! Въ щастіи увѣриться мнѣ должно,
Коль онъ, то сердце мнѣ повѣдаетъ неложно.

ИФИЗА.

Меня предупредилъ о семъ уже Памменъ,
Что ходъ въ жилище то печально запрещенъ.—
Онъ жизнью отвѣчать. . . .

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Что ты мнѣ сказала?
Нѣтъ. — Ты обманута, надежда льстить престала!
Черезъ шестнадцать лѣтъ увидя свой возвратъ
Въ объятья спасшей жизнь его спѣшилъ бы братъ,
Утѣшилъ бы мое тѣмъ сердце огорченно,
И отъ Ифизы бы нескрылъ лице смущенно.
Тебѣ надежду рокъ, мнѣ кажетъ страхъ мечемъ.—
Безчеловѣчна мать извѣстна обо всемъ.
Я съ ней здѣсь видѣлась, взоръ лютый то являетъ,
Что сына своего она кончину знаетъ. —
Что нужды.—Да польститъ надежда намъ хоть разъ.—
О Боги мщенія! Не оставляйте насъ!

Паммен противиться не въ силахъ изступленью. —
Пойдемъ! Что воспретитъ души моей стремленью?

ИФИЗА.

Ты губишъ тѣмъ себя, страшися бѣдъ, вреда! —
Ты знаешъ, зто Егистъ блюдетъ насъ за всегда.
Коль странникъ сей нашъ братъ, нескромнымъ симъ желаньемъ
Откроемъ, и сразимъ его своимъ свиданьемъ;
А если то не онъ, и взоръ мой обольщенъ
Тиранъ явитъ свой гнѣвъ, погибнетъ имъ Паммен.
Я прахъ родителя спѣшу почтить священный,
Отрады мнѣ сіи въ печали позволенны.
Возмогутъ странники еще явиться тамъ,
Возможетъ небо внять усердія мольбамъ;
То небо, что винятъ твои слова жестоки,
Возможетъ помощъ дать, зря слезъ горчайшихъ токи:
Пойдемъ.

ЕЛЕКТРА.

Окончитсяль ужасна скорбь сія?
Коль я обманута, прервется жизнь моя!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ.

Одинъ невольникъ несетъ урну, а другой мечь.

ПИЛАДЪ.

Всегда ли будешъ ты душею пламенѣя
Терпѣть мученія потомственны Атрея?—
То нѣжностію бывъ, то бѣшенствомъ смущенъ?

ОРЕСТЪ.

Такъ суждено.—Орестъ для ужаса рожденъ.
Я былъ въ семъ капищѣ, какъ дружбой ты внушенный,
Хранилъ остатки мной, тебѣ препорученны;
Я звалъ тамъ тѣнь отца, его лобзая прахъ,
И жертвы приносилъ омытыя въ слезахъ.
Но вдругъ узрѣлъ жену отчаянну, смущенну,
Стремящусь съ воплями въ пещеру ту подземну,
Какъ будто ужасомъ злодѣйствъ устрашена,
Отъ Бога мщенія скрывалася она!
Тутъ взоръ ея ко мнѣ свирѣпый обратился;

Хотѣла говорить. — Но гласъ остановился.
И пропасть мрачная отверзлася тотъ часъ,
Явились Фуріи, толпами между насъ!
Ихъ пламень, строгій крикъ, змѣй вьющихся шипѣнье,
Вселили ужасъ мнѣ, и страшное смущенье!...
Я въ бѣшенствѣ не могъ руки здержать моей,
Стремящейся пронзить жены грудь лютой сей! —
Затмилъ разсудокъ мой, духъ мести и раздора!
Межъ тѣмъ отъ моего она сокрылась взора,
Необращаяся къ богамъ въ мольбахъ своихъ,
Страшилась, зрѣлося, непочитая ихъ. —
А далѣ робкая дѣвица воздыхая,
На гробъ, на памятникъ взоръ томный обращая
Орестъ! Промолвила, ко мнѣ взведя свой взглядъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ, ПАММЕНЪ.

ОРЕСТЪ *къ Паммену.*

О покровитель всѣхъ Агамемнона чадъ!
Къ которому меня, среди ужасныхъ видовъ
Богъ мщенія привелъ! — Открой судьбу Атридовъ:

Кто двѣ особы тѣ, изъ коихъ здѣсь одна
Явилась въ страхѣ мнѣ, другая чувствъ полна
Питала грусть? . . . .

ПАММЕНЪ.

Одна изъ нихъ есть матерью твоею.

ОРЕСТЪ.

Увы! — И прахъ отца толь презираемъ ею!

ПАММЕНЪ.

Прощенья у боговъ пришла она молить,
Котораго во вѣкъ не можетъ получить;
Но ты Ифизу зрѣлъ, въ той горестной дѣвицѣ
Сестру твою, ей ходъ невоспрещенъ къ гробницѣ.

ОРЕСТЪ.

Електра, что теперь? . . .

ПАММЕНЪ.

Мнитъ, что ты жизнь скончалъ,
Страдаетъ. . . .

ОРЕСТЪ.

Боги! Рокъ мой вамъ подвластенъ сталъ.—
По чтожъ не хощете, чтобъ я въ моемъ смущенье
Утѣшилъ сестръ моихъ въ печали, въ оскорбленье?—
Что вижу? Весь мой родъ въ ужасныхъ сихъ мѣстахъ,
Одно уныніе лишъ зрятъ въ своихъ душахъ!

ПАММЕНЪ.

Покорствуй небесамъ.

ОРЕСТЪ.

Сколь ихъ законы строги!

ПАММЕНЪ.

Ты неропщи на нихъ. — Хранятъ насъ ими боги.
Оставлена имъ месть.—Она у нихъ въ рукахъ.
Кто смѣетъ помогать безсмертнымъ въ ихъ дѣлахъ?
Електра повредитъ тебѣ, небывъ полезной
Нравъ пламянной ея, жестокость доли слезной
Препятствуютъ скрывать, иль что либо щадить,
И вмѣсто мщенія, насъ могутъ погубить.

ОРЕСТЪ.

Ахъ! Должноль мнѣ ее обманывать въ напасти?

ПАММЕНЪ.

Незабывай боговъ, и силу вышней власти,
Которая тебя спасла среди смертей,
А если шагъ одинъ поступишъ противъ ней,
Узришъ гоненіе, въ раскаянье жалѣя. —
Страшись нещастный сынъ Тантала и Атрея!
Страшись, чтобъ въ сихъ мѣстахъ ты небылъ пораженъ
Судьбами тѣхъ, отъ чьей ты крови въ свѣтъ рожденъ!

ОРЕСТЪ.

Почто толь строгіе законы правятъ нами;
Грозятъ печалями, терпѣніемъ, трудами?
Довольно смертныхъ родъ и такъ обремяненъ,
Тоской, заботами, бѣдами окруженъ. —
Но бывъ рабомъ, винить владыку не дерзаю.—
Покорствую Памменъ.

ПАММЕНЪ.

Должно.—Я поспѣшаю
Тирана взоръ затмить коварною мечтой:
Скажу ему, что здѣсь, въ сей день убіица твой
Ореста въ урнѣ прахъ ихъ собранной представитъ.

ОРЕСТЪ.

Иди. — Но лесть сія краснѣть меня заставитъ.

ПАММЕНЪ.

Я жертву ослѣплю, чтобъ поразить ее.

ЯВЛЕНІЕ III.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ.

ПИЛАДЪ.

Скрывай невольное смущеніе свое,
И въ сердцѣ заключи всю важность страшной тайны. —
Повѣрь мнѣ, женщины и слезы чрезвычайны
Агамемнона кровь несильны отомщать.

ОРЕСТЪ.

Егиста обольстимъ, жестокую съ нимъ мать,
Явить потщимся ей, то утѣшенье ложно,
Коль радоваться ей о смерти сына можно,
И съ удовольствіемъ его зрѣть хочетъ прахъ?

ПИЛАДЪ.

Намъ должно ихъ дождать обоихъ въ сихъ мѣстъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА *съ одной стороны*, ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ *съ другой.* — *Невольникъ держитъ урну и мечь.*

ЕЛЕКТРА.

Надежда тщетная родитъ мученье ново!
Ахъ! Испровергло все, одно Паммена слово!
Изчезъ пріятный сонъ, что утѣшалъ меня,
И слабый оный свѣтъ благополучна дня
Оставилъ по себѣ мракъ ночи и ненастья!
Жизнь наша есть ничто, какъ только цѣпь нещастья!

ОРЕСТЪ *къ Пиладу.*

Кто та царевна здѣсь съ сей узницей, рабой?

ИФИЗА *къ Електрѣ.*

О заблужденія! Вы духъ прельстили мой!

ЕЛЕКТРА

Орестъ! Драгой Орестъ! Ахъ! Тщетно я взываю!
И тщетно для тебя жизнь горьку продолжаю!

ОРЕСТЪ *къ Пиладу.*

Ореста слышу я зоветъ къ себѣ она!

ИФИЗА *къ Електрѣ.*

Вотъ странники сіи.

ЕЛЕКТРА *къ Ифисѣ.*

Какъ я поражена!
Смутилибъ и меня сіи мечтанья живы!

Къ Оресту.

Скажите мнѣ, кто вы, пришельцы нещастливы?
И что вы ищете на страшныхъ сихъ брегахъ?

ПИЛАДЪ.

Мы ждемъ присутствія и воли въ сихъ мѣстахъ
Царя, которой днесь въ Аргосѣ обладаетъ.

ЕЛЕКТРА.

Онъ Царь? — И Грекъ его симъ титломъ величаетъ? —
Тирана, кой прервалъ Агамемнона вѣкъ!

ОРЕСТЪ.

Зри скорбъ ея Пиладъ, и токи слезныхъ рѣкъ.
Взгляни какъ грусть ея мученья обновляетъ.
Ахъ! То Електра!

ЕЛЕКТРА.

Такъ, меня твой взоръ встрѣчаетъ. —
Електру кажетъ всѣмъ видъ жалостный,
смущенъ!

ИФИЗА.

Ты побѣдителя зришъ Иллiонскихъ стѣнъ
Остатки горестны, въ насъ дщеряхъ двухъ
нещастныхъ

ОРЕСТЪ.

О небо! Подкрѣпи! . . . .

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Что въ мѣстахъ ужасныхъ
Намѣрены теперь вы отъ Егиста ждать?

ПИЛАДЪ.

О щастiи его хотимъ ему сказать.

ОРЕСТЪ.

Ахъ! Для чего я васъ утѣшить здѣсь не-
смѣю?—
Кляну несносный долгъ, и въ сердцѣ сожа-
лѣю,
Что отягчаю тѣмъ я жребiй вашъ жес-
токъ!

ИФИЗА.

Какой еще грозитъ собой намъ лютый рокъ?

ЕЛЕКТРА.

Вѣщай. и съ жизнiю прерви всѣ бѣдства
строги!

ПИЛАДЪ.

Орестъ! . . .

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Что?

ОРЕСТЪ.

Гдѣ я?

ЕЛЕКТРА *увидя урну.*

О мстительные боги!
Увы! То урна! . . . Ахъ! . . . Молчатъ! . . .
Мрачится свѣтъ! . .

ИФИЗА.

Возможно ли снести?—И такъ! — Его ужъ нѣтъ! . . .

ОРЕСТЪ *къ Пиладу.*

Она лишилась чувствъ;—Я стражду! . : цѣпенѣю! . . .
О боги!—И по что увидѣлся я съ нею?
Къ держащему урну.
Спѣши сей памятникъ скорѣй отселѣ взять,
Онъ для другихъ очей. . . . .

ЕЛЕКТРА *приходя въ себя и стремясь къ урнѣ.*

Что ты дерзнулъ сказать?
Ахъ! Не лишай меня! Тронись, тронись слезами! . . .
Умру я съ ней! Позволь, коснуться хоть руками
Остаткамъ симъ, хранитъ еще, что власть судьбинъ!
Подай! . . .

Беретъ и объемлетъ урну.

ОРЕСТЪ.

Что дѣлаешъ? Оставь! . . .

ПИЛАДЪ.

Егистъ одинъ
Достоинъ то принять печально приношенье.

ЕЛЕКТРА.

О край нещастія! О ново преступленье!
Въ рукахъ его я прахъ Ореста зрѣть должна! . . . .
Ахъ! Я убійцами его окружена!

ОРЕСТЪ.

О какъ свирѣпый рокъ!—Ты духъ мой сокрушаетъ? . . .
Нѣтъ!—Не могу. . . .

ЕЛЕКТРА.

Со мной ты слезы раздѣляешъ? . . .
Для имяни боговъ, и сына тѣхъ Царей! . . .
Коль не убійца ты?—Когда рукой своей
Ты удостоилъ прахъ собрать его нещастной! . . .

ОРЕСТЪ.

О Боги! . . .

ЕЛЕКТРА.

Жаль, коль сей кончины толь ужасной
Извѣстенъ ли тебѣ его былъ жребій злой?
Онъ другъ ли былъ тебѣ!—И кто ты самъ, открой! . . .
Твои черты! . . . Но ты молчанье сохраняешъ!—
Жалѣя обо мнѣ, жестоко умерщвляешъ!

*

ОРЕСТЪ.

О какъ небесна власть мнѣ сердце тяготитъ?

ЕЛЕКТРА.

Что ты сказалъ?

ОРЕСТЪ.

Оставь ты сей ужасный видъ!

ЕЛЕКТРА.

Неужель всѣхъ сердца ко мнѣ одной жестоки?
Ты презираешъ стонъ и слезные потоки!
Нѣтъ странникъ!—Не отдамъ свирѣпости твоей
Предметъ дражайшій мнѣ, твой даръ печальный сей!
Ахъ! Вотъ Орестъ!—То онъ!... Умру! умру съ тобою!
Кончая жизнь, тебя объемлю сей рукою!....

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ силъ противиться! О небо! Грянь! Блистай!
Електра!

ЕЛЕКТРА.

Что?

ОРЕСТЪ.

Мой долгъ!....

ПИЛАДЪ.

О боги!

ЕЛЕКТРА.

Ахъ!

ОРЕСТЪ.

Познай!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ, ЕЛЕКТРА, ИФИЗА, ПАММЕНЪ, СТРАЖА.

ЕГИСТЪ.

Какое зрѣлище! Мнѣ щастье покоренно!
Памменъ, мой врагъ ужъ мертвъ? ты знаешъ совершенно? —
Я горестью твоей въ сей правдѣ убѣжденъ.

ЕЛЕКТРА.

О злость! Послѣдній день!

ОРЕСТЪ:

Къ чему я доведенъ?

ЕГИСТЪ.

Возмите прахъ отъ ней Ореста принесенной.

берутъ урну изъ рукъ Електры.

ЕЛЕКТРА.

Жестокой! Отними, ты сей залогъ священной!
И вмѣстѣ повели съ нимъ духъ изторгнуть мой!
Соедини отца и брата ты съ сестрой!
Тиранъ! Зри жертвы всѣ упадши подъ стопами!
Блаженствомъ насладись, злодѣйствомъ и грѣхами!
Утѣшся зрѣлищемъ симъ вмѣстѣ въ злой сей часъ
Безчеловѣчна мать! Оно достойно васъ!

Ифиза ее уводитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ, СТРАЖА

КЛИТИМНЕСТРА.

Чего мнѣ ожидать?

ЕГИСТЪ.

Накажемъ зло въ печали.
Пусть вопіетъ къ богамъ.—Насъ боги оправдали
Спокоенъ я, не бывъ убійствомъ омраченъ,
Жизнь въ безопасности, престолъ нашъ утвержденъ.
Вотъ Греки, что спасло свирѣпыхъ бурь волненье.—
Я долженъ наградить ихъ храбрости стремленье.

ОРЕСТЪ.

Такъ, я сей даръ тебѣ представить здѣсь возмогъ,
Кончины важной толь знакъ вѣрный и залогъ.—
Познай сей перстень, мечь, своими ты очами.—
Агамемнонъ носилъ ихъ царствуя надъ вами.
Орестъ имѣлъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Какъ?—Ты возмогъ его сразить!

ЕГИСТЪ.

Побѣду такову достойно наградить.

Кто предкомъ былъ твоимъ? Кого въ самомъ
встрѣчаю?

ОРЕСТЪ.

Извѣстенъ мало я, но быть имъ уповаю.
Отецъ подъ Троей мой достигнулъ чести
сей. —
За Менелая мстя при видѣ всѣхъ Царей,
Пигибъ во времяна нещастія и славы,
Сопровождавшія успѣхи величавы;
Яжъ матерью забвенъ—родства не познаю,
Враги преслѣдуютъ повюду жизнь мою.
Сей другъ, отца и всѣхъ собой мнѣ замѣ-
няетъ,
Духъ чести ищетъ мой, богатство прези-
раетъ.
Таковъ есть мой удѣлъ.

ЕГИСТЪ.

Скажи, въ какихъ мѣстахъ
Отмстилъ ты за меня, и палъ несносный
врагъ?

ОРЕСТЪ.

Средь Герміоны странъ, при гробѣ Ахе-
моры,
Гдѣ Епидаврскій храмъ въ лѣсу встрѣчаютъ
взоры!

ЕГИСТЪ.

Но Епидаврскій Царъ на жизнь его воз-
сталъ;
Почтожъ къ щедротамъ ты его не прибѣ-
галъ?

ОРЕСТЪ.

Я мщенія ищу, гнушаюсь мыслью тою,
И жизнь враговъ моихъ непродается мною.
Причины тайныя вооружили духъ,
Извѣстенъ обо всемъ мой сей единый другъ.
Я не тягча Царей, обиды мстить умѣю.
И не хвалюся сей побѣдою моею. . . .
Прости мнѣ Государь! . . . Мятется разумъ весь! . . .
Агамемнонову вдову я вижу здѣсь!
Быть можетъ ей служу, быть можетъ оскорбляю;
Но презирать ее присутствомъ не дерзаю.
Иду.

ЕГИСТЪ.

Останься.

КЛИТИМНЕСТРА.

Ахъ! Позволь, чтобъ вышелъ онъ.
Ужасенъ взоръ его и множитъ въ сердцѣ стонъ!
Его я встрѣтила жилища средь подземна,
Гдѣ опочіетъ тѣнь Царя окровавленна,
Съ нимъ зрѣлись фуріи со пламенемъ въ рукахъ!

ЕГИСТЪ.

Кто? Ты!—Зачемъ дерзнулъ явиться въ тѣхъ мѣстахъ?

ОРЕСТЪ.

Я шелъ какъ и она молить себѣ прощенья
Отъ тѣни страшной той, что требуетъ отмщенья.—

Очистить шелъ себя отъ крови пролитой.

КЛИТИМНЕСТРА.

О какъ слова его разятъ духъ скорбный мой!
Да скроется отъ глазъ, Ореста, сей убійца!

ОРЕСТЪ.

Я слышалъ, онъ тебѣ былъ пагубенъ Царица.—
Онъ долженъ былъ всегда въ лѣсахъ себя скрывать,
И право преобрѣлъ, чтобъ ненавидѣть мать.

КЛИТИМНЕСТРА.

Для крови своея родился онъ отмщенья.—
Таковъ его былъ рокъ; и можетъ всѣ стремленья,
Однакожъ смерть сія тяжелѣ мнѣ всего,
Я трепещу тебя, избавясь отъ него!

ОРЕСТЪ.

Чтобъ сынъ возсталъ на мать являя сердце гнѣвно?...
Ахъ! Можноль позабыть то чувствіе священно?
Онъ чтилъ въ ней кровь свою, и можетъ быть желалъ...

КЛИТИМНЕСТРА,

О небо!

ЕГИСТЪ.

Что? Какъ? Гдѣ? Когда его ты зналъ?

ПИЛАДЪ.

Онъ весь теряется.... Нещастье съединяетъ
Двухъ страждущихъ; но рокъ ихъ часто разсторгаетъ. —
Онъ въ Делфѣ зналъ его.

ОРЕСТЪ.

Тамъ замыслъ могъ открыть.

ЕГИСТЪ

Къ чемужъ стремился онъ?

ОРЕСТЪ.

Чтобъ грудь твою пронзить.

ЕГИСТЪ.

Пренебрегалъ я месть ту сердца воспаленна. —
Но имянемь его Електра ободренна
Вездѣ раздоръ стремитъ, въ бѣдахъ своихъ стеня. —
Ты больше тѣмъ отмстилъ Електрѣ за меня.
Въ сей день она намъ край явила оскорбленья.
Прими ее въ числѣ инаго награжденья.
Да та, заклявшаясь на вѣкъ душею злой
Являть всѣ дерзости упорства предо мной,
Презрѣвша щастіе, союзъ презрѣвша сына,
Достойная сестрой Ореста быть едина,
Пусть будетъ въ узахъ днесь на вѣкъ рабой твоей.
Я воздаю тебѣ, но гнѣвъ являю ей.—
Когда нещастный родъ великаго Пріяма

Оковы могъ влачить средъ низкости и срама;
Агамемнома кровь тужъ можетъ зрѣть
степень.

КЛИТИМНЕСТРА.

Какъ? Я могу стерпѣть! . . .

ЕГИСТЪ.

Ахъ! Въ сей Царица день
Еще ли нелишитъ ее ты въ сердцѣ мѣста?—
Електры нещади, лишась на вѣкъ Ореста.

Къ Оресту.

А ты оставь сей прахъ, да гнѣвъ мой на-
сытитъ.

ОРЕСТЪ.

Пріемлю даръ.—Сей прахъ тебѣ принадле-
житъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Стремится далеко и ненависть и мщенье!—
Да скроется онъ взявъ другое награжденье.
И ты, повѣрь, оставь со мной сей берегъ
самъ,
Гдѣ только мертвыхъ прахъ является очамъ.
Какъ намъ торжествовать, презрѣвъ всю
лютость страха,
Межъ урны сына здѣсь, и межъ отцовска
праха?
Какъ можемъ мы призвать семейственныхъ
боговъ,
Которыхъ оскорбилъ ты тягостью грѣ-
ховъ?—

Предстать въ величіи надгробному обряду,
И Клитимнестры кровь убійцѣ дать въ награду?
Нѣтъ!—Ужасы меня не престаютъ смущать!
Коль я познала страхъ.—Ты долженъ трепетать!
Терзаюся я здѣсь сего убійцы взглядомъ,
И сердце все мое наполнилося ядомъ!
Я больше не могу сносить сей ужасъ злой.
Увы! Хотѣлабъ я бѣжать себя самой!

ЕГИСТЪ *къ Оресту.*

Пребудь, доколь ее обезоружитъ время.
Природа вопіетъ. — Тягчитъ то сердце бремя;
Но вскорѣ разуму подвергнется она,
И польза будетъ ей внимаема одна.
Ты будь участникомъ сего торжествованья,
Дня брака моего, ея на тронъ вѣнчанья.

Къ послѣдующимъ.

Вы въ Епидавру днесь спѣшите, чтобъ предсталъ
Мой сынъ, и утвердилъ о всемъ, что я узналъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ.

ОРЕСТЪ.

Иди.—Узришъ меня ты въ торжествѣ съ собою.—

Окровавлю его моею я рукою!

ПИЛАДЪ.

Едва смущенья крыть во мнѣ достало силъ.
Боялся нѣжности, твой гнѣвъ меня страшилъ.
Я зрѣлъ какъ въ чувствахъ сихъ ты страшно колебался,
И на тирана какъ душею устремлялся.
Готовъ былъ измѣнить себѣ ты въ сихъ мѣстахъ,
При имяни отца объялъ мнѣ сердце страхъ!

ОРЕСТЪ.

Присутство матери еще страшнѣй мнѣ было.
Предчувство нѣкое мнѣ сердце поразило!
Ты зрѣлъ ли на челѣ и на ея очахъ
Борьбу душевную при всѣхъ моихъ словахъ?
Я чувствовалъ ту самъ, мнѣ храбрость измѣняла,
Мать въ трепетѣ меня собою устрашала!
Долгъ кровь велитъ отца, и за сестеръ отмщать.
Тирана поражу.—Но пощажу я мать. . . .
Електра! Врагъ ея! . . . Кипитъ кровь пламянья!
Какая строгость мукъ? О рокъ! Спѣши скорѣя!
Минуту мщенія приближъ его вины!
Ужъ чувства всѣ мои къ сему упреждены! . .

Когда узрю себя тоски освобожденна? —
И съ кровью съединю Егиста прахъ Пли-
стена?
Пронзенна покажу врага сестрѣ моей,
И заблужденье тѣмъ разсторгну страшно
въ ней?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ, ПАММЕНЪ.

ОРЕСТЪ.

Памменъ, что дѣлалъ ты? Ужель надежда
ясна?

ПАММЕНЪ.

Отъ юности твоей толико дня нещастна,
Въ которой твой отецъ пронзенъ, упалъ
къ ногамъ,
Толь строгая напасть не угрожала намъ.

ОРЕСТЪ.

Какъ?

ПИЛАДЪ *къ Оресту.*

Должно ли еще мнѣ и за тебя страшиться?

ПАММЕНЪ.

Изъ Епидавры здѣсь успѣлъ гонецъ явиться;
Теперь съ Егистомъ онъ, страшуся злыхъ
судьбинъ
Егистъ ужъ вѣдаетъ, что жизнь окончилъ
сынъ.

ПИЛАДЪ.

О небо!

ОРЕСТЪ.

Но всѣхъ бѣдъ извѣстна ли причина,

Что сынъ сей жертвой палъ Агамемнона
сына?

ПАММЕНЪ.

О смерти знаютъ сей, о прочемъ же мол-
чатъ,
И ждутъ еще другихъ гонцовъ сюда воз-
вратъ.
Егистъ таитъ отъ всѣхъ бѣды своей на-
чало,
Что въ Греціи однимъ тираномъ меньше
стало.
Теперь съ царицей онъ въ чертогахъ уда-
ленъ,
Внимаетъ слухъ о томъ.—Но въ немъ не-
утвержденъ.
Вотъ все, что мнѣ сказать успѣлъ служи-
тель вѣрной
Въ преданности къ царямъ, кой здѣсь нели-
цемѣрной
Влачитъ жизнь древнюю, подобно мнѣ тужа,
Неблагодарному тирану ей служа.

ОРЕСТЪ.

По крайней мѣрѣ я позналъ преддвѣрье
мщенья,
И жертвы праведной ужъ началъ прино-
шенья.
Иль боги мнѣ свершить остатокъ воспре-
тятъ,
Или вотще къ тому подвигнутъ я, Пиладъ?

Иль ложну щедрость въ томъ явила мнѣ судьбина,
И чтобъ предать меня отцу, послала сына?
Пойдемъ. — Бѣды велятъ мы кои близко зримъ,
Кому не страшна смерть, тотъ дастъ ее другимъ.
Доколѣ большій свѣтъ не озаритъ гнѣвъ лютый,
Хочу я посвятить на то сіи минуты.

ПАММЕНЪ.

И такъ, должно тебѣ явиться, и узрѣть
Тѣхъ, кои за тебя желаютъ умереть.
Есть много таковыхъ, и меньше чемъ извѣстны,
Тѣмъ болѣе они намъ могутъ быть полезны.

ПИЛАДЪ.

Пойдемъ.—Коль имяна твое сестры твоей,
Къ престолохищнику ядъ ненависти сей,
Агамемнона прахъ, судьбы, сей гробъ священной
Не сохранятъ тебя отъ злобы разъяренной,
Коль жизнь твоя должна здѣсь быть прекращена,
То знай, моя тебѣ давно посвящена.
Погибнемъ вмѣстѣ мы, коль жребій сей устроенъ,
Умретъ, Пиладъ умретъ, Ореста бывъ достоенъ!

ОРЕСТЪ.

Коль долженъ гибнуть я? Стреми громъ
небо свой! —
Но храбрость съ дружествомъ щадить въ
немъ удостой!

Конецъ третьяго дѣйствія

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ

ОРЕСТЪ.

Паммена мудраго усердное раченье,
Успѣло обмануть тирана подозрѣнье.
Онъ рекъ, что гнѣвъ боговъ къ Танталу тотъ суровъ
Постигъ послѣдняго изъ всѣхъ его сыновъ. —
Быть можетъ, небеса какъ помощь посылаютъ,
И очи варвара на время ослѣпляютъ;
Но видишъ ты сей гробъ, что мнѣ святѣй всего? —
На немъ я положилъ мечь мщенья моего. —
Онъ святотатственной похищенъ сталъ рукою. —
Страхъ смертный не даетъ защиты здѣсь собою.
Боюсь, когда явятъ Егистовымъ очамъ,
Чтобъ онъ не измѣнилъ въ ужасной тайнѣ намъ. —
И должно ускорить минутою отмщенья.

ПИЛАДЪ.

Пождемъ надежнаго Паммена попеченья.
Устроя въ тайнѣ все, въ мѣстахъ пустынныхъ сихъ,
Сберется здѣсь къ нему часть подданныхъ твоихъ;
А мы придемъ тремя различными путями,
И близъ гробницы сей ты съединишся съ нами.

ОРЕСТЪ.

Пойдемъ Пиладъ. — Но Ахъ! Жестокой сей законъ,
То сердце, что живетъ лишъ мной сражаетъ онъ! —
Електра, въ горести, о мнѣ одномъ крушится!

ПИЛАДЪ.

Ты клялся, продолжай. — Ее должно страшиться. —
Безъ пользы погубить возможетъ насъ она.
Тиранъ готовъ возстать отъ пагубнаго сна.
Сокрой чистѣйшую любовь лиша свободы,
Почто страшиться здѣсь отвергнуть гласъ природы?
Оставь напрасное смущеніе сіе,
Мстить должно тяжкій плѣнъ, не утѣшать ее.

*

ОРЕСТЪ.

Пиладъ она идетъ, меня искать конечно,

ПИЛАДЪ.

Брегись предстать предъ ней. — Смущенье зрю сердечно.
Поди. — Я буду знать ея всѣхъ мыслей видъ,
И око дружества ни что не обольститъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА, ПИЛАДЪ,

ЕЛЕКТРА.

О Извергъ! Скрылся онъ отъ взора оскорбленна. —
Объята горестью, слезами упоенна
Должна я мщенія надежду всю терять!

Къ Пиладу.

Трепещешъ! — На меня несмѣешъ ты взирать
Участникъ тяжкихъ винъ! Скажи, скажи нещастный! —
Куда сокрылъ себя убійца сей ужасный,
Властитель, коему тиранъ меня вручилъ?

ПИЛАДЪ.

Онъ исполняетъ долгъ, что рокъ ему судилъ.

Послѣдуй въ томъ ему, онъ чтитъ боговъ
велѣнье.
Нерѣдко замыслы скрываетъ превидѣнье;
Оно ведетъ насъ въ путь среди ужасной
тмы
Чрезъ тайныя стези, незнаемъ коихъ мы,
Ввергаетъ въ пропасти, и силою десницы
Не рѣдко на престолъ возводитъ изъ те-
мницы,
Являетъ въ гробѣ жизнь, въ бѣдахъ бла-
женства край;
Ты въ новой скорби сей надежды не теряй;
Покорствуй. — Вотъ все, что сказать те-
бѣ имѣю.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА.

ЕЛЕКТРА.

Онъ множитъ злость мою ужасной рѣчью
сею!
Иль мнятъ, что преноситъ съ терпѣніемъ
должна
Обиды, коими я толь оскорблена?
Агамемнона смерть, и брата убіенье,
Не слабое ли имъ является мученье?
Пятнатцать лѣтъ меня стараются тѣ-
снить. . . .

Ахъ! Мнѣль потомъ рабой убійцы брата быть? —
И угнѣтаемой ужасною рукою
Служить тому, кто родъ пресѣкъ мой злой судьбою?
О Мечь! Кровавый мечь! Кой днесь средь новыхъ злобъ
Въ тріумфѣ возложенъ на сей священный гробъ!
Желѣзо кровію Ореста обагренно,
Чемъ сердце возмогло мое быть обольщенно,
Ты оскорбляюще истлѣвшій смертныхъ прахъ! —
На подвигъ истинный стремись въ моихъ рукахъ!
Егистъ, сказали мнѣ, съ царицей въ удалѣнье,
Конечно новое пріемлетъ пепеченье,
Стремится можетъ быть избѣчь руки моей. —
Но не спасетъ себя убійца брата сей.
Коль немогу въ крови обоихъ обагриться,
Пойдемъ. — Хоть надъ однимъ пусть месть моя свершится!

ИФИЗА.

Но точно ли Орестъ погибъ его рукой? —
Я думала обресть въ немъ сердце, нравъ иной.

Я зрѣла, какъ дѣлилъ онъ съ нами огор-
ченье,
И къ праху нашего отца являлъ почтенье.

ЕЛЕКТРА.

Мать тоже дѣлаетъ. — Ахъ! Часто самъ
злодѣй
Въ крови купаяся трепещетъ олтарей,
И жертвы воздаетъ преступными руками;
Увы! Возможноли пренебрегать Богами?
Нѣтъ, духъ обманутъ мой вовѣкъ небудетъ
имъ.
Зри какъ онъ хвалится убіивствомъ стра-
шнымъ симъ?
Егистъ, не отдалъ ли меня убійцѣ злому? —
Не естьли я доводъ тиранству таковому? —
Не естьли я цѣна кончины лютой сей?
И сомнѣваться ты еще возможешъ въ ней. —
Какъ въ гробъ влекутъ меня родство, пе-
чалей сила!
Ахъ! Естьли ты меня сестра моя любила?
Послѣдни зря часы, ты сжалься надо мной!
Должно мнѣ ихъ, должно покрыть сей кровью
злой! . . .
Что дѣлаетъ Памменъ? Поди, узнай ско-
рѣя. —
Не при царицѣль мнѣ искать сего злодѣя?
Вѣщаютъ, что она узря моихъ враговъ,
Спокойно слушала весь ядъ ужасныхъ
словъ! —

И зрѣли, какъ она, (сему я вѣрить стала.)
Ту радость лютую съ супругомъ раздѣляла!
Мать! . . Боги! . . Я въ глазахъ ея своей
рукой
Хочу изторгнуть духъ сего убійцы злой!
Хочу! . . . .

ИФИЗА.

Ахъ! Въ горести твой гнѣвъ къ ней
есть напрасенъ,
Ей былъ убійцы взоръ несносенъ и ужасенъ.
Сестра моя, твой духъ жестоко воспаленъ.
Пойду, увижу я, что дѣлаетъ Памменъ?
Електра, можетъ быть отъ насъ скрыва-
ютъ тайну,
И вижу я во всемъ премѣну чрезвычайну.
Страшатся въ бѣдствіи узрѣть тебя тво-
емъ,
Неосмотрительность нещастнымъ сродна
всѣмъ. —
Всѣ удалются. — Памменъ себя скрываетъ,
Незнаю я, что онъ еще предпринимаетъ?
Позволь съ нимъ говорить и пользѣ внять
твоей,
Страшись раскаянья въ ужасной долѣ сей.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕЛЕКТРА *одна.*

Раскаяніе! Ахъ! Коль всѣ бѣды мнѣ зрятся,
Вѣрнѣе тѣмъ мои удары устремятся!

Придите Фуріи отмстить моимъ врагамъ!
Ужасныя мѣста сіи извѣстны вамъ!
Чертогъ сей больше зритъ въ себѣ грѣховъ жестокихъ,
Чемъ жертвъ храните вы средь пропастей глубокихъ!
О дщери мщенія! Духъ ободрите мой!
Предстаньте съ смертію, со страхомъ, съ мукой злой!
Да плямянники здѣсь Геены воспылаютъ!
Орестъ, Агамемнонъ, Електра къ вамъ взыютъ!
Но се они!...Я зрю безстрашно Евменидъ!
Ужаснѣй мнѣ стократъ моихъ тирановъ видъ!....
Ахъ! Вотъ идетъ мой врагъ въ слѣдъ лютому злодѣю
Стремятся Фуріи съ свирѣпостью своею! —
Мнѣ адъ являетъ самъ его преступну грудь!

ЯВЛЕНІЕ. V.

ЕЛЕКТРА *въ концѣ*. ОРЕСТЪ *съ другой стороны*.

ОРЕСТЪ.

Гдѣ я? велѣли мнѣ, сюда склонить свой путь!....
Отечество! — Ты шлешъ на родъ мой истребленья!

Обѣдственна страна Тантала чадъ рожденья!
О злыхъ преступниковъ! Героевъ славныхъ
родъ. —
Или въ мученьяхъ вѣкъ страдать ихъ дол-
женъ плодъ?
Здѣсь ужасъ царствуетъ! Страшитъ меня
собою!....
Но я виновенъ въ чемъ? За что гонимъ
судьбою?
Иль немогу и я изъятъ отъ золъ ихъ быть?
ЕЛЕКТРА *приближаясь изъ глубины Ѳеатра.*
Кто руку держитъ мнѣ? Почто страшусь
разить?
Приближимся. .....

ОРЕСТЪ.

Чей гласъ внимаю я нещастный?....
Отецъ! Супругъ! О прахъ дражайшій и ужа-
сный! —
Агамемнона тѣнь! — Иль воздыхаешъ ты?

ЕЛЕКТРА.

О небо! Онъ его зоветъ, иль то мечты?....

ОРЕСТЪ.

Електра горестна! . . .

ЕЛЕКТРА.

Меня зоветъ! . . . Вздыхаетъ!. . . .
Ещель раскаянье въ мѣстахъ сихъ обита-
етъ?
Но справедлива местъ внимать то не дол-
жна!

Приближаясь къ Оресту.

Сразимъ! . . . Умри тиранъ!

ОРЕСТЪ *останавливая ея руку.*

О Боги! То она!

Електра!

ЕЛЕКТРА.

Внемлю что?

ОРЕСТЪ.

Что ты начать желала?

ЕЛЕКТРА.

Всю кровь твою пролить, за брата мстить
искала!

ОРЕСТЪ *взирая съ умиленіемъ.*

Мстить! — И кому? . . .

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Что? Сей гласъ его и видъ,
Отводитъ мой ударъ, смущаетъ и стра-
шитъ! . . .
Не яли твоего злодѣйства награжденье?...

ОРЕСТЪ.

Увы! Я твой навѣкъ!

ЕЛЕКТРА.

О суетное мщенье!
По что виня тебя, мятется мысль моя?

ОРЕСТЪ.

Сестра Орестова!

ЕЛЕКТРА.

Ахъ!

ОРЕСТЪ.

Заблуждаюсь я! , ...

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! не таись предъ мной! Откорой то преступленье,
Которо я начать имѣла дерзновенье! . . . .
Скажи! Яви мнѣ свѣтъ! Отвѣтствуй и рѣшись! . . .

ОРЕСТЪ.

Я немогу! Бѣги! . . .

ЕЛЕКТРА.

Какъ! — Мнѣ бѣжать?

ОРЕСТЪ.

Страшись!

ЕЛЕКТРА.

Чего?

ОРЕСТЪ.

Я! . . . Перестань. . . Брегись, чтобъ непознали! —

ЕЛЕКТРА.

Ты страхъ являешъ мнѣ и радость и печали

ОРЕСТЪ.

Коль брата любишъ ты! . . .

ЕЛЕКТРА.

Мнѣ онъ милѣй всего! —
Я зрю черты отца! — И слышу гласъ его!
Природа вопіетъ и тайну проницаетъ! . . ,
Ты братъ мой! Такъ она! Она тебя являетъ! ! —

Ахъ! Ты! Я зрю тебя!..Возможноли стер-
нѣть?
Увы! Сестра твоя въ тебѣ стремила смерть!

ОРЕСТЪ *объемля ее.*

Пусть громъ небесъ гремитъ! Природы
глазъ слышнѣе!—
Хоть боги мнѣ претятъ! Електра ихъ силь-
нѣе!

ЕЛЕКТРА.

Сестра съ тобой, а ты страшишся гнѣва
ихъ.

ОРЕСТЪ.

Онъ скроетъ отъ очей на вѣкъ меня тво-
ихъ!—
Но боги къ слабостямъ, не ужель толь же-
стоки?

ЕЛЕКТРА.

Не слабость, доблесть то, зри слезъ
усердья токи!
Ты подвергалъ меня, чтобъ грудь твою
пронзить!

ОРЕСТЪ.

Я клятвѣ измѣнилъ!

ЕЛЕКТРА.

Немогъ не измѣнить.

ОРЕСТЪ.

Се таинство боговъ.

ЕЛЕКТРА.

Я въ таинахъ дерзновенна.—

Жизнь клятвами моя отмщенью посвящен-
на. —
Чегожъ страшишся ты?

ОРЕСТЪ.

Я мѣстъ страшуся сихъ!
Оракуловъ, боговъ и предковъ всѣхъ моихъ!

ЕЛЕКТРА.

Ихъ кровь очистится, свершай злу казни
строги. —
Всѣ намъ благоволятъ Оракулы и боги
Отвергнувъ мой ударъ и устремляя твой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕЛЕКТРА, ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ,
ПАММЕНЪ.

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Щастіе мое ты раздѣли со мной
Другъ брата моего! — Зри радость чрез-
вычайну!

ПИЛАДЪ *Оресту.*

Какъ? Ты уже открылъ сію священну тайну?

ОРЕСТЪ.

Коль хочетъ небо, чтобъ я сталъ ему вни-
мать? —
Пусть дастъ такой законъ, чтобъ могъ я
исполнять.

ЕЛЕКТРА *къ Пиладу.*

Ты сѣтуешъ, что онъ прервалъ мои мученья
Какой законъ тебя, какія повелѣнья
Стремятъ къ намѣреньямъ моихъ тирановъ злыхъ,
И брата изторгать велятъ изъ рукъ моихъ?
Въ какой хотѣлъ меня ты зрѣть жестокой части?

ПИЛАДЪ.

Хотѣлъ спасти его, отмстить твои напасти.

ПАММЕНЪ.

Княжна тебя стрегутъ страшись еще бѣды. —
Щитаютъ вздохи всѣ, и всѣ твои слѣды.—
Здѣсь тайныя друзья горятъ явить гнѣвъ мщенья,
И укрываются тирана подозрѣнья.
Твой признанъ ими братъ. — Они подкрѣплены.
Готово. — Мѣры всѣ уже учреждены.

ЕЛЕКТРА.

Непредалъ ли меня Егистъ, тиранъ надменный
Рукамъ, что мнилъ въ крови его быть обагренны?

Къ оресту

Мой жребій не тебѣль вручилъ предъ всѣми онъ?

Такъ, ты властитель мой, я чту его закон. —
Хоть разъ тирана власть священною мнѣ зрится.
Все помогаетъ намъ.

ПАММЕНЪ.

Все противъ насъ стремится.
Егистъ въ смущеніи являетъ страшный взоръ. —
Его сомнѣніе, есть къ смерти приговоръ.
Намъ должно разойтись.

ПИЛАДЪ *къ Паммену.*

Дерзай О другъ мой! Смѣло,
Спѣши сбирать друзей, свершай начато дѣло.
Минуты дороги не должно ихъ терять.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ЕЛЕКТРА, ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ, СТРАЖА.

ЕГИСТЪ.

Защиты правъ моихъ, скорѣй спѣшите взять
Сихъ двухъ измѣнниковъ и заключить въ оковы.

ОРЕСТЪ.

Предъ симъ не зрѣлися цари здѣсь толь суровы. —
Примѣръ гостепріимствъ являли всѣмъ собой.

ПИЛАДЪ.

Виновны въ чемъ, Егистъ, мы стали предъ тобой?
Хоть юнаго сего ты пощади героя.

ЕГИСТЪ.

Ступайте, строгость всю къ симъ странникамъ удвоя!—
Вы содрогаетесь! . . . .
Указывая на Ореста.
Васъ взоръ его страшитъ? . . .
Ступайте говорю, да гнѣвъ мой не коснитъ!
Влеките ихъ.

ЕЛЕКТРА.

Постой!..Ахъ! Что тиранъ дерзаетъ?..
Постойте! . . . Небо жизнь ихъ само охраняетъ! —
Они священны! . . . Ахъ! Влекутъ! Олютый рокъ!

ЕГИСТЪ.

Електра трепещи! — Твой жребій есть жестокъ!
Преступница! Ты мнѣ открыла свѣтъ ужасной!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЕЛЕКТРА, КЛИТИМНЕСТРА.

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Ежели ты мать? Внемли словамъ нещастной!

Коль чувства смѣю тѣ на память привести?
Жестокія мои упреки отпусти!
То было дѣйствіе ужаснаго смущенія;
Простить возможно стонъ и слезы средь мученья.
Тронися жалостью къ симъ странникамъ двоимъ?
Ты небу угодишъ, когда поможешъ имъ.
Се случай предстоитъ очистить тѣ напасти,
Чрезъ кои ты боговъ страшишся строгой власти.
Быть можетъ возвратишъ покой, спасешъ коль ихъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Что сожалѣніе родитъ тебѣ о нихъ?

ЕЛЕКТРА.

Ты зришъ, что ихъ хранятъ собою сильны боги.
Щадили волны ихъ, щадили бури строги,
Вручило небо ихъ тебѣ, и рокъ послалъ!
Одинъ изъ нихъ! — Увы! Когдабъ твой духъ позналь! . . . . .
Въ Аргосѣль мы еще? Иль зримъ себя въ Тавридѣ? —
Гдѣ жрица лютая въ смущенномъ, страшномъ видѣ
Ліетъ кровь странниковъ на мрачны олтари? . . .

Съ Плистеномъ въ бракъ вступлю. — Мое покорство зри! —
Скажи! — Я узы тѣ охотно возлагаю,
Онѣ приближатъ смерть; но смерти я желаю!
Во всемъ послушна я.

КЛИТИМНЕСТРА,

Ты презираешъ мной. —
Или незнаешъ ты, что вражеской рукой
Пресѣклась жизнь уже нещастнаго Плистена?

ЕЛЕКТРА.

Егистовъ сынъ погибъ? О истинна священна!

КЛИТИМНЕСТРА.

Я вижу вѣстью сей сколь ты восхищена!

ЕЛЕКТРА.

Ахъ! Ужасъ, коимъ я теперь поражена
Претитъ мнѣ радостью такою восхищаться. —
Нѣтъ. — Не могу судьбой нещастныхъ я ругаться.
Невинныхъ кровь меня страшитъ всегда собой!
Спаси сихъ странниковъ и духъ смятенный мой
Тогда въ спокойствіи и радости познаешъ!

КЛИТИМНЕСТРА.

Поди. — Я поняла, меня ты утверждаешъ

Въ томъ подозрѣніи Егистъ чемъ возмущенъ. —
Печалью чрезъ тебя весь духъ мой пораженъ!
Одинъ изъ нихъ Орестъ, сказала ты мнѣ ясно!

ЕЛЕКТРА.

И такъ, коль правда то? Коль небо не напрасно
Внушило мысль сію? Коль сына узрить мать?

КЛИТИМНЕСТРА.

Минуты страшныя! Увы! Что мнѣ начать?

ЕЛЕКТРА.

Ты не рѣшаешся просить ему прощенья?...
Онъ сынъ твой! Небеса! О святость провиднѣья!
Коль ты колеблешся, умретъ конечно онъ!

КЛИТИМНЕСТРА.

Я неколеблюся. — Упреки и твой стонъ
Тѣхъ не ослабятъ чувствъ которые питаю.
Пріемлю я его въ свой кровъ, хоть жизнь скончаю. —
Хоть имя то меня не престаетъ смущать,
Что нужды. — Я всегда ему пребуду мать. —
И къ чадамъ нѣжность та не истребится вѣчно;
Питай ко мнѣ свой гнѣвъ и рвеніе сердечно.

ЕЛЕКТРА.

Нѣтъ. — Я люблю тебя! Окончу жизнь у ногъ!...
Рокъ благостію всѣ нещастья превозмогъ.—
Онъ премѣнилъ сердца, онъ брату далъ спасенье,
И возвращаетъ мать щедроты въ довершенье.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЕЛЕКТРА.

Хотя къ ужаснымъ симъ мѣстамъ претятъ мнѣ путь,
Спѣшу къ нимъ, прихожу, жду, страхъ объемлетъ грудь!
Ахъ! Тщетно вопію, прося боговъ защиты!
Незрю Ифизы я, хоть ей пути открыты!....
Но се, она идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА.

ЕЛЕКТРА.

Чего должны мы ждать?
Царица смѣетъ ли явить собою мать?
Ахъ! Естьли . . . . . Но тиранъ стремяся къ злодѣяньямъ
Противится ея правдивымъ состраданьямъ!
Имѣетъ ли она къ тому довольно силъ?
Вѣщай, и поспѣши, чтобъ рокъ меня сразилъ!
Приближъ послѣдній часъ!

ИФИЗА.

Вся мысль моя смущенна.
Егисту истинна еще не откровенна. —
Онъ заблуждая духъ въ ужаснѣйшихъ мечтахъ
Незнаетъ, точно ли Орестъ въ его рукахъ,
И въ подозрѣніяхъ таится гнѣва сила;
Еще о немъ ему царица не открыла.
Она съ нимъ видится въ горячности своей,
И чувства матери являются всѣ въ ней,
Кровь сына въ серцѣ ей отчаянье наводитъ,
Отъ жалости къ любви всечасно переходитъ.—
Я зрѣла всю борьбу, имѣть что можетъ мать,
Боится говорить, но болѣе молчать. —
Стремится защищать обоихъ сихъ нещастныхъ,
Готовящихся смерть въ мученьяхъ зрѣть ужасныхъ. —
Едва противустать довольно силъ имѣвъ,
Старается сдержать Егиста лютый гнѣвъ.
Повѣрь, когдабъ она назвать дерзнула сына,
Постигла бы его ужасная судьбина.
Орестабъ не было.

ЕЛЕКТРА.

Съ чемъ горесть ту сравнять?
Сразила я его, прося о сынѣ мать!
Тиранъ явитъ весь гнѣвъ ея узря смущенье!

Всегда природа здѣсь стремитъ одно мученье!
Боюсь молчанія! — Боюсь ея речей! . . . .
Ахъ! Я лишалася тогда надежды всей! —
Что дѣлаетъ Наммецъ?

ИФИЗА.

Въ опасностяхъ приспѣлыхъ
Онъ медленность отвергъ лѣтъ дряхлыхъ, престарелыхъ;
Нещастья шлютъ ему и силы и успѣхъ,
Съ друзьями говоря, онъ возбуждаетъ всѣхъ,
И тѣ которые Егистъ окружаютъ,
При имяни Орестъ, роптанье изъявляютъ. —
Ужъ войски, что имѣлъ отецъ его съ собой,
Къ тирану гнѣвъ скрывать немогутъ страшный свой.
Вотъ какъ въ сердцахъ людей правдивость и законы
Даютъ свой слышать гласъ, не зря ни въ чемъ препоны.

ЕЛЕКТРА.

О Боги! Еслибъ я въ душахъ смущенныхъ сихъ
Могла воспламенить всю бодрость силы ихъ! —
Повергнуть въ ихъ сердца, толь слабо пораженны
Ту лютость, чемъ мои всѣ чувства воспаленны!

Ахъ! Еслибы мой братъ приставъ къ симъ
брегамъ,
Скорѣе тайну ту, открылъ моимъ очамъ,
Или хотябъ Паммeнъ старался не напра-
сно!

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ЕЛЕКТРА, ИФИЗА, СТРАЖА.

ЕГИСТЪ.

Паммена задержать, и допросить согласно
Съ злодѣями что я опредѣлилъ на казнь.—
Онъ соучастникъ ихъ.—Я знаю всю пріязнь.
Въ какой меня злой ковъ влекли ихъ престу-
пленья?
Одинъ изъ нихъ Орестъ, и нѣту въ томъ
сомнѣнья.

Къ Клитимнестрѣ.

Престань ихъ защищать теперь въ моихъ
очахъ.
Я вижу, знаю все, и урна, и сей прахъ
Есть сына моего! Отецъ! Отецъ неща-
стный!
Изъ рукъ убійцъ его сей принялъ даръ ужа-
сный!

КЛИТИМНЕСТРА.

Иль вѣришъ ты сему?

ЕГИСТЪ.

Я Вѣрю, знаю самъ

Вражду Тіеста чадъ къ Атреевымъ дѣтямъ. —
Я вѣрю времяни и мѣсту означенну,
Сей жадности отмстить кончину ту плачевну,
Електры бѣшенству, Ифизы грусти сей
И недостойной толь къ нимъ жалости твоей.
Орестъ еще живетъ! — А я лишился сына!
Орестъ въ моихъ рукахъ! .. Отрада месть едина!
Не сохранится онъ отъ гнѣва моего,
Я сыну жертвую и матери его!

КЛИТИМНЕСТРА.

Но знай, что поразитъ сіе меня ужасно!

ЕГИСТЪ.

Тебя?

КЛИТИМНЕСТРА.

Лилась здѣсь кровь невинная напрасно,
Хочу увидѣть я конецъ такимъ бѣдамъ,
Пелопсовъ родъ даетъ ужасны скорби намъ. —
Но ежели мой сынъ въ рукахъ твоихъ незрится,
Почто по слухамъ кровь не вѣрнымъ лить стремится?
Почто невинности желать конецъ суров?
А если онъ мой сынъ, беру его въ свой кровъ. —
Щажу. — Пускай, грозитъ мнѣ съ жизнью разлученье!

ЕГИСТЪ.

Мой долгъ, не внять тому, блюдя твое спасенье.
Страшися жалости сей пагубной и злой!
Все что тебя мягчитъ, духъ раздражаетъ мой!
Одинъ изъ нихъ Орестъ! — Отверзу двѣри гроба!
По что мнѣ разбирать? Пускай погибнутъ оба!

Приближтесь воины.

ИФИЗА.

Ахъ! цѣлой родъ его
Уногъ твоихъ! — Внемли гласъ стона моего!
упадаетъ къ ногамъ.
Дражайшая сестра, покорствовать рѣшися,
Пади къ его стопамъ.

ЕЛЕКТРА.

Къ чему довесть стремишся?
Сестрѣ Орестовой! Какой ужасный стыдъ?--
Но Ахъ! Отчаянье его да побѣдитъ!
Зри униженіе въ которомъ я предстала,
Во вѣкъ бы для себя того не предпріяла!
Нестановясь на колѣна.
Жестокой! Коль могу спасенна брата зрѣть,
(Хотя нельзя забыть отца ужасну смерть,)
Небуду я внимать души моей стремленью,
Къ молчанью принужду, и можетъ быть къ почтенью,
Пусть буду я рабой. — Но брата пощади!

ЕГИСТЪ.

Твой будетъ братъ сраженъ, ты въ узахъ дни веди.
Во гробѣ коль узрю, тогда окончу мщенье!
Напрасно гордости являешъ униженье.

КЛИТИМНЕСТРА.

Не лишнель въ ярости ты презираешъ злой
Вдову и кровь царя, что былъ властитель твой?
Нѣтъ. — Сына сохраню отъ бѣдъ ему грозящихъ,
Ты узришъ мать во мнѣ, въ нихъ сестръ его любящихъ!
Величіе твое, что можетъ уменшить,
Орестъ подвластенъ бывъ, не силенъ повредить?
А дщери, зри, мои покорствовать готовы,
Иль не смягчитъ ни что желанія суровы?
Довольно я была участницей въ бѣдахъ,
Довольно жертвъ тебѣ явила въ сихъ мѣстахъ;
Чтобъ утвердить свой тронъ, страной владѣя сею,
Должноли жертвовать всей кровію моею?
Всегдаль чадоубіицъ супругами мнѣ зрѣть?
Явилъ въ Авлидѣ тотъ ужасну дщери смерть,
Другой покорствуя и гордости и злобѣ
Сыновню кровь спѣшитъ пролить на отчемь гробѣ!
Погибни на всегда вѣнецъ и скитръ со мной,

Несносны Греціи и тяжки мнѣ самой!
Люблю тебя. — Ты зришь мое въ томъ злодѣянье,
Все преступленіе и все благодѣянье;
Но наконецъ должна щадить я кровь мою. —
Я много пролила храня любовь твою!
Теперь остановлю твою жестоку руку!
Ты вѣдаешъ мой нравъ! Брегись! мою зря муку!
Союзъ мнѣ твой священъ въ величіи судьбинъ;
Но матери страшись! Егистъ! Орестъ мой сынъ!

ЕЛЕКТРА *къ Клитимнестрѣ.*

Превысила въ тебѣ себя надежда ясно!
Нѣтъ. — Сердце злу твое не можетъ быть причастно!
Отмщай супруга кровь! За чадъ, за лютость зла!

ЕГИСТЪ.

О дерская раба! Ты мѣру превзошла!
Агамемненова вдова и чада съ нею,
Не могутъ управлять здѣсь властію моею!
Царица! Гибельны мятутъ тебя мечты!
Чью кровь въ смущеніи спасать дерзаешъ ты?
Противъ кого? О рокъ!.. Спѣшите, въ тужъ минуту,
Да оба смерть они скорѣй воспримутъ люту!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕГИСТЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ЕЛЕКТРА, ИФИЗА, ДИМАСЪ.

ДИМАСЪ.

Ахъ! Государь!

ЕГИСТЪ.

Вѣщай.—Что зрю? Твой смутный видъ
Что предсказуетъ мнѣ? . . . .

ДИМАСЪ.

Орестъ! . . . Орестъ открытъ!

ИФИЗА.

Ахъ! Какъ?

КЛИТИМНЕСТРА.

Мой сынъ!

ЕЛЕКТРА.

Мой братъ!

ЕГИСТЪ.

Ужели казнь сверишили?

ДИМАСЪ.

Еще не свершена.

ЕГИСТЪ.

Или мнѣ измѣнили!

ДИМАСЪ.

Орестъ открылся всѣмъ, когда предсталъ Памменъ.
Пиладъ Орестовъ другъ съ нимъ въ узахъ приведенъ
Агамемнона кровь явилъ всему народу;
Страшусь преданности всѣхъ войскъ Атрея къ роду!

ЕГИСТЪ.

Пойдемъ, пойдемъ туда и казнью поспѣшимъ!
Узря мой гнѣвъ, дерзнетъ кто стать въ защиту имъ?
Ты сестръ его стреги, а ты ступай за мною. —
Не устрашитъ меня Атрея кровь собою!
Не можетъ быть ни кѣмъ избавленъ здѣсь Орестъ!
Отецъ Плистену я; а мнѣ отецъ Тіестъ!

ЯВЛЕНІЕ. V.

КЛИТИМНЕСТРА, ЕЛЕКТРА, ИФИЗА.

ИФИЗА.

Послѣдуй съ нимъ, предстань, будь тверда, нестрашися,
Вѣщай, и пламень всѣхъ сердецъ свершить потщися!

ЕЛЕКТРА.

Внемли природы гласъ, свой подвигъ совершай!
Неустрашимость всю явить свою дерзай!
Веди съ собою насъ!

КЛИТИМНЕСТРА.

Ахъ! Зрите всѣ премѣны!
Вы не послушной мнѣ здѣсь стражей окружены.
Въ ужасныхъ сихъ часахъ должна я показать,

Что мнѣ Егистъ супругъ, что я Оресту
мать.
О небо! Обрати ко мнѣ судьбы блаженны,
И помоги свершить права сіи священны!
Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА.

ИФИЗА.

Свирѣпство рокъ свое явить стремится
вновь;
Храня Ореста онъ, щадитъ Егиста кровь!
Раскаяніе, стонъ, прошенья, токи слезны
Противъ усилія тирана безполезны!
Егистъ въ жестокости отмщеніемъ гро-
зитъ,
Стремя свирѣпость всю для собственныхъ
защитъ.
Онъ властвуетъ, разитъ и всѣ его стра-
шатся!

ЕЛЕКТРА.

А я могла предъ нимъ толико унижаться?
Я нисхожу во гробъ покрытая стыдомъ,
Я шла противъ себя въ отчаяніи зломъ,
Я бѣдства всѣ сіи покорностью свершила!
Все, все противу насъ, весь гнѣвъ судьба
явила! —
Что сдѣлали друзья, что сдѣлалъ самъ Пам-
менъ,

Народъ кой злобою къ тирану упоенъ,
Тѣ боги брата, что на месть вооружили,
И зрѣть ему въ бѣдахъ сестру его претили,
Тѣ дщери адскія съ змѣями на главахъ,
Вступивши въ мрачный сводъ со пламенемъ
въ рукахъ?
Увы! Природа вся, въ сей грозный день, ужасной,
Казавшась внемлющей стенанію нещастной,
Шлетъ брату страшну смерть, Егисту помощъ силъ! —
Всѣ боги, смертные и адъ мнѣ измѣнилъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЕЛЕКТРА, ПИЛАДЪ, ИФИЗА.

ЕЛЕКТРА.

Ужель всему конецъ?

ПИЛАДЪ.

Всѣхъ премѣнилась доля.—
Уже свободна ты, небесъ свершилась воля.

ЕЛЕКТРА.

Какъ?

ПИЛАДЪ.

Царствуетъ Орестъ, я къ вамъ съ тѣмъ
поспѣшилъ!

ИФИЗА.

О Боги праведны!

ЕЛЕКТРА.

Лишаетъ радость силъ!
Орестъ! . . . Возможноли? . . .

ПИЛАДЪ.

Рукой боговъ всесильныхъ,
Орестъ отмститъ за родъ, отмститъ за кровь невинныхъ.

ЕЛЕКТРА.

Какой всещедрый богъ явилъ всѣхъ бѣдъ конецъ?

ПИЛАДЪ.

Духъ, имя, твердость, родъ, всѣ предки и отецъ;
Твое нещастіе, терпѣнье, добродѣтель,
Усердье, истинна и самъ судебъ владѣтель!
Когда къ намъ приведенъ былъ вѣрный сей Памменъ,
Которой умереть былъ съ нами осужденъ;
Народъ средь тишины и страшна удивленья,
Едва удерживалъ сердечныя движенья;
Гнѣвъ строгій воиновъ въ душахъ сокрытъ кипѣлъ. —
Къ наемникамъ Орестъ тирана взоръ возвелъ:
„Разите, рѣкъ онъ имъ:“ Остатокъ царска рода!
Сей гласъ его проникъ во всѣ сердца народа.
Узря его чело, познавъ уже кто онъ,
Возмнили, что предсталъ средъ нихъ Агамемнонъ,
Которой вѣчности разторгнувъ всѣ законы,
Явился въ сихъ мѣстахъ народамъ дать законы.

Я началъ речь свою, сталъ внятенъ дружбы
гласъ,
Ее священною почли всѣ между насъ. —
Приспѣвши воины, насъ поразить хотѣли,
Взнесли свои мечи; но опустить несмѣли.
Тогда, тогда объялъ усердный насъ народъ,
Любовь и дружество явили свой восходъ.
Орестъ былъ увлеченъ преданными серд-
цами!
Въ то время самъ Егистъ спѣшащими сто-
пами,
Летитъ карать его, но зритъ своимъ царемъ!
Въ мгновенье ока вся изчезла гордость въ
немъ.
Бѣгущихъ видѣлъ я рабовъ съ его друзьями,
Ругались воины тирана надъ судьбами.
О день великаго примѣра! Правды гласъ!
Онъ въ узы заключенъ, которы сняли съ
насъ.
Лишъ Клитимнестра съ нимъ, его не оста-
вляетъ,
И отъ неистовства народа защищаетъ;
Бросаяся межъ войскъ, въ отчаянности злой,
Отъ изступленія храня его собой,
Въ объятіяхъ держа, среди народна круга
Ореста проситъ жизнь щадить ея супруга.
Орестъ претитъ мятежъ, и почитая мать,
Долгъ сына, брата вдругъ стремится
исполнять.

Едва низвергнулъ онъ оковы щастья въ долѣ,
Является царемъ великимъ на престолѣ.

ИФИЗА.

Пойдемъ умножить мы всѣхъ искренность сію,
Ореста въ щастье зрѣть, утѣшить мать свою.

ЕЛЕКТРА.

Какое благо намъ являютъ щедры боги!
О дружества герой, прогнавшій бѣдства строги! —
Пойдемъ!

ПИЛАДЪ *къ послѣдующимъ.*

Отъ сихъ оковъ избавте тяжкихъ мукъ,
Съ рожденныхъ скиптръ носить падите узы съ рукъ!

Снимаютъ съ нее оковы.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЕЛЕКТРА, ИФИЗА, ПИЛАДЪ, ПАММЕНЪ.

ЕЛЕКТРА *къ Пламмену.*

Гдѣ брата мнѣ узрѣть средь щастья, восхищенья? —
Почто нейдетъ Орестъ?

ПАММЕНЪ.

Минуты удаленья
Великой жертвѣ имъ теперь посвящены,
Что прахъ отцовской ждетъ и всѣ его страны.

Онъ внемлетъ гласъ боговъ. — И надъ гробницей тою
Преступну долженъ кровь пролить своей рукою.
Пожди, доколь отца смерть будетъ отмщена,
Обязанность сія правдива и нужна. —
Но зрѣть тебѣ нельзя позорище то съ нами.--
Законы знаешъ ты намъ данныя богами,
Которые претятъ невинности твоей
Окровавленныхъ рукъ собой касаться ей.

ИФИЗА.

Но Клитимнестра, что теперь предпринимаетъ?
Узримъ ее. . . . .

ПАММЕНЪ.

Она въ отчаяньи страдаетъ,
Жизнь хочетъ защитить Егистову собой,
Отъ сына дерзкою храня его рукой.

ЕЛЕКТРА.

Она блюдетъ его? Она! чьи руки строги
Агамемнона кровь!..Ахъ! Воспретите боги!

ПАММЕНЪ.

Вѣщаютъ: видѣли свирѣпыхъ Фурій тамъ,
Убійства жаждущихъ, не внемлющихъ мольбамъ,
Творящихъ съ лютостью велѣнье страшно рока. —
Орестъ въ срединѣ ихъ; а съ ними смерть жестока!

ИФИЗА.

О день! Ужасный день! Будь днемъ для насъ щедротъ;
Окончи всѣ бѣды, что нашъ стѣсняютъ родъ!
Прерви судьба, прерви гоненія несносны!
Ахъ! Слышитель сей вопль, сей шумъ и крики грозны?

ЕЛЕКТРА.

То мать моя!

ПАММЕНЪ.

Она!

КЛИТИМНЕСТРА *за Θеатромъ.*

Постой.

ИФИЗА.

О Рокъ!

КЛИТИМНЕСТРА *за Θеатромъ.*

Мой сынъ!

ЕЛЕКТРА.

Рази безъ жалости, рази, чтя власть судьбинъ!
Отмщай за насъ, за всѣхъ, разрушъ союзъ царицы,
Въ объятіяхъ ея, пронзай ты грудь убійцы!
Рази! . . . .

КЛИТИМНЕСТРА *за Θеатромъ.*

Мой сынъ! . . . Твоей кончаю жизнь рукой!

ПИЛАДЪ.

Судьба!

ИФИЗА.

Проступокъ злой!

ЕЛЕКТРА.

О Братъ нещастный мой!
Чемъ злодѣянія караетъ рокъ толь слезный?
На вѣкъ ужасный день!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ОРЕСТЪ *и прежніе.*

ОРЕСТЪ.

Земля! Разверзни бездны! —
О мать моя! Танталъ! Атреи! — Простирите взглядъ!
Я вѣчной жертвой къ вамъ свергаюся во адъ! —
Оспоривать грѣхи и тяжкія мученья! . . .

ЕЛЕКТРА.

Жестокой! Что дерзнулъ? . . . . .

ОРЕСТЪ.

Она, средь изступленья! —
Спасала!. .Съ ней его!...Языкъ нѣмѣетъ мой!...

ЕЛЕКТРА.

Ужаснѣйшій ударъ! . . . Сыновнею рукой! . . .
Ты! . . . .

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ!...Ахъ! То не я!.. И не мои удары!
Ужасна власть судебъ! Во гнѣвѣ боги яры!...
Я ихъ орудіе! . . . Не вижу бѣдъ конца!
Изгнанъ изъ странъ моихъ убійствомъ я отца,
Убіивствемъ матери, изгнанъ изъ свѣта цѣла!
Невинность, дружбу, все терять судьба велѣла!

О Солнце! Отъ страны бѣгуще лютой сей;
О Солнце! Празднествомъ, что устрашилъ Атрей —
Ты свѣтишъ для меня въ землѣ безчеловѣчной?
Ты не спѣшишъ меня покрыть здѣсь тмою вѣчной?
О Боги! Властію страшащи смертныхъ злой!
О Боги! Что злодѣйствъ моихъ теперь виной!
Къ какимъ велите днесь бѣжать мѣстамъ суровымъ?
Къ какимъ злодѣйствамъ мнѣ еще стремиться новымъ?
Вѣщайте!..Внемлю гласъ!...„Тавриды кобрегамъ"!
Бѣгу жестокую узрѣть я жрицу тамъ,
Что крови странниковъ богамъ лiетъ въ даръ токи,
Богамъ, которые нестоль какъ вы жестоки!

ЕЛЕКТРА.

Останься и вручи безсмертнымъ жребiй твой!

ПИЛАДЪ.

Вездѣ послѣдую Орестъ, я за тобой!
Да дружба въ святости хранимая толь нами,
Восторжествуетъ днесь надъ бѣдствомъ и судьбами!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран:
Трагедіи	ФЕДРА. - - - - - - -	1.
	АѲАЛІЯ или ГОѲОЛІЯ.	131.
	ОРЕСТЪ. - - - - - - - -	257.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано.		*Читай.*
37.	Чтобъ	что.
64.	Никазанья.	Наказанья.
II.	сенахъ.	сеняхъ.
III.	Расумительными.	вразумительными.
131.	стремть.	стремить.
132.	не мнию.	не мню.
134.	злодѣства.	злодѣйства.
—	священны	священный.
—	отместителя	отмстителя.
152.	АѲАЛГА.	АѲАЛІЯ:
—	себь.	себя.
156.	удаиллись	удалились.
160.	себь.	себя.
163.	воображенье	изображенье.
170.	Ие	Не

171.	Тсадъ	дастъ.
—	Мудросит.	мудрости.
205.	жрецы съ чадами.	жрецы со чадами.
214.	ІОАДЪ	ІОАСЪ.
218.	Бозставь	Возставь
230.	къ Іосавитѣ.	къ Іосаветѣ.
287.	плычь	плачь.
288.		ПИЛАДЪ.
291.	Нареньемъ	намѣреньемъ.
360.	закопы	запоны